

АП:И

АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

международный научный журнал // ISSN 2713-1513 // № 22 (308), 2026 // apni.ru

часть III

Актуальные исследования

Международный научный журнал

2026 • № 22 (308)

Часть III

Издается с ноября 2019 года

Выходит еженедельно

ISSN 2713-1513

Главный редактор: Ткачев Александр Анатольевич, канд. социол. наук

Ответственный редактор: Ткачева Екатерина Петровна

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей.
При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абдуллин Тимур Зуфарович, кандидат технических наук (Высokотехнологический научно-исследовательский институт неорганических материалов имени академика А. А. Бочвара)

Абидова Гулмира Шухратовна, доктор технических наук, доцент (Ташкентский государственный транспортный университет)

Альборад Ахмед Абуди Хусейн, преподаватель, PhD, Член Иракской Ассоциации спортивных наук (Университет Куфы, Ирак)

Аль-бутбахак Башшар Абуд Фадхиль, преподаватель, PhD, Член Иракской Ассоциации спортивных наук (Университет Куфы, Ирак)

Альхаким Ахмед Кадим Абдуалкарем Мухаммед, PhD, доцент, Член Иракской Ассоциации спортивных наук (Университет Куфы, Ирак)

Асаналиев Мелис Казыкеевич, доктор педагогических наук, профессор, академик МАНПО РФ (Кыргызский государственный технический университет)

Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, проректор по научной работе, профессор, директор НИИ биогеографии и ландшафтной экологии (Дагестанский государственный педагогический университет)

Бафоев Феруз Муртазоевич, кандидат политических наук, доцент (Бухарский инженерно-технологический институт)

Гаврилин Александр Васильевич, доктор педагогических наук, профессор, Почетный работник образования (Владимирский институт развития образования имени Л.И. Новиковой)

Галузо Василий Николаевич, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник (Научно-исследовательский институт образования и науки)

Григорьев Михаил Федосеевич, доктор сельскохозяйственных наук (Кузбасский государственный аграрный университет имени В.Н. Полецкого)

Губайдуллина Гаян Нурахметовна, кандидат педагогических наук, доцент, член-корреспондент Международной Академии педагогического образования (Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова)

Ежкова Нина Сергеевна, доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики (Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого)

Жилина Наталья Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент (Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Ильина Екатерина Александровна, кандидат архитектуры, доцент (Государственный университет по землеустройству)

Каландаров Азиз Абдурахманович, PhD по физико-математическим наукам, доцент, проректор по учебным делам (Гулистанский государственный педагогический институт)

Карпович Виктор Францевич, кандидат экономических наук, доцент (Белорусский национальный технический университет)

Кожевников Олег Альбертович, кандидат юридических наук, доцент, Почетный адвокат России (Уральский государственный юридический университет)

Колесников Александр Сергеевич, кандидат технических наук, доцент (Южно-Казахстанский университет им. М. Ауэзова)

Копалкина Евгения Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент (Иркутский национальный исследовательский технический университет)

Красовский Андрей Николаевич, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН и АИН (Уральский технический институт связи и информатики)

Кузнецов Игорь Анатольевич, кандидат медицинских наук, доцент, академик международной академии фундаментального образования (МАФО), доктор медицинских наук РАГПН, профессор, почетный доктор наук РАЕ, член-корр. Российской академии медико-технических наук (РАМТН) (Астраханский государственный технический университет)

Литвинова Жанна Борисовна, кандидат педагогических наук (Кубанский государственный университет)

Мамедова Наталья Александровна, кандидат экономических наук, доцент (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова)

Мукий Юлия Викторовна, кандидат биологических наук, доцент (Санкт-Петербургская академия ветеринарной медицины)

Никова Марина Александровна, кандидат социологических наук, доцент (Московский государственный областной университет (МГОУ))

Насакаева Бакыт Ермекбайкызы, кандидат экономических наук, доцент, член экспертного Совета МОН РК (Карагандинский государственный технический университет)

Олешкевич Кирилл Игоревич, кандидат педагогических наук, доцент (Московский государственный институт культуры)

Попов Дмитрий Владимирович, доктор филологических наук (DSc), доцент (Андижанский государственный институт иностранных языков)

Пятаева Ольга Алексеевна, кандидат экономических наук, доцент (Российская государственная академия интеллектуальной собственности)

Редкоус Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор (Институт государства и права РАН)

Самович Александр Леонидович, доктор исторических наук, доцент (ОО «Белорусское общество архивистов»)

Сидикова Тахира Далиевна, PhD, доцент (Ташкентский государственный транспортный университет)

Таджибоев Шарифджон Гайбуллоевич, кандидат филологических наук, доцент (Худжандский государственный университет им. академика Бободжона Гафурова)

Тихомирова Евгения Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, Почётный работник ВПО РФ, академик МААН, академик РАЕ (Самарский государственный социально-педагогический университет)

Хайтова Олмахон Саидовна, кандидат исторических наук, доцент, Почетный академик Академии наук «Турон» (Навоийский государственный горный институт)

Цуриков Александр Николаевич, кандидат технических наук, доцент (Ростовский государственный университет путей сообщения (РГУПС))

Чернышев Виктор Петрович, кандидат педагогических наук, профессор, Заслуженный тренер РФ (Тихоокеанский государственный университет)

Шаповал Жанна Александровна, кандидат социологических наук, доцент (Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Шошин Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского)

Эшонкулова Нуржахон Абдужабборовна, PhD по философским наукам, доцент (Навоийский государственный горный институт)

Юсупова Феруза Зойировна, доктор философии (PhD) (Навоийский государственный горно-технологический университет)

Яхшиева Зухра Зиятовна, доктор химических наук, доцент (Джиззакский государственный педагогический институт)

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Архипова Е.С.	
ОСНОВНЫЕ ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	6
Данилов А.М.	
МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРАЖДАН НА ОБРАЩЕНИЕ В ОРГАНЫ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ РФ	10
Елизарова Е.О.	
ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ГРАБЕЖА	14
Еременко К.О.	
ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ	19
Ерошенко А.А.	
ЗНАЧЕНИЕ СЕМЕЙНОГО ПРАВА В СИСТЕМЕ ПРАВОВЫХ НАУК.....	23
Коркмазова С.М.	
ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В УСЛОВИЯХ ПРОЦЕДУР БАНКРОТСТВА.....	26
Махмутова М.Э.	
НЕТРАДИЦИОННЫЕ МЕТОДЫ В КРИМИНАЛИСТИКЕ	29
Овчинников Ю.Г., Краснова А.О.	
ОСОБЕННОСТИ ИЗБРАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	32
Олейник А.Н.	
«ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ» ПРЕСТУПНИКА И РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	37
Папикова А.В.	
ВОПРОСЫ ОПИСАНИЯ ВНЕШНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В КРИМИНАЛИСТИКЕ	40
Селиверстов Д.М.	
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ В ДОКАЗЫВАНИИ КОММЕРЧЕСКОГО ПОДКУПА: КАК «ЧИТАТЬ» ДОКАЗАТЕЛЬСТВА.....	42
Смирнова В.П.	
ПРИМЕНЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ФИКСАЦИИ И РАЗРЕШЕНИЯ МОРСКИХ ПРЕТЕНЗИЙ О ТЕЛЕСНЫХ ПОВРЕЖДЕНИЯХ	47
Степанов С.Н.	
ЛИЦА, НЕПОСРЕДСТВЕННО ИСПОЛНЯЮЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ, СОДЕРЖАЩИЕСЯ В ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТАХ, КАК СУБЪЕКТ РОССИЙСКОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА.....	51
Филиппова Н.В.	
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРОВ	55
Худякова А.Х.	
К ВОПРОСУ О НЕДОСТАТКАХ НОРМАТИВНО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПРЕСТУПНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	59

Худякова А.Х.

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, ДОВОДЯЩЕГО ДО САМОУБИЙСТВА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО	62
---	----

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Карпенко К.С., Стефаненко М.Н.

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ СБЫТОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ НА ОСНОВЕ СИСТЕМЫ ПОКАЗАТЕЛЕЙ	66
--	----

Кожевникова Е.В.

ПРАВОВЫЕ РИСКИ В ПРОЦЕССАХ КРОСС-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ОРГАНИЗАЦИИ	69
--	----

Колесников В.А., Бутков А.И., Долгополов А.А.

НЕМАТЕРИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ В ИНВЕСТИЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: КАК ИМИДЖ ПРЕДПРИЯТИЯ ВЛИЯЕТ НА РЕШЕНИЯ ИНВЕСТОРОВ	74
---	----

Мушкеев И.И.

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОЦЕССОВ ТОВАРОДВИЖЕНИЯ НА ПРЕДПРИЯТИИ	77
--	----

Назырбаев И.И.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ВНЕДРЕНИЯ РРА В УЧЁТНЫХ ПРОЦЕССАХ ГОРНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ХОЛДИНГА	80
---	----

Неклюдов А.В.

SWOT-АНАЛИЗ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ НЕСТАБИЛЬНОЙ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ	86
---	----

Садуллаев П.А.

СОГЛАСОВАНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ СТРАТЕГИИ И ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ В УСЛОВИЯХ ПРОЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	89
--	----

Чжан Илин

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УЧЕТА ТОВАРНЫХ ОПЕРАЦИЙ НА ПРЕДПРИЯТИИ ОПТОВОЙ ТОРГОВЛИ	94
--	----

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

АРХИПОВА Екатерина Сергеевна

магистрантка, Саратовская государственная юридическая академия, Россия, г. Саратов

ОСНОВНЫЕ ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные пути повышения эффективности государственной семейной политики Российской Федерации на современном этапе. Автор подчеркивает, что четкие критерии эффективности семейной политики до настоящего времени не выработаны, что затрудняет мониторинг динамики ключевых показателей. Делается вывод, что эффективность семейной политики зависит от комплексного подхода, учета региональных особенностей и координации действий всех уровней власти и общественных институтов.

Ключевые слова: государственная семейная политика, эффективность, многодетные семьи, институциональное направление, финансово-экономические меры, ценностно-идеологическое направление, семейноцентричность, критерий нуждаемости, региональная специфика, традиционные семейные ценности.

С момента признания приоритетного характера семейной политики на государственном уровне, в современных условиях своего становления и развития, государственная семейная политика Российской Федерации сталкивается с рядом серьезных вызовов, обусловленных экономической трансформацией, демографической дестабилизацией и социокультурными факторами.

Целесообразно утверждать, что в целях раскрытия в полном объеме потенциала, заложенного в многогранном институте семьи, государственная семейная политика находится на стадии поиска, разработки и формирования оптимальных условий и механизмов, позволяющих активно поддерживать семейные ценности в условиях существующей трансформации отношения к институту семьи и брака в России.

Объективное ухудшение положения семейной политики обострили проблемы семей, проживающих в Российской Федерации. Важно отметить, что значительный временной период проблемы семьи не относились к приоритетным направлениям как государственной, так и региональной политики, по ряду причин: ограниченность финансового ресурса государства, степень проявления семейных проблем не обладала достаточным уровнем информационного освещения, отождествление семейной

политики с демографической политикой, которое долгое время отодвигало фокус внимания от действительного влияния мер государственной поддержки на целевые показатели рождаемости и так далее.

На современном этапе актуализация данной проблематики в последние годы обоснована истинным пониманием важности статуса успешно реализованной семейной политики, как ядра социального государства. Конституция Российской Федерации провозгласила защиту семьи, материнства, отцовства и детства – в качестве гарантированных и охраняемых ценностей, усилив тем самым устойчивость законодательного массива на современном этапе.

До изучения самих способов повышения эффективности государственной семейной политики в Российской Федерации целесообразно сконцентрироваться на определении понятия эффективности государственной семейной политики. Определение оценки эффективности семейной политики является сложной, и в то же время актуальной задачей. Но в настоящее время четкие критерии эффективности семейной политики не выработаны, нет единства мнений относительно наиболее универсальных и адекватных с теоретической точки зрения критериев.

В свою очередь, адекватная современным требованиям модель оценки семейной политики могла бы стать востребованным инструментом для изучения закономерностей развития социально-демографических процессов, во взаимосвязи с проводимыми мерами семейной политики, облегчить отслеживание динамики ключевых показателей. Российские регионы имеют различный ресурсный потенциал и дифференцированы по уровню социально-экономического развития, следовательно, семейная политика в субъектах Российской Федерации имеет свою региональную специфику и финансирование. Все это должно учитываться при формировании модели, поскольку одним из основных принципов является принцип «универсальности критериев». Модель только в том случае может считаться валидной, если она будет применима по отношению ко всем регионам [3, с. 678].

Основные пути повышения эффективности государственной семейной политики в Российской Федерации включают комплекс мер, направленных на поддержку семей, укрепление института семьи, сохранение традиционных ценностей, профилактику семейного неблагополучия и повышение качества жизни семей. Они направлены на пути повышения эффективности семейной политики и могут быть сгруппированы по трем ключевым направлениям: институциональное, инструментальные (финансово-экономические), ценностно-идеологическое (социокультурное) направления.

1. *Институциональное направление*: создание единой системы управления и координации государственной семейно-правовой политики Российской Федерации. Данное направление является приоритетным, так как данная проблема требует системного решения:

- Формирование вертикали управления – создание на национальном уровне уполномоченного органа, обеспечивающего разработку и выполнение единой семейной стратегии, координацию ведомств и персонифицированную ответственность за эффективность принимаемых мер.

- Обеспечение реализации механизма горизонтальной координации – предполагает координацию усилий всех субъектов семейной профилактики и поддержки для одновременного воздействия на экономические, психологические, педагогические и медицинские проблемные аспекты семьи, с позиции: проблемы

семьи носят системный характер и не могут быть решены в рамках одного ведомства.

- Разграничение полномочий и ответственности – определение зон ответственности федерального, регионального и муниципального уровней реализации семейной политики.

- Внедрение принципа семейноцентричности, при котором благополучие и интересы семьи становятся главным критерием для оценки всех решений, принимаемых государством. А также закрепление данного понятия в терминологии и придание ему единого стандарта.

2. *Инструментальное (финансово-экономическое) направление*: оптимизация существующих мер поддержки, изменение условий их предоставления, введение новых выплат:

- Отмена критерия нуждаемости для получения государственной помощи – базируется на стремлении сделать поддержку семей более справедливой, гуманной и соответствующей их особому статусу, постепенно отходя от логики адресной помощи только семьям, чей среднедушевой доход ниже регионального прожиточного минимума. Это создает парадоксальную ситуацию, когда семья, где официальные доходы лишь немного превышают минимальную планку, лишается помощи.

- Переход от принципа «освоение бюджета» к программно-целевому принципу, при котором ставится цель – достижение конкретных измеримых результатов.

- Создание условий для экономической самостоятельности семьи (возможность проходить повышение квалификации, профессиональное обучение и дополнительное профессиональное образование для родителей, имеющих малолетних детей, развитие дистанционных и надомных форм занятости для отдельных категорий семей (одиноких родителей, многодетных семей) и иные способы создания условий для профессиональной реадaptации и повышения конкурентоспособности членов семей на рынке труда).

- Синхронизация жилищных программ с семейным статусом (единая жилищная политика для семей с детьми) – поддержка семей, путём реализации программ льготной ипотеки, социальных выплат на приобретение жилья, развитие доступного арендного и социального жилья.

3. *Ценностно-идеологическое (социокультурное) направление*: предполагает

взаимодействие с целью изменение образа мышления, включающее уважительное отношение к семейному образу жизни и традиционным семейным ценностям:

- Укрепление здоровья семей и повышение рождаемости – развитие комплексной программы по охране материнства, отцовства и детства, включая сбережение здоровья детей и подростков (расширение сети женских консультаций, модернизацию перинатальных центров, детских поликлиник и больниц, совершенствование скрининговых программ).

- Развитие программ реабилитации и психологической поддержки женщин после рождения ребёнка, совершенствование методов лечения бесплодия.

- Содействие в реализации воспитательного и культурно-образовательного потенциала семьи (повышение педагогической культуры родителей, обеспечение доступности для семей и родителей помощи специалистов в области социально-педагогической поддержки, психологии, юриспруденции и других сферах, разработка образовательных программ для молодых семей по подготовке к созданию семьи, семейным отношениям на основе традиционных ценностей, конструктивному разрешению конфликтных ситуаций).

- Развитие кризисных центров (приютов, центров временного пребывания) для женщин и мужчин, подвергшихся насилию, в том числе в семье.

- Проведение информационной агитации через средства массовой информации, направленной на популяризацию традиционных семейных ценностей, здорового образа жизни, многодетности, многопоколенной семьи и осознанного родительства, благодаря чему будет гарантироваться повышение статуса семьи, в основе которой лежат прочность брачных отношений, здоровое материнство, ответственное отцовство.

Девальвация традиционных ценностей семьи влечет за собой рост числа незарегистрированных браков, а также рост числа внебрачных детей при условии роста числа разводов. Одной из причин развития деструктивных процессов, протекающих в современных

семьях, детерминируются недостаточным вниманием государства к семье, как социокультурной единице. В результате основной государственный ресурс тратится не на предупреждение, а на последствия разрушения семьи в то время, как здоровая семья должна быть стабилизатором социальной обстановки в обществе.

Также необходимо отметить, что с декларируемой государством задачей популяризации и продвижения традиционных семейных ценностей не согласуется отмена обязательной отметки в паспорте о браке и детях.

- Создание методических рекомендаций по созданию медиаконтента, направленного на укрепление крепкой семьи как традиционной ценности.

В настоящее время потенциал семьи реализуется не в полном объеме, социокультурная ситуация требует создания дополнительных мер повышения эффективности реализуемой государственной семейной политики, эффективность которой зависит от комплексного подхода, учитывающего социально-экономические условия, региональные особенности, а также от координации действий различных ведомств и общественных организаций.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.; СЗ РФ. 2020. № 11, ст. 7, 19, 38.
2. Лебедева А.В. Рекомендации по повышению эффективности государственной семейно-демографической политики в условиях модернизации современного российского общества // E-Scio. №12. 2018. URL: <https://e-scio.ru/wp-content/uploads/2018/12/Лебедева-А.-В..pdf> (дата обращения 20.05.2026).
3. Мухамадиева Р.Р. Эффективность семейной политики: метод оценки и показатели. Уфа: Академия наук Республики Башкортостан, 2020. – С. 676-678.
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. От 23.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

ARKHIPOVA Ekaterina Sergeevna

Graduate Student, Saratov State Law Academy, Russia, Saratov

MAIN WAYS TO IMPROVE THE EFFICIENCY OF THE STATE FAMILY POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *This article examines current ways to improve the effectiveness of the state family policy of the Russian Federation at the present stage. The author emphasizes that clear criteria for the effectiveness of family policy have not yet been developed, which complicates the monitoring of key indicators' dynamics. It is concluded that the effectiveness of family policy depends on an integrated approach, consideration of regional specificities, and coordination of actions among all levels of government and public institutions.*

Keywords: *state family policy, effectiveness, large families, institutional direction, financial and economic measures, value-ideological direction, family-centricity, means-testing criterion, regional specificity, traditional family values.*

ДАНИЛОВ Артем Максимович

магистрант, Херсонский технический университет, Россия, г. Геническ

МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРАЖДАН НА ОБРАЩЕНИЕ В ОРГАНЫ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ РФ

Аннотация. В статье анализируются теоретические и практические аспекты реализации конституционного права граждан на обращения в условиях цифровизации публичного управления. Особое внимание уделено изменениям законодательства 2025 года, затронувшим порядок рассмотрения электронных обращений. На основе анализа Федерального закона № 59-ФЗ и правоприменительной практики выявлены типичные нарушения (формальные ответы, несоблюдение сроков, необоснованная переадресация). Сформулированы предложения по совершенствованию механизма защиты права, включая внедрение стандартов мотивированного ответа и развитие аналитики обращений.

Ключевые слова: конституционное право, обращения граждан, публичная власть, цифровизация, административная процедура, судебная защита, электронное обращение.

Введение

Право граждан на обращение в органы публичной власти, закрепленное статьей 33 Конституции РФ, занимает особое место в системе конституционных гарантий. В отличие от многих иных прав, оно носит ярко выраженный инструментальный характер, ежедневно используясь для решения конкретных жизненных ситуаций: от получения разъяснений и защиты нарушенных прав до инициирования проверок деятельности государственных органов. В современный период значение данного института многократно возрастает в связи с цифровой трансформацией государственного управления.

Внесенные Федеральным законом от 28 декабря 2024 г. № 547-ФЗ изменения в Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», вступившие в силу с 30 марта 2025 г., существенно скорректировали правовой режим электронных обращений. Если ранее законодательство допускало направление электронных писем на общих основаниях, то теперь рассмотрению подлежат лишь обращения, направленные через Единый портал государственных и муниципальных услуг (ЕПГУ), информационную систему органа публичной власти или официальный сайт, обеспечивающие идентификацию и аутентификацию заявителя. Данное изменение формализует цифровую коммуникацию, но одновременно ставит вопрос о сохранении доступности права для всех категорий граждан.

Настоящая статья посвящена комплексному анализу особенностей механизма реализации права на обращение с учетом новых нормативных требований, выявлению актуальных проблем правоприменения и выработке направлений совершенствования данного правового института.

Основная часть

Механизм реализации конституционного права на обращение представляет собой многоуровневую систему, включающую нормативный, организационный, информационный и контрольный элементы. Как справедливо отмечается в правовой доктрине, право на обращение не сводится к свободе направить письмо в орган власти; его смысл заключается в праве на надлежащую административную реакцию. Эффективность механизма определяется тем, насколько последовательно орган публичной власти выполняет обязанности по приему, регистрации, рассмотрению обращения по существу, соблюдению сроков и направлению мотивированного ответа.

Анализ административной процедуры показывает, что наиболее уязвимым этапом является рассмотрение обращения по существу. Распространенной проблемой остается формальный ответ («отписка»), когда должностное лицо ограничивается общим цитированием законодательства без анализа конкретных доводов заявителя и представленных доказательств. Такая практика создает видимость исполнения обязанности, но не ведет к восстановлению нарушенного права, порождая

повторные обращения и подрывая доверие к государственным институтам.

Статья 5.59 КоАП РФ предусматривает административную ответственность за нарушение порядка рассмотрения обращений, однако на практике привлечение к ответственности за формальный ответ затруднено из-за сложности доказывания отсутствия рассмотрения по существу. Более эффективным представляется внедрение внутренних стандартов качества ответа, включающих обязательную оценку полноты анализа доводов, правовой мотивировки и описания принятых мер.

Цифровизация обращений создала новые возможности и одновременно породила новые риски. ЕПГУ и Платформа обратной связи (ПОС) «Госуслуги. Решаем вместе» позволяют гражданину в любое время направить обращение, приложить электронные документы, отслеживать статус рассмотрения и оценивать качество ответа. Прозрачность процедуры, обеспеченная электронным следом, дисциплинирует исполнителей и служит доказательством при последующем обжаловании.

Вместе с тем обновление законодательства 2025 года, связавшее рассмотрение электронного обращения с обязательной идентификацией заявителя, создает риск цифрового неравенства. Граждане, не имеющие подтвержденной учетной записи в ЕСИА, навыков работы с порталом или стабильного доступа к сети Интернет, могут оказаться в затруднительном положении. Сохранение многоканальности подачи обращений (почтовые отправления, личный прием) приобретает значение конституционной гарантии.

Судебная защита права на обращение реализуется преимущественно в порядке главы 22 Кодекса административного судопроизводства РФ. Предметом обжалования могут выступать как незаконный отказ в рассмотрении, так и бездействие, выразившееся в нарушении срока или ненаправлении ответа по существу. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 21 акцентирует внимание на необходимости оценки судом не только формального соблюдения процедуры, но и реального восстановления нарушенных прав заявителя. Тем не менее судебная защита не должна подменять качественное первичное рассмотрение: гражданин имеет право на эффективный административный ответ до обращения в суд.

Дополнительным уровнем защиты выступает прокурорский надзор. Прокурор вправе

проверять соблюдение законодательства об обращениях, вносить представления, возбуждать дела об административных правонарушениях, обращаться в суд в защиту прав неопределенного круга лиц. Особое значение институт Уполномоченного по правам человека приобретает при системных нарушениях, когда проблема выходит за пределы индивидуальной жалобы и требует публичного реагирования.

Практика свидетельствует о существовании устойчивых проблем, связанных с необоснованной переадресацией обращений. Гражданин не всегда способен точно определить орган, в компетенцию которого входит решение его вопроса. Законодательство предусматривает механизм перенаправления, однако нередко он используется не для обеспечения квалифицированного рассмотрения, а для ухода от ответственности. Особенно недопустима пересылка жалобы на действия должностного лица этому же должностному лицу для «рассмотрения». Такая практика лишает проверку объективности и должна пресекаться вышестоящими органами.

На основе проведенного анализа сформулированы следующие предложения по совершенствованию механизма реализации права на обращение:

1. Внедрение стандарта мотивированного ответа. Необходимо законодательно или ведомственно закрепить требования к содержанию ответа: указание на каждый существенный довод заявителя, изложение установленных фактических обстоятельств, правовое обоснование вывода, сведения о принятых мерах, порядок обжалования. Стандарт должен исключать возможность направления формальных отписок.

2. Развитие риск-ориентированного контроля. Обращения о нарушении социальных прав, о безопасности, о коррупции, о правах несовершеннолетних и инвалидов должны получать приоритетное рассмотрение с сокращенными внутренними сроками и обязательной проверкой руководителем.

3. Обеспечение цифровой доступности. Наряду с развитием идентифицированных каналов подачи обращений необходимо сохранять и поддерживать традиционные формы (почта, личный прием). В многофункциональных центрах и общественных приемных целесообразно организовать консультирование и помощь в подаче электронных обращений для граждан, испытывающих цифровые трудности.

4. Введение института ответственного координатора для сложных межведомственных обращений. Если вопрос затрагивает компетенцию нескольких органов, гражданин не должен получать несколько разрозненных ответов. Координатор обеспечивает сбор информации и подготовку единого мотивированного ответа.

5. Использование аналитики обращений для управленческих решений. Систематизация и анализ тем, географии, повторяемости и сроков рассмотрения обращений должны становиться основой для планирования проверок, корректировки регламентов и распределения ресурсов. Массовые однотипные жалобы – индикатор системной проблемы, требующей не индивидуального ответа, а программного решения.

6. Правовое просвещение граждан. На официальных сайтах органов власти, в МФЦ и через социальную рекламу необходимо распространять доступные инструкции: как правильно сформулировать обращение, какие сведения указать, куда направить, как отслеживать срок и обжаловать нарушение.

Заключение

Механизм реализации конституционного права граждан на обращения в органы публичной власти в Российской Федерации представляет собой сложную, но не вполне совершенную систему. При наличии развернутой нормативной базы (Конституция РФ, Федеральный закон № 59-ФЗ, специальные законы) ключевые проблемы сосредоточены в правоприменительной сфере: формальное рассмотрение доводов, несоблюдение сроков, необоснованная переадресация, низкое качество ответов.

Цифровизация, усиленная изменениями 2025 года, объективно повышает требования к идентификации заявителя и юридической определенности электронных обращений, однако не должна вести к исключению граждан, не обладающих цифровыми компетенциями. Сохранение многоканальности подачи обращений – необходимое условие реальной доступности конституционного права.

Эффективная защита права на обращение требует сочетания административного

(вышестоящий орган), прокурорского, судебного и правозащитного механизмов. Наиболее значимым направлением совершенствования представляется переход от количественных показателей (количество рассмотренных обращений, соблюдение срока) к качественным: полнота ответа, фактическое восстановление права, снижение повторных обращений. Реализация предложенных мер позволит превратить институт обращений из формальной переписки в действенный инструмент обратной связи, общественного контроля и защиты прав личности, что, в свою очередь, будет способствовать укреплению доверия граждан к публичной власти в целом.

Литература

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок от 01.07.2020).
2. Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (ред. от 28.12.2024).
3. Федеральный закон от 28.12.2024 № 547-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».
4. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 КАС РФ и главы 24 АПК РФ».
6. Савоськин А.В. Конституционное право граждан на обращение: проблемы теории и практики. Екатеринбург: УрГЮУ, 2019.
7. Дмитриев Ю.А. Право граждан на обращение в органы государственной власти и местного самоуправления // Государство и право. 2020. № 4. С. 32-41.
8. Зайцева О.В. Электронные обращения граждан: проблемы правового регулирования // Информационное право. 2024. № 1. С. 26-31.

DANILOV Artyom Maksimovich

Master's Student, Kherson Technical University, Russia, Genichesk

THE MECHANISM OF REALIZATION OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT OF CITIZENS TO APPEAL TO PUBLIC AUTHORITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *The article analyzes the theoretical and practical aspects of the implementation of the constitutional right of citizens to appeal in the context of digitalization of public administration. Special attention is paid to the changes in the legislation of 2025, which affected the procedure for reviewing electronic appeals. Based on the analysis of Federal Law No. 59-FZ and law enforcement practice, typical violations were identified (formal responses, non-compliance with deadlines, unjustified redirection). Proposals have been formulated to improve the legal protection mechanism, including the introduction of standards for motivated responses and the development of appeal analytics.*

Keywords: *constitutional law, citizens' appeals, public authority, digitalization, administrative procedure, judicial protection, electronic appeal.*

ЕЛИЗАРОВА Екатерина Олеговна

студентка, Челябинский государственный университет, Россия, г. Челябинск

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ГРАБЕЖА

Аннотация. В статье рассматриваются особенности квалификации грабежа как преступления против собственности, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации. Особое внимание уделяется признаку открытого хищения чужого имущества, который позволяет отграничить грабеж от кражи, разбоя, самоуправства и иных смежных составов преступлений. Раскрывается значение объективных и субъективных признаков деяния, момента окончания преступления, способа изъятия имущества, характера насилия и отношения виновного к факту открытого завладения имуществом. Отмечается, что правильная квалификация грабежа имеет существенное значение для определения пределов уголовной ответственности, назначения наказания и обеспечения единообразия судебной практики.

Ключевые слова: грабеж, квалификация, хищение, насилие, преступление, профилактика, личность, практика, право, собственность.

Грабеж формально выглядит как одно из наиболее понятных преступлений против собственности, однако на практике его квалификация регулярно порождает серьезные затруднения у правоприменителей. Статья 161 Уголовного кодекса Российской Федерации закрепляет достаточно лаконичное определение: открытое хищение чужого имущества, и именно этот признак открытости становится центральным камнем преткновения при разграничении смежных составов. Практические сложности возникают в самых разных ситуациях: когда требуется установить, осознавал ли виновный, что его действия происходят в присутствии потерпевшего или посторонних лиц, когда необходимо определить момент, в который тайное хищение трансформируется в открытое, а также когда встает вопрос о наличии насилия и о том, достигало ли оно той степени интенсивности, при которой деяние подлежит квалификации по пункту «г» части 2 статьи 161 УК РФ [1]. По этой причине особенности квалификации грабежа нельзя сводить к буквальному воспроизведению текста уголовного закона. Здесь требуется учет правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации, материалов судебной практики и криминологической характеристики самого преступления. Разъяснения по этим вопросам содержатся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое [2]».

С точки зрения уголовно-правовой оценки основной вопрос заключается в разграничении

грабежа со смежными составами. Кража отличается тайным характером хищения. Если лицо считало, что действует незаметно, а обнаружение произошло помимо его воли, но после этого оно отказалось от продолжения хищения, речь о грабеже не идет. Если же виновный, будучи обнаруженным, осознает этот факт и продолжает изъятие или удержание имущества, содеянное уже получает признаки открытого хищения. Разбой отличается более опасным уровнем насилия или угрозой такого насилия. При грабеже с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, речь идет о побоях, рывках, удержании, причинении физической боли без тяжких последствий или об ином физическом воздействии, не создающем опасности для жизни и здоровья потерпевшего [7, с. 196-201].

В практическом применении статьи 161 УК РФ решающее значение приобретает не только сам факт изъятия чужого имущества, а совокупность обстоятельств, позволяющих установить, каким образом виновный воспринимал ситуацию в момент совершения преступления и каким способом он обеспечивал завладение похищенным. Открытость хищения предполагает, что виновный понимает: его действия очевидны для потерпевшего, собственника, охраны, продавца либо иных лиц, способных осознавать противоправный характер происходящего. Если такое понимание отсутствует, содеянное не может автоматически рассматриваться как грабеж, даже если впоследствии факт хищения был обнаружен. Уголовно-правовая оценка здесь зависит от момента

обнаружения, поведения виновного после этого момента и его отношения к продолжению изъятия либо удержанию имущества.

Особенно часто подобные вопросы возникают по делам о хищениях из магазинов, торговых залов, подъездов, общественного транспорта и иных мест, где виновный первоначально рассчитывает на тайный характер своих действий, но затем сталкивается с реакцией потерпевшего или очевидцев. Если лицо, будучи замеченным, бросает имущество и прекращает противоправные действия, квалификация должна строиться с учетом покушения на кражу либо иного фактического развития события. Если же виновный, осознав, что его действия стали очевидны, продолжает выносить имущество, удерживает похищенное, отталкивает потерпевшего или пытается скрыться с ним, содеянное приобретает признаки грабежа. В таком случае открытый характер хищения формируется не с самого начала, а с момента, когда тайное изъятие перестает быть таковым для самого виновного [7, с. 196-201].

Судебная практика по делам о грабеже показывает, что суды обращают внимание не на формальное описание конфликта, а на конкретное содержание поведения виновного. Для квалификации по части 1 статьи 161 УК РФ достаточно установить открытое изъятие имущества без применения насилия, опасного для жизни или здоровья, и без квалифицирующих признаков. Для применения пункта «г» части 2 статьи 161 УК РФ требуется установить, что физическое воздействие на потерпевшего действительно имело место, было направлено на завладение имуществом или удержание похищенного и не достигало уровня опасного насилия, характерного для разбоя. Именно поэтому в приговоре суд должен раскрывать, какие действия совершил виновный: рывок, толчок, удержание, причинение боли, попытку вырвать имущество или иное воздействие, поскольку общая фраза о применении силы не дает достаточной основы для точной уголовно-правовой оценки [10, с. 1951-1955].

Показательным в этом отношении является приговор Красногорского городского суда Московской области от 7 апреля 2024 года по делу № 1-123/2024 [3]. По делу рассматривались действия подсудимого, которому вменялся грабеж с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья. Суд, исследовав показания потерпевшей, видеозаписи и иные

доказательства, пришел к выводу, что физическое воздействие со стороны подсудимого не носило такого характера, который позволял бы квалифицировать его действия по пункту «г» части 2 статьи 161 УК РФ. В результате содеянное было оценено по части 1 статьи 161 УК РФ как открытое хищение чужого имущества без указанного квалифицирующего признака. Это дело хорошо показывает, что для правильной квалификации недостаточно общей ссылки на сопротивление потерпевшего или на динамичность обстановки [8, с. 50-52].

Такое судебное решение подводит к более широкой проблеме. В практической работе органов дознания и следствия насилие при грабеже нередко описывается слишком общо. В материалах встречаются формулировки о рывке, отталкивании, попытке освободиться от удержания, но без точного раскрытия интенсивности и направленности этих действий. Правильная оценка характера насилия имеет значение уже на этапе возбуждения уголовного дела, поскольку именно тогда закладывается основа для дальнейшей квалификации содеянного, и любая ошибка здесь способна повлечь серьезные процессуальные последствия – если следствие завывает обвинение, суд будет вынужден его переквалифицировать, а если занизит, то реальная степень общественной опасности преступления окажется попросту проигнорированной [9, с. 342-345]. Отдельного внимания заслуживают случаи, когда открытость хищения определяется не тем, как именно преступник подходит к жертве, а тем, как он ведёт себя в момент, когда его застают за противоправными действиями. Подобные ситуации чаще всего складываются в магазинах и других торговых точках, где человек изначально рассчитывал на незаметность своих действий и не планировал вступать в какой-либо конфликт с окружающими. Однако, как только продавец, сотрудник охраны или любой другой присутствующий замечает происходящее, а виновный при этом не бросает похищенное и не прекращает свои действия, а напротив – продолжает удерживать имущество или спешно покидает место с ним, правовая квалификация содеянного существенно меняется [6, с. 461-465]. Эта проблема отчетливо проявилась в приговоре Ленинского районного суда города Новосибирска от 22 января 2025 года по делу № 1-76/2025 [4]. Подсудимый взял товар в магазине, был замечен сотрудником торгового зала, после чего попытался покинуть

помещение, удерживая похищенное. При задержании он применил физическое воздействие к сотруднице магазина. Суд разграничил эпизоды поведения и дал им самостоятельную оценку, указав, что открытый характер хищения возник после того, как подсудимый осознал факт своего обнаружения и не отказался от доведения деяния до конца. При этом квалифицирующее значение имело не любое сопротивление, а конкретное насилие, сопряженное с причинением физической боли. Дело представляет интерес тем, что в нем хорошо видна переходная граница между кражей грабежом, а также зависимость квалификации от субъективного восприятия виновным факта обнаружения [5, с. 27-29].

При этом именно краткость законодательной формулы статьи 161 УК РФ приводит к тому, что наиболее значимые признаки грабежа раскрываются не столько в самом уголовном законе, сколько через судебное толкование и оценку конкретных обстоятельств дела. На практике это создает ситуацию, при которой квалификация зависит от точного установления деталей поведения виновного: понимал ли он открытый характер своих действий, продолжал ли удерживать имущество после обнаружения, применял ли насилие, каким было это насилие и было ли оно связано с завладением либо сохранением похищенного. В связи с этим можно выделить несколько устойчивых уголовно-правовых проблем, требующих не только правильного правоприменительного подхода, но и возможного законодательного уточнения. Первая проблема связана с отсутствием в статье 161 УК РФ развернутого законодательного определения признака открытости хищения. На практике именно этот признак чаще всего вызывает сложности, поскольку суду необходимо установить не только объективное присутствие потерпевшего, собственника, охраны, продавца или иных лиц, но и субъективное восприятие этой обстановки самим виновным. Если лицо полагает, что действует незаметно, содеянное сохраняет признаки тайного хищения, а если виновный осознает, что его действия обнаружены, и продолжает изъятие либо удержание имущества, деяние приобретает характер открытого хищения. В подобных ситуациях граница между кражей и грабежом проходит не по внешнему впечатлению очевидцев, а по внутреннему отношению виновного к факту обнаружения. Законодательное решение данной проблемы может

состоять во включении в примечание к статье 161 УК РФ указания на то, что открытым признается хищение, совершаемое в присутствии потерпевшего или иных лиц при условии осознания виновным факта восприятия его действий, а также хищение, продолженное после обнаружения при удержании или выносе имущества [10, с. 1951-1955].

Вторая проблема касается правовой оценки насилия, не опасного для жизни или здоровья, предусмотренного пунктом «г» части 2 статьи 161 УК РФ. В материалах уголовных дел нередко используются общие формулировки о рывке, толчке, удержании, физическом сопротивлении или попытке скрыться с похищенным, но без точного описания силы воздействия, его направленности, последствий для потерпевшего и связи с завладением либо удержанием имущества. Из-за этого одно и то же поведение может оцениваться либо как простой грабеж по части 1 статьи 161 УК РФ, либо как квалифицированный грабеж с применением насилия. В уголовно-правовом смысле недостаточно самого факта физического контакта: необходимо установить, причиняло ли воздействие физическую боль, ограничивало ли свободу потерпевшего, использовалось ли для преодоления сопротивления и не создавало ли опасности для жизни или здоровья, поскольку при наличии опасного насилия содеянное уже приближается к разбою. Законодательное решение может выражаться в дополнении статьи 161 УК РФ примечанием, раскрывающим минимальные критерии насилия, не опасного для жизни или здоровья: физическое воздействие, не повлекшее вреда здоровью и не создававшее реальной опасности его причинения, но направленное на изъятие имущества, удержание похищенного либо преодоление сопротивления потерпевшего [5, с. 27-29]. Третья проблема связана с моментом перехода тайного хищения в открытое, особенно в торговых помещениях, подъездах, общественном транспорте и иных местах, где виновный изначально рассчитывает на незаметность, но в процессе совершения деяния оказывается обнаруженным. В таких случаях важно определить, завершил ли виновный изъятие до обнаружения, имел ли он реальную возможность распорядиться имуществом, отказался ли от продолжения действий либо, напротив, продолжил удерживать похищенное после того, как понял, что его действия стали очевидны. Ошибка здесь способна привести к смешению кражи,

покушения на кражу, грабежа и покушения на грабеж. Для устранения данной проблемы в законе целесообразно закрепить правило о том, что тайное хищение признается перешедшим в открытое с момента, когда виновный осознал обнаружение своих действий и, несмотря на это, продолжил изъятие, вынос, удержание имущества либо применил действия, направленные на сохранение похищенного. Такая формулировка позволила бы судам и следственным органам точнее фиксировать момент изменения уголовно-правовой оценки содеянного [6, с. 461-465]. Предложенные законодательные изменения не должны перегружать статью 161 УК РФ излишними деталями, но они могли бы закрепить основные критерии, которые сейчас вынесены преимущественно в разъяснения Верховного Суда Российской Федерации и судебную практику. Это особенно важно для единообразия квалификации, поскольку грабеж занимает промежуточное положение между кражей и разбоем: от кражи он отличается открытым характером хищения, а от разбоя – отсутствием насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угрозы такого насилия. Чем точнее закон определяет открытость, характер насилия и момент перехода тайного хищения в открытое, тем меньше риск завышения или занижения уголовно-правовой оценки [5, с. 27-29]. Основные проблемы квалификации грабежа сосредоточены вокруг трех признаков: открытости хищения, характера примененного насилия и момента трансформации тайного изъятия в открытое. Решение этих проблем возможно через законодательное уточнение статьи 161 УК РФ, где должны быть закреплены критерии осознания виновным открытого характера хищения, признаки насилия, не опасного для жизни или здоровья, и правило о переходе кражи в грабеж при продолжении действий после обнаружения. Такая корректировка усилила бы уголовно-правовую определенность, снизила бы зависимость квалификации от разрозненного толкования и позволила бы точнее разграничивать грабеж с кражей и разбоем.

Таким образом, особенности квалификации грабежа определяются сочетанием уголовно-правовых и криминологических факторов. На практике наибольшие трудности возникают при разграничении грабежа с кражей и разбоем, при оценке открытого характера хищения и при установлении насилия, не опасного для жизни или здоровья.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 838.
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Российская газета. 2003. 18 янв. Спецвыпуск.
3. Приговор Красногорского городского суда Московской области от 10.04.2024 по делу № 1-275/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/kZXCqjXkjKU4/> (дата обращения: 06.04.2026).
4. Приговор районного суда от 18.09.2025 по делу № 1-107/2025. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ckdRpSC9DHrA/> (дата обращения: 06.04.2026).
5. Балакин Б.А. Некоторые проблемы толкования и квалификации грабежа / Б.А. Балакин // Проблемы совершенствования российского законодательства: Сборник тезисов Всероссийской научно-практической конференции курсантов, слушателей и студентов, Барнаул, 10–12 апреля 2024 года. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2024. – С. 27-29.
6. Елизарова М.Л. Проблемы квалификации грабежа / М.Л. Елизарова // Аллея науки. – 2024. – Т. 2, № 1(88). – С. 461-465.
7. Клименко А.К. Проблемы квалификации хищений безналичных денежных средств, совершенных путем грабежа или разбоя / А.К. Клименко // Роль юридических и социальных наук в развитии современного общества: Сборник статей по материалам II Всероссийской научно-практической конференции, Владивосток, 12 апреля 2024 года. – Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2024. – С. 196-201.
8. Никишин Е.С. О некоторых проблемных аспектах квалификации грабежа / Е.С. Никишин // Перспективные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XXIV международной научной конференции, Санкт-Петербург, 18 февраля 2025 года. – Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью «Международный институт перспективных исследований имени Ломоносова», 2025. – С. 50-52.
9. Семенова М.И. Вопросы квалификации насильственного грабежа / М.И. Семенова //

Молодой ученый. – 2024. – № 45(544). – С. 342-345.

/ А.А. Свинухова // Научный аспект. – 2024. – Т. 16, № 1. – С. 1951-1955.

10. Свинухова А.А. Проблемы квалификации грабежа по российскому уголовному праву

YELIZAROVA Ekaterina Olegovna

Student, Chelyabinsk State University, Russia Chelyabinsk,

FEATURES OF ROBBERY QUALIFICATION

Abstract. *The article examines the specifics of the qualification of robbery as a crime against property provided for by the criminal legislation of the Russian Federation. Special attention is paid to the feature of open theft of other people's property, which makes it possible to distinguish robbery from theft, robbery, arbitrariness and other related crimes. The significance of objective and subjective signs of the act, the moment of the end of the crime, the method of seizure of property, the nature of violence and the attitude of the perpetrator to the fact of open seizure of property is revealed. It is noted that the correct qualification of robbery is essential for determining the limits of criminal liability, sentencing and ensuring uniformity of judicial practice.*

Keywords: *robbery, qualification, theft, violence, crime, prevention, personality, practice, law, property.*

ЕРЕМЕНКО Константин Олегович

студент, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета
правосудия имени В. М. Лебедева, Россия, г. Чебоксары

Научный руководитель – доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, кандидат юридических наук Шакитько Татьяна Васильевна

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. Работа посвящена комплексному анализу процессуальных особенностей электронных доказательств в гражданском судопроизводстве. Актуальность темы обусловлена стремительной цифровизацией общественных отношений, трансформирующей традиционные подходы к процессу доказывания и выдвигающей электронные доказательства в число неотъемлемых элементов судебных разбирательств. В настоящей статье выявлен ключевой пробел действующего гражданского процессуального законодательства – отсутствие легальной дефиниции «электронных доказательств», что порождает правовую неопределенность и фрагментарность регулирования, создающие риски нарушения конституционного права на судебную защиту. Автором критически проанализированы существующие доктринальные подходы к определению понятия электронных доказательств, выявлена их неполнота в части раскрытия процессуальной природы данного института. На основе проведенного анализа сформулировано авторское определение электронных доказательств в гражданском процессе, интегрирующее технические, процессуальные и доказательственные критерии.

Ключевые слова: электронные доказательства, электронный документ, гражданский процесс, гражданский процессуальный кодекс.

Начать, пожалуй, стоит с того, что нормы, закрепленные в Гражданском процессуальном кодексе нашей страны (далее также – ГПК РФ) не содержат легального определения понятия «электронных доказательств». Отсутствие законодательной дефиниции неизбежно влечет непонимание данного института, а подобная фрагментарность регулирования может стать катализатором нарушения конституционных прав на судебную защиту, что, разумеется, недопустимо. Именно поэтому в первую очередь видится необходимым понять, что все-таки понимается под «электронными доказательствами».

Для этого обратимся к смежным отраслям законодательства. В соответствии с п. 11.1 ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», под электронными документами понимается – документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по

информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах [2]. Однако, на наш взгляд, данное определение можно назвать верным лишь отчасти в силу того, что оно охватывает только техническую часть, тогда как понятие электронных доказательств не раскрывается в полном объеме с процессуальной точки зрения.

В связи с этим заслуживают внимания доктринальные подходы. Как полагает А. Д. Кундич, под рассматриваемой категорией следует понимать данные, рождающиеся, движущиеся или сохраняемые при помощи цифровых технологий. Ключевая черта таких доказательств, по его мысли, – отсутствие материального носителя в классическом понимании. Они предъявляются суду либо на флеш-картах, либо путем открытия доступа к интернет-ресурсам [5, с. 39-45]. Данная трактовка уже в большей степени охватывает процессуальную природу электронных доказательств, однако все равно не в той степени, в которой это необходимо.

Схожей, но более узкой позиции придерживается М. В. Горелов, который в качестве электронных доказательств рассматривает

«сведения об обстоятельствах, имеющие значение для дела, выполненные в форме цифровой, звуковой и видеозаписи» [4]. Между тем использование такой формулировки в законодательстве приведет к неминуемым спорам о толковании.

Более детальный подход предлагают С. Г. Сафронов и А. В. Минбалеев, понимающие под электронными доказательствами понимающую обособленную информацию, зафиксированную на электронных носителях с содержанием реквизитов, которые позволяют идентифицировать ее и носитель, на котором она зафиксирована, в том числе зафиксировать процесс передачи через информационно-телекоммуникационные сети [6, с. 114-118].

Все указанные выше определения, безусловно, являются правильными, в своих аспектах, однако, на наш взгляд, они не в полной мере раскрывают правовую природу электронных доказательств в гражданском процессе. Именно это обстоятельство и обосновало необходимость разработки авторского определения понятия «электронных доказательств».

Таким образом, под «электронными доказательствами» в гражданском процессе необходимо понимать - полученные с соблюдением установленного процессуальным законом порядка сведения о фактах, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела, зафиксированные в электронной (цифровой) форме, пригодной для восприятия человеком с использованием электронных устройств и технологий, отвечающие критериям относимости, допустимости, достоверности и достаточности, а также, содержащие реквизиты, позволяющие достоверно идентифицировать содержание подобных доказательств, источник происхождения и принадлежность конкретному лицу, а в установленных законом случаях - подписанные электронной подписью, обеспечивающей проверку целостности и подлинности документа. Предлагаемая авторская трактовка призвана помочь в преодолении правовой неопределенности и фрагментарности регулирования, что в свою очередь внесло бы ясность в деятельность правоприменителя.

Однако после определения понятия «электронных доказательств» в гражданском процессе логично разобраться с их правовой природой, а также определить их место в системе доказательств, предусмотренной процессуальным законодательством. Здесь следует отметить, что в российском законодательстве

электронные доказательства зачастую рассматриваются как разновидность письменных доказательств, однако это является в корне неверным в силу специфики природы их происхождения. Более того, важно, чтобы такие доказательства обеспечивали достоверность, целостность и возможность идентификации источника их происхождения. Для этого часто используются электронные подписи, специальные протоколы передачи данных, а также нотариальное заверение копий электронных документов [3].

Раскрывая сущность, особенность электронных доказательств в том, что они существуют как бы в двух ипостасях. С одной стороны, это может быть просто текст, а с другой – также и мультимедийные элементы, такие как изображения, аудио или видео. Кроме того, к ним прилагаются метаданные – технические пометки о том, как файл создавался и куда его потом перемещали. Но самое важное – это то, каким образом информация появилась на свет. Чтобы ее признали электронным доказательством, она должна быть сформирована, сохранена или отправлена через компьютер, сервер, облачное хранилище, смартфон или любую другую часть цифровой среды.

В связи с изложенным, главная ценность электронных доказательств в том, что они обладают особыми чертами, которые делают их важными для процесса. Благодаря этому в них часто содержится информация, способная пролить свет на обстоятельства дела и помочь принять верное решение по нему. При этом в случаях возникновения сомнений в подлинности электронного документа суд может назначить соответствующую экспертизу. Более того, с введением электронной цифровой подписи юридическая сила электронного документа законодательно приравнена к силе документа, подписанного собственноручно, что позволяет использовать его в судебном процессе наравне с традиционными письменными доказательствами и существенно упрощает документооборот [7, с. 75-92].

Наряду с этим электронные доказательства обладают рядом специфических признаков, позволяющих рассматривать их как самостоятельную процессуальную категорию, не сводимую к письменным доказательствам. К ключевым свойствам относят: существование в виде цифровых данных; особые правила появления, архивного хранения и ликвидации; а также возможность неоднократного

воспроизведения и рассылки без изменения внутреннего содержания и технического качества. И здесь отличие от письменных доказательств очевидно: последние опираются на зафиксированные знаки письма и строгую форму, тогда как электронные документы не требуют обязательной фиксации на бумаге или письменного оформления, а существуют как файлы, которые при необходимости легко воспроизвести снова. Перечисленные особенности обуславливают необходимость их самостоятельного правового регулирования и особого подхода к оценке в судебном процессе.

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что проникновение информационных технологий в различные сферы общественных отношений закономерно отразилось и на гражданском процессе в России. Так, внедрение цифровых форм коммуникации и документооборота обусловило появление электронных доказательств, которые в силу своей новизны и отсутствия устоявшейся правовой регламентации порождают многочисленные дискуссии в доктрине и правоприменительной практике. Как показал анализ современных доктринальных положений, а также норм процессуального законодательства, сегодня отсутствует единый подход к определению понятия «электронные доказательства». В ходе работы были изучены различные трактовки данного понятия, однако признано, что они не раскрывают правовую природу электронных доказательств в полном объеме. В этих условиях было выведено представленное выше авторское определение «электронных доказательств».

В целях устранения существующей правовой неопределенности, фрагментарности регулирования и унификации подходов к оценке электронных доказательств в гражданском процессе представляется целесообразным внести в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации специальную норму. Так, предлагается ввести в действие статью 71.1 «Электронные доказательства», в рамках которой и под электронными доказательствами понимаются данные об обстоятельствах, значимых для законного и полного разрешения дела, которые были получены в порядке, предписанном процессуальным законодательством, и закреплены в цифровом виде, допускающем осмысление человеком через применение электронной техники и программных средств, отвечающие критериям относимости, допустимости, достоверности и достаточности, а

также, содержащие реквизиты, позволяющие достоверно идентифицировать содержание подобных доказательств, источник происхождения и принадлежность конкретному лицу, а в случаях, прямо указанных в законе – заверенные электронной подписью, которая дает возможность проверить неизменность содержания и подлинность происхождения документа. Кроме того, считается обоснованным в рамках этой же нормы прописать механизм предъявления и изучения цифровых материалов. Наконец, необходимо урегулировать, в каком виде они подаются, какие форматы файлов считаются корректными, и какие неблагоприятные последствия наступают при их несвоевременном предоставлении.

Таким образом, подводя итог данной статьи, следует вывод о том, что электронные доказательства стали неотъемлемой частью современного гражданского процесса, что обусловлено цифровизацией общественных отношений, широким распространением электронного документооборота, цифровых средств коммуникации и фиксации информации. При этом действующее гражданское процессуальное законодательство не содержит легального определения электронных доказательств, не устанавливает единых требований к порядку их представления, исследования и оценки. Как следствие, отсутствие единой как доктринальной, так и нормативной определенности порождает проблемы в правоприменительной практике, связанные с определением допустимости таких доказательств, их достоверности и относимости к рассматриваемому делу. Вот почему комплексное совершенствование правового регулирования электронных доказательств в гражданском процессе является необходимым условием для обеспечения эффективной судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций в условиях цифровой трансформации правосудия.

Литература

1. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства,

регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 4.

4. Боннер А.Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе / А.Т. Боннер. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2015. – 616 с.

5. Кундич А.Д. Электронные доказательства в гражданском и арбитражном процессе /

А.Д. Кундич // Этносоциум и межнациональная культура. – 2025. – № 7(205). – С. 39-45.

6. Сафронов С.Г. Понятие и природа электронных доказательств в административном процессе России / С.Г. Сафронов, А.В. Минбаев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2014. – Т. 14, № 4. – С. 114-118.

7. Гаврилов Е.В. Скриншот как доказательство в арбитражном процессе / Е.В. Гаврилов // Арбитражные споры. – 2020. – № 2(90). – С. 75-92.

EREMENKO Konstantin Olegovich

Student, North Caucasus Branch of the Lebedev Russian State University of Justice,
Russia, Cheboksary

*Scientific supervisor – Associate Professor of the Department of Civil and Administrative Proceedings
of the North Caucasus Branch of the Lebedev Russian State University of Justice,
Candidate of Law Shakitko Tatiana Vasilyevna*

ELECTRONIC EVIDENCE IN CIVIL PROCEEDINGS

Abstract. *The work is devoted to a comprehensive analysis of the procedural features of electronic evidence in civil proceedings. The relevance of the topic is due to the rapid digitalization of public relations, transforming traditional approaches to the process of proof and putting electronic evidence among the integral elements of judicial proceedings. This article identifies a key gap in the current civil procedural legislation - the lack of a legal definition of "electronic evidence", which creates legal uncertainty and fragmented regulation, creating risks of violating the constitutional right to judicial protection. The author critically analyzes the existing doctrinal approaches to defining the concept of electronic evidence, and reveals their incompleteness in terms of disclosing the procedural nature of this institution. Based on the conducted analysis, the author's definition of electronic evidence in civil proceedings is formulated, integrating technical, procedural and evidentiary criteria.*

Keywords: *electronic evidence, electronic document, civil procedure, code of civil Procedure.*

ЕРОШЕНКО Анастасия Алексеевна

студентка, Оренбургский государственный университет, Россия, г. Оренбург

*Научный руководитель – доцент кафедры гражданского права и процесса
Оренбургского государственного университета Ерохина Елена Васильевна*

ЗНАЧЕНИЕ СЕМЕЙНОГО ПРАВА В СИСТЕМЕ ПРАВОВЫХ НАУК

Аннотация. В статье рассматривается место и роль семейного права в системе правовых наук. Анализируется дискуссионный вопрос о самостоятельности семейного права как отрасли, его взаимосвязь с гражданским правом и другими смежными дисциплинами. Особое внимание уделяется специфике предмета и метода семейно-правового регулирования, а также социальной значимости защиты институтов брака, материнства, отцовства и детства в современных правовых реалиях. Автор подчеркивает, что семейное право является не просто подотраслью частного права, а уникальным регулятором личных неимущественных и имущественных отношений, имеющим фундаментальное значение для обеспечения стабильности общества и государства.

Ключевые слова: семейное право, система права, правовая наука, Семейный кодекс РФ, отрасль права, личные неимущественные отношения, правовое регулирование, институт семьи, защита детства.

Семейное право занимает уникальное место в правовой системе наук. Традиционно дискуссии о его статусе велись десятилетиями: является ли оно самостоятельной отраслью или лишь специфическим разделом гражданского права? В современных условиях, когда защита традиционных семейных ценностей возведена в ранг конституционных приоритетов (согласно поправкам к Конституции РФ 2020 года [1]), значение семейного права как научной дисциплины и отрасли законодательства значительно возрастает. Оно регулирует наиболее глубокие и социально значимые связи между людьми, что предопределяет использование особых методов воздействия, отличных от чисто коммерческого или административного регулирования.

Наука семейного права основывается на определении специфического круга общественных отношений, которые она изучает. Предметом семейного права являются отношения, возникающие из факта брака, родства, принятия детей на воспитание в семью [5, с. 2-5].

Основная особенность предмета заключается в преобладании личных неимущественных отношений над имущественными. В отличие от гражданского права, где имущественный аспект является первичным, в семейном праве имущественные отношения (алиментные обязательства, раздел имущества супругов) носят зависимый, подчиненный характер.

Они вытекают из личных связей и призваны обеспечивать материальную базу для существования семьи [7].

Метод семейного права также характеризуется двойственностью. С одной стороны, активно используется диспозитивность (возможность заключения брачных договоров, соглашений об уплате алиментов), что сближает его с гражданским правом. С другой стороны, сохраняется значительная доля императивности. Государство жестко регламентирует условия вступления в брак, порядок его расторжения при наличии детей, лишение родительских прав. Это обусловлено необходимостью защиты слабой стороны – детей и нетрудоспособных членов семьи.

Вопрос о месте семейного права в системе наук традиционно решается через сопоставление с гражданским правом. Сторонники «цивилистической» концепции (М. В. Антокольская [1] и др.) рассматривают семейное право, как подотрасль гражданского, аргументируя это частным характером отношений и использованием гражданско-правового инструментария.

Однако большинство российских ученых (А. М. Нечаева, П. В. Крашенинников [10]) настаивают на самостоятельности семейного права. Основные аргументы в пользу этой позиции базируются на том, что у науки имеется специфический субъектный состав (супруги, родители, дети), у отношений присутствует безвозмездный характер отношений (в

отличие от возмездности гражданского оборота), особый характер возникновения прав и обязанностей (часто из юридических фактов-состояний, таких, как родство), а также неотчуждаемость семейных прав и обязанностей.

С точки зрения системы наук, семейное право тесно взаимодействует с конституционным правом (в части реализации гарантий защиты семьи государством), административным правом (деятельность органов опеки и попечительства, ЗАГС), международным частным правом (регулирование браков с иностранцами).

Значение семейного права в системе наук Российской Федерации невозможно переоценить в контексте демографической политики государства. Семья рассматривается как первичная ячейка общества, от состояния которой зависит стабильность всего правопорядка [12, с. 19-22].

Научные исследования в области семейного права сегодня направлены на решение кризисных явлений: высокого уровня разводов, проблем взыскания алиментов, защиты прав детей в цифровой среде. Семейное право выполняет не только регулятивную, но и воспитательную функцию, транслируя через правовые нормы эталоны поведения ответственного родительства и супружеской верности.

Статья 72 Конституции РФ [1] закрепляет, что в совместном ведении Российской Федерации и субъектов РФ находится защита института брака как союза мужчины и женщины, создание условий для достойного воспитания детей в семье. Это положение дает мощный импульс для развития семейного права как приоритетной отрасли правовой науки.

Семейное право находится в постоянном диалоге с другими дисциплинами. Так, с гражданским правом семейное право взаимодействует через субсидиарное применение норм ГК РФ [3] к семейным отношениям (ст. 4 СК РФ [2]). С гражданским процессуальным правом семейное право связывают особенности рассмотрения дел о расторжении брака, лишении родительских прав, усыновлении требуют специальных процедурных подходов. В части ответственности за невыплату алиментов или злостное нарушение прав несовершеннолетних можно указать на наличие связи с уголовным правом. Право социального обеспечения связано с семейным правом регулированием процессом выплаты государственных пособий на детей, материнского капитала, так как

данные институты находятся на стыке отраслей, направленных на поддержку семьи.

Одной из центральных тем современных исследований является «договороспособность» семейных отношений. Введение в 1995 году института брачного договора стало революционным шагом, однако до сих пор ведутся споры об ограничениях свободы договора в семейной сфере. Наука ищет баланс между автономией воли супругов и защитой их интересов в случае неравенства [7].

Другой важный вектор – правовое регулирование новых репродуктивных технологий (суррогатного материнства). Здесь семейное право сталкивается с вопросами биоэтики и требует фундаментальных теоретических разработок для определения правового статуса всех участников таких отношений.

Также актуализируется вопрос цифровизации. Электронный документооборот в органах ЗАГС, дистанционные процедуры взыскания алиментов, защита прав ребенка в интернете – современные реалии, требующие осмысления в рамках семейно-правовой науки.

Как учебная дисциплина семейное право играет ключевую роль в формировании правосознания юриста. Она учит работать с тонкой материей человеческих отношений, где формальный подход часто бывает губителен. В рамках курса изучаются не только сухие нормы кодекса, но и этические основы права, психология конфликтов, значимость медиативных процедур.

Подводя итог, можно утверждать, что семейное право занимает центральное место в системе правовых наук РФ как отрасль, обеспечивающая воспроизводство населения и сохранение культурно-нравственного кода общества. Его самостоятельность обусловлена спецификой предмета и метода, а также особой социальной миссией.

Развитие науки семейного права в России идет по пути гармонизации частных и публичных интересов. С одной стороны, государство предоставляет гражданам свободу в организации их семейной жизни, с другой – оставляет за собой право вмешательства в исключительных случаях ради защиты прав детей и нетрудоспособных. В условиях глобализации и трансформации социальных институтов семейное право остается тем фундаментом, который обеспечивает преемственность поколений и правовую стабильность российского государства.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации, 06.10.2022.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 25.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // Собрание законодательства РФ, 1996, № 1, ст. 16).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 09.03.2024) // Собрание законодательства РФ, № 32, 1994.
4. Антокольская М.В. Семейное право: Учебник. – Изд. 2-е, перераб. И доп. – М. – Юрист, 2002. – 336 с.
5. Беспалов Ю.Ф. К вопросу о предмете семейного права // Семейное и жилищное право. – 2013. – № 6. – С. 2-5.
6. Гаджиалиева Н.Ш. Понятие, сущность и правовая природа дискреционных полномочий суда в гражданском судопроизводстве // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3. Общественные науки. – 2021. – № 4. – С. 98-106.
7. Гомола А.И. Семейное право: учебник для студ. учреждений сред. проф. образования / А.И. Гомола, И.А. Гомола. – 13-е изд., испр. и доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2021. – 176 с.
8. Николюкин С.В. Семейное право: учебное пособие / С.В. Николюкин. – М.: ЮСТИЦИЯ, 2016. – 168 с.
9. Панькова К.В. Предмет и метод семейного права / К.В. Панькова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2014. – № 4 (63). – С. 864-866. – URL: <https://moluch.ru/archive/63/9456>.
10. Семейное право: Учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. / Гонгало Б.М., Крашенинников П.В., Михеева Л.Ю., Рузакова О.А.; под ред. П.В. Крашенинникова. – М.: Статут, 2016. – 270 с.
11. Темникова Н.А. Предмет семейного права в современных реалиях // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2025. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predmet-semeynogo-prava-v-sovremennyh-realiyah> (дата обращения: 22.05.2026).
12. Филиппова Т.А., Маньковский И.Ю., Титаренко Е.П. Практическое значение определения отраслевой самостоятельности семейного права // Семейное и жилищное право. – 2019. – № 5. – С. 19-22.

EROSHENKO Anastasia Alekseevna

Student, Orenburg State University, Russia, Orenburg

*Scientific Advisor – Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure
of Orenburg State University Erokhina Elena Vasilyevna*

THE IMPORTANCE OF FAMILY LAW IN THE SYSTEM OF LEGAL SCIENCES

Abstract. *The article examines the place and role of family law in the system of legal sciences. The article analyzes the controversial issue of the independence of family law as a branch, its relationship with civil law and other related disciplines. Special attention is paid to the specifics of the subject and method of family law regulation, as well as the social significance of protecting the institutions of marriage, motherhood, fatherhood and childhood in modern legal realities. The author emphasizes that family law is not just a sub-branch of private law, but a unique regulator of personal non-property and property relations, which is of fundamental importance for ensuring the stability of society and the state.*

Keywords: *family law, legal system, legal science, Family Code of the Russian Federation, branch of law, personal non-property relations, legal regulation, family institution, child protection.*

КОРКМАЗОВА Сабина Магомедовна

студентка, Северо-Кавказский федеральный университет, Россия, г. Ставрополь

*Научный руководитель – ассистент кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета Писковатский Данил Александрович*

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В УСЛОВИЯХ ПРОЦЕДУР БАНКРОТСТВА

Аннотация. Статья посвящена криминалистическим аспектам выявления и расследования преступлений, предусмотренных ст. 195–197 УК РФ, в контексте процедур несостоятельности. Проанализированы специфика следственных ситуаций, проблемы квалификации и разграничения смежных составов, а также роль судебной финансово-экономической экспертизы как ключевого инструмента доказывания. Особое внимание уделено механизмам слеодообразования и преодолению противодействия расследованию.

Ключевые слова: банкротство, экономические преступления, криминалистическая характеристика, финансово-экономическая экспертиза, неправомерные действия, сокрытие активов.

В условиях рыночной экономики институт банкротства служит механизмом финансового оздоровления, однако на практике он нередко используется в качестве инструмента противоправного ухода от обязательств. Криминалистический анализ преступлений данной категории требует понимания двойственной природы расследования: события развиваются одновременно в двух правовых плоскостях – арбитражно-правовой (гражданско-правовой) и уголовно-правовой. Это накладывает отпечаток на процесс сбора доказательств, требуя от следователя глубоких знаний не только уголовного, но и специального законодательства о банкротстве.

Криминалистическая характеристика и классификация преступлений

Уголовный кодекс РФ выделяет три основных состава: неправомерные действия при банкротстве (ст. 195), преднамеренное банкротство (ст. 196) и фиктивное банкротство (ст. 197). С криминалистической точки зрения их разграничение имеет принципиальное значение для выдвижения версий и планирования расследования.

Фиктивное банкротство (ст. 197) предполагает заведомо ложное объявление руководителем о несостоятельности при наличии у организации реальной возможности погасить долги. Преступные действия направлены на создание видимости неплатежеспособности путем фальсификации бухгалтерской отчетности или заключения мнимых сделок с

аффилированными лицами. Преднамеренное банкротство (ст. 196), напротив, характеризуется умышленным доведением компании до состояния неплатежеспособности – например, выводом ликвидных активов, заключением заведомо убыточных сделок или выдачей необеспеченных кредитов. Неправомерные действия при банкротстве (ст. 195) охватывают широкий спектр деяний: от сокрытия имущества или бухгалтерских документов до неправомерного удовлетворения требований одних кредиторов в ущерб другим.

Субъектный состав специфичен: помимо руководителя или учредителя, фигурантами могут выступать арбитражные управляющие (в рамках ч. 1 ст. 195 УК РФ при сокрытии документации), а также бухгалтеры и иные контролирующие лица, действующие в сговоре.

Особенности выявления и типичные следственные ситуации

Типичным поводом к возбуждению уголовного дела служат сообщения арбитражного управляющего, который обязан выявлять признаки преднамеренного и фиктивного банкротства в ходе процедур наблюдения или конкурсного производства, а также заявления кредиторов и материалы оперативно-розыскной деятельности.

Можно выделить две типичные следственные ситуации. Первая – информация о преступлении поступает уже после введения процедуры конкурсного производства, когда активы выведены, а первичная документация

частично или полностью утрачена либо искажена. В этом случае главной задачей становится ретроспективный анализ финансово-хозяйственной деятельности. Вторая ситуация возникает на стадии наблюдения, когда признаки фиктивного или преднамеренного банкротства выявляются в ходе анализа финансового состояния должника. Здесь важно предотвратить дальнейшее уничтожение доказательств и оперативно провести выемку электронных баз данных и документов. Тактика производства следственных действий и роль экспертиз

Центральное место в расследовании занимает судебная финансово-экономическая экспертиза. Именно она позволяет установить, явилась ли неплатежеспособность результатом объективных экономических факторов или следствием умышленных действий менеджмента. Перед экспертом ставятся вопросы о динамике финансового состояния должника, влиянии конкретных сделок на платежеспособность, наличии признаков фиктивного или преднамеренного банкротства. При этом недопустима постановка перед экспертом вопросов правового характера, например, о наличии умысла или вины конкретных лиц – это прерогатива следствия и суда.

Осмотр документов – важнейший этап расследования. Анализуются договоры купли-продажи активов, особенно совершенные по цене значительно ниже рыночной; бухгалтерская отчетность, в которой могут содержаться искажения о структуре активов; выписки о движении денежных средств по счетам в банках-корреспондентах. Электронные доказательства (базы 1С, управленческие таблицы Excel) играют особую роль, так как содержат «черновую» информацию о реальных бенефициарах и сути операций.

Допросы подозреваемых имеют специфику: руководители часто ссылаются на предпринимательский риск или внешние экономические факторы (кризис, санкции). Разоблачению таких версий способствует детальный анализ экспертизы, показывающий причинно-следственную связь между конкретными управленческими решениями и ухудшением платежеспособности. Также эффективны допросы номинальных руководителей и бухгалтеров, которые

могут дать показания о реальных распорядителях средств.

Проблемы квалификации и разграничения со смежными составами

На практике возникает проблема конкуренции норм. Действия, содержащие признаки ст. 195 УК РФ (сокрытие активов), могут являться способом совершения мошенничества (ст. 159 УК), если умысел на хищение возник до возникновения обязательств. В таких случаях следственные органы нередко переквалифицируют деяния с банкротных составов на более тяжкие статьи о мошенничестве, что подтверждает отсутствие устоявшейся практики применения специальных норм.

Кроме того, существует проблема соотношения ст. 196 и ст. 197 УК РФ. Они представляют собой взаимоисключающие явления: при фиктивном банкротстве должник платежеспособен, а при преднамеренном – доведен до неплатежеспособности умышленно. Совокупность этих преступлений возможна лишь при их последовательном совершении.

Таким образом, расследование экономических преступлений в сфере банкротства требует комплексного подхода, основанного на тесном взаимодействии следователя с арбитражным управляющим и экспертом-экономистом. Ключом к успешному доказыванию является реконструкция финансовой истории предприятия с целью выявления сделок, не соответствующих рыночным условиям, и изобличения истинных бенефициаров, стоящих за схемами вывода активов.

Литература

1. Савицкий А.А. Актуальные задачи и вопросы судебной финансово-экономической экспертизы по делам о банкротстве в уголовном и арбитражном процессах // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 3. – С. 64-76.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.05.2026). Статьи 195–197.
3. Цветкова С.А. Арбитражный управляющий как субъект преступлений, предусмотренных статьями 195–197 УК РФ // Уголовный процесс. – 2007.

KORKMAZOVA Sabina Magomedovna

Student, North Caucasus Federal University, Russia, Stavropol

*Scientific Advisor – Assistant at the Department of Criminal Law and Procedure
of the North Caucasus Federal University Piskovatsky Danil Alexandrovich*

FEATURES OF THE INVESTIGATION OF ECONOMIC CRIMES COMMITTED UNDER BANKRUPTCY PROCEDURES

Abstract. *The article is devoted to the criminalistic aspects of identifying and investigating violations provided for in Articles 195-197 of the Criminal Code of the Russian Federation in the context of insolvency proceedings. The article analyzes the specifics of investigative situations, the problems of qualification and differentiation of related subjects, as well as the role of forensic financial and economic expertise as a key tool of evidence. Special attention is paid to the mechanisms of trace formation and overcoming opposition to the investigation.*

Keywords: *bankruptcy, economic crimes, criminalistic characteristics, financial and economic expertise, illegal actions, concealment of assets.*

МАХМУТОВА Милена Эриковна

студентка, Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Россия, г. Саранск

НЕТРАДИЦИОННЫЕ МЕТОДЫ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Аннотация. Работа посвящена анализу нетрадиционных подходов к раскрытию и расследованию преступлений, освещенных в криминалистической науке. Автор отстаивает позицию, согласно которой преждевременный отказ от инновационных и потенциально эффективных методик является неоправданным. Вместе с тем, подчеркивается недопустимость их имплементации в систему уголовного судопроизводства без предварительного глубокого теоретического осмысления, а также проведения всесторонней практической апробации, подтверждающей их результативность и надежность получаемых данных.

Ключевые слова: криминалистика, нетрадиционные методы, детектор лжи, одорология, профилирование преступников, гипноз, нейросеть.

Криминалистика – это территория, где наука граничит с интуицией, а строгая логика порой отступает перед необъяснимым. Мир исследований давно перестал быть царством дактилоскопии и баллистики. Сегодня следователи обращаются к методам, которые ещё вчера казались псевдонаучной экзотикой или вовсе мистикой. И это заставляет задуматься: где проходит граница между смелым новаторством и опасным шарлатанством в деле, от которого зависят человеческие судьбы?

Когда речь заходит о нетрадиционных методах в криминалистике, первое, что приходит в голову большинству людей, – это детектор лжи. Полиграф стал настолько привычным элементом криминальных драм, что мы перестали замечать его странность. По сути, мы пытаемся поймать ложь через физиологию: учащённое сердцебиение, потные ладони, изменение дыхания. Но разве человек, говорящий правду о травмирующем событии, не испытывает тех же реакций? В следственной практике имеются, как невинный свидетель проваливал тест за тестом – просто потому, что сама процедура вызывала у него панику. В российской правовой системе результаты полиграфа хотя и являются доказательством (приказами Минюста МВД, следственного комитета, психологическая экспертиза с применением полиграфа внесена в перечень разрешённых), однако для большинства субъектов расследования они продолжают оставаться ориентирующей информацией. С такой позицией следует согласиться на данном этапе развития психофизиологии, поскольку именно квалификация

полиграфолога-психофизиолога позволяет сделать точные выводы. В 90–95% случаев ошибки связаны с нарушениями процедуры, а не самим прибором. В РФ не так часто используется детектор лжи, поэтому достаточно сложно обнародовать статистику его ошибок, но мы смогли найти статистику зарубежного опыта: по исследованиям, проведённым в США, точность определения правдивых показаний варьировалась от 70,6% до 98,6%, а ложных от 12,5–94,1% [2, с. 45].

Ещё более спорной выглядит одорология – использование запаховых следов для идентификации преступника. Российская криминалистика признала одорологические исследования в качестве доказательств. Однако мы не можем допросить пса, понять логику его выбора, проверить его мотивацию. Мы просто верим – или не верим. И эта вера становится частью судебного процесса, что кажется одновременно прорывом и капитуляцией перед непознаваемым. В ряде исследований отмечается, что при использовании собак традиционных пород доля положительных и достоверных результатов не превышала 30%. Это связано с ограниченными возможностями обоняния у таких собак и отсутствием у них соответствующей подготовки. Однако, как показывает практика селекция среди пород собак позволила вывести нужные для одорологических выборок породы: при соответствующих тренировках помеси спаниеля с енотовидной собакой, точность одорологических выборок доходит до 98%. Речь идёт именно об одорологических, а не кинологических выборках: для кинологических работ

вполне пригодны традиционные породы служебных собак [1, с. 98].

Ещё глубже в зону неопределённости ведут нас психологические методы. Профилирование преступников, анализ почерка, оценка микровыражений лица – всё это балансирует на грани между наукой и искусством. На страницах учебной литературы имеются примеры того, как психолог составил портрет серийного преступника с поразительной точностью: возраст, социальный статус, даже особенности семейной истории совпали. Но имеются и другие случаи, когда подобные портреты уводили следствие в противоположную сторону, заставляя тратить драгоценное время на проверку людей, не имевших к преступлению никакого отношения. Психологическое профилирование похоже на гадание по звёздам – иногда попадает так точно, что дух захватывает, но предсказательная сила его статистически недостаточна для того, чтобы на него полагаться безоговорочно. По оценкам экспертов, отсутствие системного подхода и стандартизированных методик может приводить к ошибкам в 20–40% случаев, особенно если не проводится комплексная оценка не только психологических и социальных характеристик, но и его физиологических особенностей личности искомого преступника. Использование только интуитивных или формальных методов увеличивает риск ошибочного выбора кандидата.

Особое место в пантеоне нетрадиционных методов занимает гипноз. Сразу обозначим свою позицию: гипноз однозначно не является средством собирания доказательств. Данный метод классической криминалистикой признаётся как псевдонаучный, однако, иногда он применяется в ОРД в ситуациях информационного вакуума. Идея ввести свидетеля или потерпевшего в транс, чтобы извлечь из глубин памяти забытые детали, выглядит невероятно привлекательно. Наш мозг действительно запоминает больше, чем мы осознаём. Но вот парадокс: под гипнозом человек становится крайне внушаемым. Неосторожный вопрос субъекта расследования может не вытащить воспоминание, а создать его. Ложная память, сформированная во время сеанса, будет восприниматься человеком как абсолютно реальная. Именно поэтому показания, полученные под гипнозом, не имеют доказательной силы. Мы признаём, что наша память – не видеозапись, а постоянно перезаписываемый файл, и манипуляции с ней могут принести больше

вреда, чем пользы. По данным анализа 350 уголовных дел, проведённым по научной статье, в 79% случаев с помощью гипноза была получена дополнительная информация, однако в 49% из них достоверность этих сведений установить не удалось. Только в 51% случаев информация, полученная под гипнозом, была признана полезной, и в 90% из этих дел она подтвердилась другими источниками. В 65,5% всех завершённых дел полученные данные были признаны высокозначимыми для следствия, но значительная часть информации всё же осталась неподтверждённой или сомнительной.

Технологический прогресс добавляет в этот коктейль всё новые ингредиенты. Анализ цифровых следов в социальных сетях, геолокационные данные смартфонов, алгоритмы машинного обучения, предсказывающие вероятность совершения преступления, – всё это нетрадиционно в том смысле, что десять лет назад просто не существовало. Нейросети учатся распознавать лица эффективнее человека, анализировать речевые паттерны для выявления лжи, даже предсказывать места будущих преступлений на основе статистики. И здесь можно насторожиться, ибо если полиграфисту или кинологу мы можем задать вопрос о методике, то алгоритм ИИ часто работает как «чёрный ящик» – даже его создатели не всегда могут объяснить, почему система приняла именно такое решение. Готовы ли мы доверить машине судьбу человека? Современные ИИ-системы, используемые для анализа больших массивов информации, демонстрируют точность около 72%. Это означает, что примерно в 28% случаев система может допускать ошибки, включая так называемые «галлюцинации» ИИ – генерацию ложной или недостоверной информации.

Суть проблемы заключается не в самих нетрадиционных методах, а в том, как люди их применяют. Криминалистика всегда была искусством возможного – попыткой реконструировать прошлое по обрывкам информации, которые это прошлое оставило. И если традиционные методы дают осечку, искушение обратиться к чему-то новому, пусть и недостаточно проверенному, становится почти непреодолимым. Особенно когда речь идёт о тяжких преступлениях, когда общество требует ответов, а следствие зашло в тупик. Стоит задуматься, что цена ошибки в криминалистике – не просто неточность, а искажённая жизнь невиновного человека.

Между тем существует разумный подход к использованию нетрадиционных методов. Они могут быть инструментами первичной ориентации, источниками версий, которые затем проверяются традиционными, надёжными способами. Одорологическая выборка может указать направление поиска, но не должна быть единственным доказательством. Психологический портрет может помочь сузить круг подозреваемых, но не может заменить алиби и вещественные улики. Полиграф может выявить противоречия в показаниях, требующие дополнительной проверки, но не может служить основанием для обвинения. Это вопрос пропорциональности и разумной осторожности.

Криминалистика живёт в вечном напряжении между консервативностью и новаторством. Слишком консервативная, она рискует пропустить преступника, который использует новые технологии и методы. Слишком новаторская, она рискует превратиться в лженауку, где желание найти виновного перевешивает стремление найти истину. Где-то между этими полюсами лежит золотая середина –

готовность экспериментировать, но с обязательным критическим анализом результатов; открытость новому, но с сохранением строгих стандартов доказывания. Ведь, дактилоскопия когда-то казалась мистикой, пока не была научно обоснована. ДНК-анализ встречал скептицизм, пока не доказал свою надёжность тысячами раскрытых дел. Возможно, через пять-десять лет одорология или нейротехнологии станут такими же привычными инструментами следователя, как сегодня – отпечатки пальцев. Но путь от экзотики к стандарту должен быть вымощен исследованиями, статистикой, проверками и перепроверками.

Литература

1. Нетрадиционные методы в расследовании преступлений: тезисы науч.-практ. семинара ВНИИ МВД России. – Москва: Изд-во ВНИИ МВД России, 1994. – 187 с.
2. Комиссаров В.И. Использование полиграфа в борьбе с преступностью // Законность. – 1995. – № 1. – С. 43-47.

MAKHMUTOVA Milena Erikovna

Student, Middle Volga Institute (branch) All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Russia, Saransk

NON-TRADITIONAL METHODS IN FORENSIC SCIENCE

Abstract. *The work is devoted to the analysis of non-traditional approaches to the detection and investigation of crimes covered in forensic science. The author defends the position that premature abandonment of innovative and potentially effective methods is unjustified. At the same time, it is emphasized that their implementation into the criminal justice system is unacceptable without a preliminary in-depth theoretical understanding, as well as comprehensive practical testing confirming their effectiveness and reliability of the data obtained.*

Keywords: *forensic science, alternative methods, lie detector, odorology, criminal profiling, hypnosis, neural network.*

ОВЧИННИКОВ Юрий Георгиевич

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса,
Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России
имени И. Ф. Шилова, Россия, г. Владивосток

КРАСНОВА Альбина Олеговна

специалист (по воспитательной работе),
Отделение морально-психологического обеспечения отдела по работе с личным составом
УМВД России по г. Владивостоку Приморского края, Россия, г. Владивосток

ОСОБЕННОСТИ ИЗБРАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности избрания и применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних. Анализируются положения УПК РФ, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ и статистические данные Российской Федерации за 2016–2024 гг., отражающие динамику подростковой преступности и судебной практики по делам лиц в возрасте 14–17 лет. Уделено внимание общественному резонансу, который вызывает изоляция подростка до вынесения приговора, а также требованиям к мотивировке судебного решения. Выявлена проблема формального обоснования невозможности применения более мягких мер пресечения. Предложены рекомендации по конкретизации судебной проверки и обязательной оценке альтернатив заключению под стражу.

Ключевые слова: досудебное производство, несовершеннолетний, подозреваемый и обвиняемый, мера пресечения, заключение под стражу, подростковая преступность, судебный контроль, присмотр за несовершеннолетним.

Применение меры пресечения в виде заключения под стражу к несовершеннолетнему относится к числу наиболее чувствительных вопросов уголовного судопроизводства. Речь идет не только о временной изоляции подозреваемого или обвиняемого, но и о прямом воздействии на личность подростка, его обучение, семейные связи, психологическое состояние и дальнейшую социализацию. Поэтому при решении вопроса о заключении под стражу суд обязан учитывать не только тяжесть предъявленного обвинения, но и возраст, условия жизни и воспитания, уровень психического развития, состояние здоровья, поведение в семье и образовательной организации.

Правовое регулирование данной меры пресечения закреплено в ст. 97, 99, 108 и 423 УПК РФ. Общими основаниями избрания меры пресечения выступают наличие данных о том, что подозреваемый или обвиняемый может скрыться, продолжить преступную деятельность, угрожать участникам процесса, уничтожить доказательства либо иным образом воспрепятствовать производству по уголовному делу. Однако применительно к

несовершеннолетним указанные основания должны проверяться более тщательно, поскольку сам по себе факт обвинения в тяжком преступлении не может автоматически влечь изоляцию подростка.

Пленум Верховного Суда РФ разъясняет, что заключение под стражу до судебного разбирательства может применяться к несовершеннолетнему только как крайняя мера и на кратчайший срок [3]. При рассмотрении ходатайства следователя суд должен проверить не только доводы о необходимости изоляции, но и невозможность применения иной, более мягкой меры пресечения. Кроме того, суд обязан обсудить передачу несовершеннолетнего под присмотр родителей, опекунов, попечителей, иных заслуживающих доверия лиц либо должностных лиц специализированного детского учреждения.

Закон устанавливает дополнительные ограничения. Заключение под стражу не допускается в отношении несовершеннолетнего, не достигшего 16 лет, если он впервые подозревается или обвиняется в преступлении небольшой либо средней тяжести. Также данная мера

не применяется к иным несовершеннолетним, впервые совершившим преступление небольшой тяжести. По общему правилу заключение под стражу возможно при подозрении или обвинении в тяжком либо особо тяжком преступлении, а по преступлению средней тяжести – только в исключительной ситуации, когда иная

мера не способна обеспечить цели уголовного судопроизводства.

Статистические данные за 2016–2024 гг. показывают сокращение числа преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, а также уменьшение числа осужденных лиц, совершивших преступления в возрасте 14–17 лет (табл.).

Таблица

Динамика преступности и судимости несовершеннолетних в Российской Федерации за 2016–2024 гг.

Год	Преступления, совершенные несовершеннолетними или при их соучастии	Осуждено лиц, совершивших преступления в возрасте 14–17 лет
2016	53 736	23 939
2017	45 288	20 631
2018	43 553	18 826
2019	41 548	16 858
2020	37 771	14 702
2021	31 865	14 863
2022	30 469	14 214
2023	27 325	12 769
2024	26 398	11 944

Примечание: составлено автором на основе портала правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ [4], ежегодных материалов МВД России «Состояние преступности в России» [5], сайта судебной статистики РФ [6].

За девять лет число преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, сократилось с 53736 до 26398 (50,9%). Число осужденных несовершеннолетних уменьшилось с 23939 до 11944 (50,1%). Такая динамика не снимает вопрос о пределах применения заключения под стражу, поскольку даже при снижении подростковой преступности каждый случай изоляции несовершеннолетнего требует персональной оценки, а не механического воспроизведения доводов следствия.

Судебная статистика за 2024 г. позволяет дополнить общую картину возрастными и социальными характеристиками несовершеннолетних осужденных. В 2024 г. доля лиц, осужденных за преступления, совершенные в возрасте 14–17 лет, составила 2,3% от общей структуры судимости, или 11,9 тыс. человек; показатель снизился по сравнению с 2020 и 2023 гг. Среди осужденных несовершеннолетних 90,5% составляли лица мужского пола, 9,5% – лица женского пола. На возрастную группу 16–17 лет пришлось 71%, на группу 14–15 лет – 29%. Учащиеся составили 64,1%, а подростки, которые на момент преступления не учились и не работали, – 30,8%.

По видам преступлений в структуре судимости несовершеннолетних за 2024 г. преобладали кражи по ст. 158 УК РФ – 40,5%, или около 4,8 тыс. осужденных. Далее следовали неправомерное завладение транспортным средством без цели хищения по ст. 166 УК РФ – 10,8%, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ, по ст. 228–234¹ УК РФ – 10,7%, грабеж по ст. 161 УК РФ – 8%, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью по ст. 111 УК РФ – 3,2%. Данные показатели показывают, что большая часть судимости несовершеннолетних связана с имущественными составами, но доля тяжких и особо тяжких обвинений сохраняет практическую потребность в судебном контроле за изоляцией подростков.

Заключение несовершеннолетнего под стражу обычно вызывает общественный резонанс. Причина связана с тем, что подросток изолируется до вступления приговора в законную силу, а в ряде случаев – еще до завершения расследования. Для общества такая ситуация воспринимается особенно остро: с одной стороны, государство должно обеспечить безопасность потерпевших и нормальный ход расследования; с другой стороны,

несовершеннолетний еще не признан виновным, а пребывание в условиях изоляции может повлиять на учебу, психику, отношения с семьей и перспективы исправления.

По данным судебной статистики, в 2024 г. районные суды рассмотрели 92,1 тыс. ходатайств о применении заключения под стражу, из них удовлетворено 81,0 тыс. В отношении несовершеннолетних рассмотрено 1,2 тыс. ходатайств, удовлетворено менее 0,9 тыс.; общий уровень удовлетворения составил 72,5%. В структуре удовлетворенных ходатайств 48,1% приходилось на особо тяжкие преступления, 41,1% – на тяжкие, 10,7% – на преступления средней тяжести.

Отдельно следует учитывать практику продления срока содержания под стражей. В 2024 г. районные суды рассмотрели 153,3 тыс. ходатайств о продлении срока содержания под стражей, общий уровень удовлетворения составил 98,1%. В отношении несовершеннолетних рассмотрено почти 1,8 тыс. таких ходатайств, или 1,2% от общего числа; удовлетворено 97,1%. По особо тяжким преступлениям доля удовлетворенных ходатайств о продлении в отношении несовершеннолетних составила 97,8%, по тяжким – 96,1%, по преступлениям средней тяжести – 99,3%.

Приведенные данные позволяют выделить основную проблему: при первоначальном избрании заключения под стражу суды удовлетворяют ходатайства в отношении несовершеннолетних реже, чем по общему массиву дел, однако при продлении срока содержания под стражей уровень удовлетворения становится почти максимальным. Такая разница требует научного и практического осмысления. На стадии продления суд нередко исходит из логики: если мера уже избрана, то ее сохранение воспринимается как процессуально привычное решение. Между тем каждый новый срок содержания под стражей должен проверяться заново, с учетом изменения доказательственной базы, поведения подростка, позиции потерпевших, данных о семье и реальной возможности передачи под присмотр.

Проблемным остается и качество мотивировки ходатайств следователя. На практике в обоснование изоляции нередко указываются тяжесть обвинения, возможность скрыться, риск давления на свидетелей или продолжения преступной деятельности. Однако

перечисление таких рисков без конкретных фактов не отвечает смыслу ст. 97 и 99 УПК РФ. В делах несовершеннолетних суд должен видеть, какие именно обстоятельства подтверждают невозможность иной меры: попытки скрыться, нарушение ранее избранной меры, угрозы участникам процесса, отсутствие контроля со стороны семьи, отрицательное влияние взрослых соучастников.

Еще одна проблема связана с формальной оценкой альтернатив. Статья 423 УПК РФ предусматривает специальную меру – присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым. По смыслу закона и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ суду необходимо обсуждать передачу подростка под присмотр родителей, опекунов, попечителей, иных заслуживающих доверия лиц либо администрации специализированного учреждения. Однако в судебных постановлениях такая альтернатива иногда упоминается кратко, без анализа личности взрослых, готовых принять подростка под присмотр, условий проживания, режима обучения и возможности контроля.

При рассмотрении ходатайства суду следует проверять не только материалы, представленные следователем, но и сведения, характеризующие подростка. К ним относятся данные из образовательной организации, комиссии по делам несовершеннолетних, подразделения по делам несовершеннолетних, органов опеки, медицинские сведения при наличии законных оснований для их получения, информация о семье и фактах вовлечения подростка взрослыми лицами. Без таких сведений решение о заключении под стражу рискует превратиться в реакцию на тяжесть обвинения, а не в индивидуальный судебный акт.

Для совершенствования практики представляется целесообразным закрепить более детальные требования к ходатайству следователя об избрании заключения под стражу несовершеннолетнего. В ходатайстве необходимо отдельно отражать: возраст подростка, категорию преступления, сведения о прежнем поведении, семейной ситуации, обучении, состоянии здоровья, наличии взрослых соучастников, возможности передачи под присмотр, причинах невозможности домашнего ареста, запрета определенных действий или иной более мягкой меры. Отсутствие анализа таких данных должно рассматриваться как основание для

отказа в удовлетворении ходатайства либо для отложения рассмотрения с целью представления дополнительных материалов.

Судебное постановление об избрании или продлении заключения под стражу также должно содержать персональную мотивировку. Недостаточно указать, что подросток обвиняется в тяжком преступлении и может воспрепятствовать расследованию. Суду необходимо раскрыть, какими материалами подтверждается каждый риск, почему присмотр невозможен, почему домашний арест или запрет определенных действий не обеспечат цели меры пресечения, какие обстоятельства препятствуют оставлению подростка в семье либо образовательной среде [1, с. 15-17; 2, с. 30-33].

Отдельная рекомендация касается продления срока содержания под стражей. При каждом продлении суд должен проверять, какие следственные действия уже выполнены, какие действия еще предстоят, почему они не могли быть проведены ранее, сохраняются ли риски, указанные при первоначальном избрании меры, и можно ли заменить изоляцию более мягкой мерой. Для несовершеннолетнего длительного пребывания в следственном изоляторе несет более тяжелые последствия, чем для взрослого обвиняемого, поэтому продление не должно превращаться в автоматическое продолжение ранее принятого решения.

Следует развивать практику применения присмотра как самостоятельной меры пресечения. Для этого требуется заранее проверять готовность родителей, опекунов, попечителей или иных лиц обеспечить поведение подростка, его явку к следователю и в суд, соблюдение запретов и ограничений. При наличии сомнений суд может возлагать на взрослых конкретные обязанности и предупреждать об ответственности за ненадлежащее исполнение присмотра. Такой подход позволяет соединить процессуальные цели меры пресечения с воспитательным воздействием семьи и образовательной среды.

Таким образом, заключение под стражу в отношении несовершеннолетних должно применяться только при наличии конкретных фактов, подтверждающих невозможность иной

меры пресечения. Статистика за 2016–2024 гг. показывает снижение подростковой преступности и судимости, но судебные данные за 2024 г. фиксируют сохраняющееся применение изоляции к подросткам, включая почти максимальный уровень удовлетворения ходатайств о продлении срока содержания под стражей. Основная проблема заключается в риске формальной мотивировки и недостаточной проверке альтернатив. Для ее решения необходимы более строгие требования к ходатайствам следствия, персональная мотивировка судебных постановлений, расширение статистического учета и реальное применение присмотра, домашнего ареста, запрета определенных действий и иных мер, не связанных с помещением подростка под стражу.

Литература

1. Овчинников Ю.Г. Основания для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, как одна из процессуальных гарантий прав подозреваемого и обвиняемого Адвокатская практика. 2010. № 3. С. 15-17.
2. Овчинников Ю.Г. Новые условия для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу // Российский судья. 2025. № 11. С. 30-33.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 09.12.2025) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 4.
4. Показатели преступности России // Генеральная прокуратура РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/activity/crimestat/> (дата обращения: 21.05.2026).
5. Состояние преступности в России: за январь – декабрь 2024 года. М.: МВД РФ ФКУ «Главный информационно-аналитический центр», 2025. 64 с.
6. Судебная статистика РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.xn--7sbqk8achja.xn--p1ai/> (дата обращения: 21.05.2026).

OVCHINNIKOV Yuri Georgievich

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure,
Vladivostok Branch of the I. F. Shilov Far Eastern Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, Russia, Vladivostok

KRASNOVA Albina Olegovna

Specialist (in Educational Work),
Department of Moral and Psychological support of the Department for Work with personnel
of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Vladivostok, Primorsky Krai, Russia, Vladivostok

**FEATURES OF THE SELECTION AND APPLICATION OF A PREVENTIVE
MEASURE IN THE FORM OF DETENTION FOR MINORS**

Abstract. *The article examines the features of the election and application of the preventive measure of detention in relation to minors. It analyzes the provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, and the statistical data of the Russian Federation for 2016–2024, which reflect the dynamics of juvenile crime and judicial practice in cases involving individuals aged 14–17. The article also focuses on the public outcry caused by the isolation of a teenager before a verdict is issued, as well as the requirements for the reasoning behind a court decision. The problem of formal justification for the impossibility of using milder preventive measures has been identified. Recommendations have been proposed for specifying the judicial review and mandatory assessment of alternatives to detention.*

Keywords: *pre-trial proceedings, minors, suspects and accused, preventive measure, detention, juvenile delinquency, judicial supervision, supervision of minors.*

ОЛЕЙНИК Ангелина Николаевна

студентка, Северо-Кавказский федеральный университет, Россия, г. Ставрополь

*Научный руководитель – ассистент кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета Писковатский Данил Александрович*

«ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ» ПРЕСТУПНИКА И РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье проводится теоретико-методологический анализ понятия «психологический профиль» преступника и его роли в расследовании преступлений. Автор рассматривает эволюцию концепции психологического профилирования, начиная с её зарождения в практике ФБР в 1970-х годах, и освещает ключевые подходы к построению профиля неустановленного преступника: индуктивный (статистический), дедуктивный и географический методы.

Ключевые слова: психологический профиль преступника, криминалистика, психологическое профилирование, расследование преступлений, поведенческий анализ, индуктивный метод, дедуктивный метод, географическое профилирование.

В современных условиях развития криминалистики особую значимость приобретает интеграция знаний из различных научных областей в процесс расследования преступлений. Использование достижений психологии, психиатрии, социологии и информационных технологий способствует повышению эффективности раскрытия и предупреждения преступности, а также совершенствованию методов борьбы с ней [1]. Одним из наиболее востребованных, но одновременно дискуссионных инструментов современной криминалистики выступает построение «психологического профиля» неустановленного преступника [2].

Интерес к психологическому профилированию обусловлен тем, что традиционные методы расследования не всегда позволяют своевременно установить личность преступника, особенно при расследовании серийных и латентных преступлений [5]. В подобных случаях анализ поведенческих особенностей лица, отражённых в механизме преступления, приобретает важное ориентирующее значение для следствия.

Термин «психологический профиль» появился в конце 1970-х годов в связи с деятельностью Отдела поведенческих наук ФБР. Первоначально под ним понималась совокупность гипотетических характеристик неизвестного преступника, сформированных на основе анализа места преступления, личности жертв и способа совершения преступления [2]. Однако

уже в 1990-е годы проявилась фундаментальная неопределённость данного понятия. Психологический профиль может рассматриваться как ретроспективное описание личности уже установленного преступника на основе анализа его биографии и поведения, либо как проспективная модель, направленная на прогнозирование характеристик неустановленного лица [5].

В рамках настоящего исследования психологический профиль рассматривается как вероятностная модель личности неизвестного преступника, формируемая на основе анализа поведенческих следов преступной деятельности с целью выдвижения и проверки следственных версий [2]. Основная задача профилирования заключается в сборе и систематизации максимально полного объёма информации о преступлении и лице, его совершившем, что позволяет реконструировать механизм преступного поведения, определить возможные мотивы и выявить факторы, побудившие преступника к противоправным действиям.

Следует отметить, что психологическое профилирование тесно связано с психологией следственных действий и процессом криминалистической реконструкции события преступления [4]. Ряд исследователей рассматривают психологический профиль как поисково-реконструктивный метод, основанный на поэтапном психологическом анализе обстоятельств преступления. При этом значение

профилирования проявляется не только в сужении круга подозреваемых, но и в формировании рекомендаций по проведению отдельных следственных действий, включая тактик у допроса подозреваемого. Особую роль в процессе построения психологического профиля играют сведения, полученные от свидетелей и потерпевших. В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации данные показания могут выступать доказательствами по уголовному делу и использоваться при формировании следственных версий [7, с. 259-261]. В отличие от словесного портрета, отражающего преимущественно внешние признаки лица, психологический профиль ориентирован на выявление внутренних характеристик личности, её эмоциональных, поведенческих и психических особенностей.

В современной криминалистической практике сложилось несколько методологических подходов к построению психологического профиля неустановленного преступника.

Наиболее распространённым является индуктивный (статистический) метод. Его сущность заключается в выявлении закономерностей между особенностями поведения преступника и его личностными характеристиками. На основе анализа большого количества совершённых преступлений специалисты устанавливают типичную взаимосвязь между способом совершения преступления и такими признаками, как возраст, пол, уровень образования, социальный статус и иные характеристики преступника [6, с. 271-275]. Полученные данные позволяют сформировать вероятностный портрет неизвестного лица. Исследования показывают, что статистические методы профилирования в ряде случаев демонстрируют более высокую точность по сравнению с исключительно клиническими подходами.

Наряду с индуктивным методом применяется дедуктивный подход, основанный преимущественно на профессиональном опыте, аналитическом мышлении и интуиции эксперта-психолога или психиатра [1]. В данном случае специалист анализирует обстоятельства совершения преступления, характер причинённых повреждений, особенности поведения преступника и жертвы, после чего формулирует гипотезы относительно психологических качеств и характерность личности преступника. Несмотря на определённую субъективность, данный метод позволяет учитывать

уникальные особенности конкретного преступления.

Отдельное место в системе профилирования занимает географический метод, разработанный Д. Россмо [3]. Согласно данной концепции, преступник, как правило, действует в пределах собственной «зоны комфорта», связанной с местом проживания, работы либо регулярного пребывания. Анализ пространственного распределения эпизодов преступной деятельности позволяет определить наиболее вероятную территорию нахождения преступника. Географическое профилирование считается одним из наиболее математически обоснованных направлений криминалистического анализа и активно применяется при расследовании серийных преступлений.

Практическое значение методов психологического профилирования наглядно проявляется при расследовании резонансных преступлений. В качестве примера можно привести дело так называемого «Камчатского Чикатило». В ходе расследования использовались элементы психологического и географического профилирования, позволившие определить вероятные места захоронения жертв и установить особенности поведения преступника [3]. Следователи анализировали маршруты передвижения преступника, места совершения преступлений и иные пространственные закономерности, основываясь на теории «рутинной активности», согласно которой преступник склонен действовать в пределах привычной для него среды. Данное дело продемонстрировало переход криминалистики от преимущественно интуитивных методов поиска к научно обоснованному поведенческому анализу.

В Российской Федерации метод профилирования в настоящее время находится на стадии активного развития. Психологический профиль используется следственными органами преимущественно в качестве ориентирующей информации при выдвижении следственных версий [6, с. 271-275]. Наиболее востребован данный метод при расследовании тяжких преступлений против личности, особенно в ситуациях, когда обстоятельства преступления свидетельствуют о наличии у преступника определённых психологических или поведенческих отклонений. Дальнейшее развитие профилирования требует системного внедрения специализированной подготовки сотрудников правоохранительных органов. Формирование у следователей и оперативных сотрудников

навыков поведенческого анализа позволит повысить качество оперативно-розыскной деятельности, а также эффективность раскрытия и расследования преступлений.

Кроме того, в эпоху цифровых технологий появляется новый класс доказательств – это цифровые следы: текстовый обмен информацией, мультимедийный контент, описание файлов, информация перемещения. Такие данные могут представлять основу для психологического анализа. Расширяется объем источников информации, развитое машинное обучение позволяет быстро и объективно обработать большие массивы собранных данных, объединять междисциплинарные данные в единую аналитическую модель.

Таким образом, психологическое профилирование представляет собой перспективное направление современной криминалистики, сочетающее достижения психологии, криминологии и информационных технологий. Использование методов поведенческого анализа способствует более комплексному подходу к расследованию преступлений, повышению эффективности следственной деятельности и совершенствованию механизмов предупреждения преступности.

Литература

1. Антонян Ю.М. Психология преступника и расследование преступлений: монография. – М.: Норма, 2018. – 304 с.
2. Образцов В.А. Криминалистическое профилирование личности преступника. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 256 с.
3. Россмо Д. Географическое профилирование в расследовании преступлений / пер. с англ. – СПб.: Питер, 2017. – 412 с.
4. Драпкин Л.Я., Долинин В.Н. Криминалистика: учебник для вузов. – 2-е изд. – М.: Юрайт, 2021. – 742 с.
5. Файзуллина А.А. Методика составления психологического портрета преступника при расследовании серийных убийств // Юридическая наука. 2022. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-sostavleniya-psihologicheskogo-portreta-prestupnika-pri-rassledovanii-seriynyh-ubiystv>.
6. Русакова А.Р. Психологическое портретирование в эпоху цифровых технологий: вызовы и возможности / А.Р. Русакова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2025. – № 47 (598). – С. 271-275. – URL: <https://moluch.ru/archive/598/130386>.
7. Ерзак М.С. Некоторые способы практического применения метода профилирования преступных лиц / М.С. Ерзак. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2025. – № 14 (565). – С. 259-261. – URL: <https://moluch.ru/archive/565/123842>.

OLEINIK Angelina Nikolaevna

Student, North Caucasus Federal University, Russia, Stavropol

*Scientific Advisor – Assistant at the Department of Criminal Law and Procedure
of the North Caucasus Federal University Piskovatsky Danil Alexandrovich*

THE "PSYCHOLOGICAL PROFILE" OF THE CRIMINAL AND THE INVESTIGATION OF CRIMES: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS

Abstract. *The article provides a theoretical and methodological analysis of the concept of the "psychological profile" of a criminal and his role in the investigation of crimes. The author examines the evolution of the concept of psychological profiling, starting with its origin in the FBI practice in the 1970s, and highlights the key approaches to building the profile of an unidentified criminal: inductive (statistical), deductive and geographical methods.*

Keywords: *psychological profile of a criminal, criminalistics, psychological profiling, crime investigation, behavioral analysis, inductive method, deductive method, geographical profiling.*

ПАПИКОВА Алина Владиславовна

студентка, Северо-Кавказский федеральный университет, Россия, г. Ставрополь

Научный руководитель – доцент кафедры уголовного права и процесса

Северо-Кавказского федерального университета,

кандидат юридических наук Овчаренко Игорь Анатольевич

ВОПРОСЫ ОПИСАНИЯ ВНЕШНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты описания внешности человека в криминалистике, включая его значение, систему признаков, методы фиксации и использования в следственной практике.

Ключевые слова: криминалистика, описание внешности, идентификация личности, портретная экспертиза, розыск, следственные действия, уголовный процесс, признаки внешности.

В криминалистике, как науке, призванной разрабатывать и совершенствовать методы и средства раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, вопросы установления личности имеют первостепенное значение. Одним из наиболее распространенных и доступных способов первичной идентификации человека является описание его внешности.

Внешность человека – это совокупность его анатомических и приобретенных признаков, которые в своей уникальной комбинации позволяют отличать одного индивида от другого. В криминалистическом контексте описание внешности не сводится к простому перечислению видимых черт. Это систематизированный процесс, требующий глубокого понимания природы идентификационных признаков, их классификации, а также владения методиками их фиксации и использования [1, с. 150].

Для целей криминалистического описания внешность человека принято делить на две основные группы признаков:

1. Общие признаки внешности. К ним относятся те, которые характеризуют человека в целом, его телосложение, возраст, пол, рост. Эти признаки, хотя и не являются уникальными для каждого индивида, служат важным начальным этапом в формировании представления о разыскиваемом или опознаваемом лице.

2. Частные признаки внешности. Частные признаки – это те, которые в своей совокупности и индивидуальной комбинации обладают высокой степенью уникальности и позволяют с

большой вероятностью идентифицировать конкретного человека. Они подразделяются на: признаки головы и лица, признаки шеи, признаки туловища, признаки конечностей, особые приметы, протезы, ортопедические приспособления, особенности речи, запахи, одежда и обувь [2, с. 235].

Важно отметить, что система признаков внешности не является статичной. По мере развития криминалистической науки и практики появляются новые подходы к классификации и описанию. Например, в последние годы активно развиваются методы, основанные на анализе мимики, жестикуляции, а также на использовании биометрических данных, которые могут быть получены при анализе видеозаписей или фотографий.

Несмотря на значительный прогресс в криминалистике, вопросы описания внешности человека по-прежнему сталкиваются с рядом проблем:

Восприятие внешности человеком субъективно. Это значит, что восприятие может искажаться под влиянием стресса, страха, усталости, личных предубеждений или других факторов. В свою очередь это может приводить к неточностям в описаниях.

Другой проблемой может быть ограниченность традиционных методов. Фотороботы, хотя и являются полезным инструментом, имеют свои ограничения. Они зависят от памяти и способности очевидца к детализации, а также от мастерства художника или оператора программы. Не всегда удается создать точное изображение, которое бы полностью

соответствовало внешности разыскиваемого лица [3, с. 192].

Также, сложность описания быстро меняющихся признаков. Признаки, такие как эмоции, мимика, жесты, одежда, могут быстро меняться, что сильно затрудняет их точную фиксацию.

Использование биометрических данных и систем распознавания лиц поднимает вопросы конфиденциальности, защиты персональных данных и возможности злоупотреблений.

Для преодоления этих проблем и дальнейшего совершенствования методов описания внешности человека в криминалистике, перспективными направлениями развития являются разработка стандартизированных методик опроса и описания, совершенствование программного обеспечения для создания фотороботов, интеграция с другими криминалистическими учетами: Создание единых баз данных, объединяющих информацию о внешности с другими идентификационными признаками (например, ДНК, отпечатки пальцев), что позволит повысить эффективность розыска и идентификации, исследование влияния когнитивных факторов на восприятие внешности: Проведение научных исследований, направленных на понимание того, как стресс, усталость и другие когнитивные факторы влияют на точность описания внешности, и разработка методов минимизации этих искажений.

Описание внешности человека – это не просто перечисление видимых черт, а сложный, многогранный процесс, имеющий фундаментальное значение для криминалистической практики. От точности и полноты этого описания зачастую зависит успех раскрытия преступления, установление истины и защита прав невиновных.

Понимание теоретических основ и практических аспектов описания внешности человека, а также постоянное отслеживание новейших тенденций в этой области, является неотъемлемой частью профессиональной подготовки будущего юриста. Это позволит будущим специалистам эффективно применять полученные знания в своей практической деятельности, способствуя укреплению законности и правопорядка.

Литература

1. Криминалистика: Учебник для вузов / Под ред. Н.П. Майлис. – М.: Юрайт, 2023. – 450 с.
2. Криминалистика: Учебник / Под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2022. – 560 с.
3. Белкин Р.С. Криминалистика: Проблемы, тенденции, перспективы: От теории к практике. – М.: Юрист, 2001. – 304 с.

PAPIKOVA Alina Vladislavovna

Student, North Caucasus Federal University, Russia, Stavropol

Scientific Advisor – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the North Caucasus Federal University, Candidate of Law Sciences Ovcharenko Igor Anatolyevich

QUESTIONS OF DESCRIBING A PERSON'S APPEARANCE IN CRIMINOLOGY

Abstract. This article explores the theoretical and practical aspects of describing a person's appearance in forensic science, including its significance, the system of features, and the methods of recording and using them in investigative practice.

Keywords: forensic science, description of appearance, identification of an individual, portrait examination, search, investigative actions, criminal proceedings, features of appearance.

СЕЛИВЕРСТОВ Данила Михайлович

студент, Северо-Кавказский федеральный университет, Россия, г. Ставрополь

*Научный руководитель – ассистент кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета Писковатский Данил Александрович*

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ В ДОКАЗЫВАНИИ КОММЕРЧЕСКОГО ПОДКУПА: КАК «ЧИТАТЬ» ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Аннотация. Статья посвящена проблеме расследования коммерческого подкупа – одного из наиболее латентных видов экономических преступлений. В работе анализируются сложности доказывания по уголовным делам данной категории, обусловленные высокой степенью конспирации, использованием завуалированных формулировок и уничтожением материальных следов.

Ключевые слова: коммерческий подкуп, латентные преступления, расследование преступлений, доказывание в уголовном процессе.

Коммерческий подкуп относится к числу наиболее латентных преступлений в сфере экономической деятельности. Данный вид преступлений, характеризуется прежде всего высокой степенью конспирации, использованием завуалированных формулировок, эвфемизмов и «закодированных» договорённостей между передающей и принимающей сторонами существенно затрудняют доказывание по уголовным делам данной категории. Традиционные следственные действия – допросы, очные ставки, выемки и обыски – зачастую оказываются недостаточными для установления юридически значимых обстоятельств: факта передачи незаконного вознаграждения, наличия прямой связи между передачей и действием (бездействием) управленца, а также инициатора преступной сделки.

В этих условиях ключевая доказательственная нагрузка смещается в область использования специальных знаний. Криминалистическая экспертиза, и прежде всего её лингвистические и фоноскопические разновидности, становится не просто вспомогательным инструментом, а зачастую – решающим источником доказательств по делам о коммерческом подкупе.

Цель – выявить возможные и наиболее эффективные методы экспертного исследования коммерческого подкупа и предложить меры по преодолению связанных с ними затруднений.

При расследовании уголовных дел о коммерческом подкупе перед следователем неизбежно встаёт вопрос о назначении судебных

экспертиз, которые позволяют установить юридически значимые обстоятельства с использованием специальных знаний. В зависимости от предмета, методов и задач исследования, как полагает часть исследователей, весь комплекс назначаемых экспертиз целесообразно разделить на две основные группы: во-первых, это собственно криминалистические экспертизы, а во-вторых, экспертизы, относящиеся к иным классам (например, судебно-экономические, судебно-бухгалтерские, материаловедческие или компьютерно-технические) [7].

Такая дифференциация обусловлена тем, что каждая группа решает свой круг вопросов и базируется на разных отраслях знаний. К числу криминалистических экспертиз, которые наиболее характерны и чаще всего назначаются по делам о коммерческом подкупе, можно отнести следующие виды [2].

Дактилоскопическая экспертиза, позволяющую идентифицировать лицо по следам рук, оставленным, например, на денежных купюрах, конвертах или иных предметах-носителях незаконного вознаграждения. Данный вид экспертизы один из самых распространенных в практике, однако обладает существенными недостатками [2]. Среди основных недостатков можно отметить, что для идентификации требуется четкий не смазанный след с деталями строения на банкнотах, переходящих из рук в руки, найти пригодный отпечаток конкретного подозреваемого крайне сложно из-за трения и вероятных посторонних жировых наслоений. Во-вторых, следы на пористой бумаге конверта

или купюры разрушаются относительно быстро, поэтому экспертиза должна проводиться в короткие сроки, что не всегда выполнимо.

Почерковедческая экспертиза, которая даёт возможность установить исполнителя рукописных записей в документах, черновиках, расписках или иных носителях информации, имеющих отношение к факту передачи-получения предмета подкупа.

С каждым годом всё большее значение приобретает **генотипоскопическая экспертиза** в системе криминалистического сопровождения дел о коррупционных преступлениях, наряду с дактилоскопией и почерковедением. Данный метод исследует биологические объекты – кровь, сперму, слюну, волосы, частицы кожи, потожировые выделения – с целью определения их принадлежности конкретному лицу [1]. Особую ценность генотипоскопия представляет в ситуациях, когда предметом подкупа выступают денежные купюры, конверты, упаковка или иные носители, на которых могли остаться микроскопические следы биологического происхождения: соскоб эпителия с конверта при его запечатывании языком, слюна на окурке сигареты, брошенном в кабинете, потожировые следы на пачке купюр, волос, непроизвольно упавший на место передачи

Ключевая особенность экспертизы заключается в её высокой чувствительности – для получения достоверного результата достаточно минимального количества биоматериала, включая единичный волос без луковицы, следы пота или один окурочек. Именно эта способность делает генотипоскопию незаменимой техникой раскрытия преступлений в современной криминалистике, особенно когда иные традиционные методы оказываются бессильны.

Фоноскопическую экспертизу, направленную на идентификацию говорящих лиц по фонограммам переговоров. В современной криминалистической практике расследования коррупционных преступлений фоноскопическая экспертиза занимает особое место, поскольку позволяет идентифицировать говорящих лиц по фонограммам переговоров, в ходе которых могли обсуждаться условия, размеры, порядок и сам факт передачи подкупа.

Источником таких фонограмм могут выступать результаты оперативно-розыскной деятельности (прослушивание телефонных переговоров, оперативно-технические мероприятия), записи с диктофона самого участника

подкупа, видео- и аудиофиксация встреч, а также записи с камер наблюдения, содержащие звукозапись.

Фоноскопия исследует устную речь – её акустические, фонетические, просодические и идентификационные признаки, позволяя установить, принадлежит ли голос на записи конкретному лицу, были ли признаки искусственного изменения голоса, а также, в ряде случаев, выявить смысловое содержание разговора при плохой разборчивости.

Главное преимущество фоноскопической экспертизы в делах о подкупе – её способность зафиксировать сам процесс преступного сговора в динамике, тогда как дактилоскопия, почерковедение и ДНК-анализ фиксируют лишь последствия (следы, записи, биоматериалы). Если в распоряжении следствия имеется фонограмма, на которой чётко слышно, как подозреваемый обсуждает сумму взятки, условие или способ передачи, то эта запись становится прямым и часто неопровержимым доказательством умысла и предмета подкупа.

При этом фоноскопическая экспертиза может идентифицировать говорящего даже при условии, что он не предоставил экспериментальные образцы голоса: эксперт вправе использовать условно-свободные образцы (фрагменты из ранее известных переговоров, публичные выступления, записи совещаний) либо применять акустический анализ без сравнения, устанавливая половозрастные и иные групповые признаки.

В дополнение нельзя не отметить **лингвистическую экспертизу**, исследующую смысловое содержание текстов и фонограмм на предмет наличия в них высказываний, направленных на склонение к передаче-приёму незаконного вознаграждения или подтверждающих достижение соответствующей договорённости.

Если почерковедческая экспертиза отвечает на вопрос «кто написал» текст, а фоноскопическая – «чей голос звучит» на записи, то лингвистическая экспертиза решает принципиально иной круг задач: «что именно означают данные слова с учётом контекста, речевых норм, подтекста и коммуникативной ситуации». В делах о подкупе, где участники нередко используют эвфемизмы («поблагодарить», «решить вопрос», «помочь», «договориться о гонораре», «нейтрализовать инцидент»), иносказания или профессиональный жаргон, именно лингвистический анализ позволяет преобразовать неопределённые или двусмысленные

высказывания в доказательственный факт – доказать, что собеседники фактически обсуждали размер незаконного вознаграждения, порядок его передачи и конкретные действия в обмен на него [7].

Перечисленные методики образуют базовый криминалистический комплекс доказывания данного вида преступлений. Их совокупность охватывает все ключевые следообразующие сферы. Эти направления в совокупности позволяют следователю и оперативному сотруднику преодолеть основные трудности, возникающие при расследовании коммерческого подкупа: латентный характер деяния, использование зашифрованных коммуникаций, уничтожение материальных следов и противодействие защиты.

После этого анализируются статистические сведения, которыми располагают правоохранительные органы, контрольно-ревизионные службы, муниципальные и иные организации. Рекомендуются проанализировать уголовные дела по взяточничеству и коммерческому подкупу, в том числе не только рассмотренные судебными инстанциями, но и прекращенные производством.

В процессе анализа первичных сведений необходимо обратиться к системе криминалистических и оперативно-справочных учетов, в частности к автоматизированному банку данных (АБД). В системе АБД основными являются три разновидности информационно-поисковых карт. Одна разновидность карт характеризует «лицо», другая – «событие», третья – «вещь» (ИПК – В) [6].

Данные из массива этих карт позволяют сделать определенную оценку признаков взяточничества или коммерческого подкупа и установить их взаимосвязь с расследуемым событием.

В ходе анализа первичных признаков взяточничества или коммерческого подкупа и при осмыслении доказательств на более поздних этапах расследования не следует упускать из виду, что взяточничество и его проявления могут иметь место на любой стадии обращения капитала:

1. При формировании первоначального капитала, за счет взяток и подкупа: а) легализуются криминальные доходы; б) решаются вопросы о неприменении санкций в отношении правонарушителя или преступника.

2. При получении товарных и денежных кредитов за счет взяток и подкупа распорядителей бюджетных средств и коммерческих

кредитных ресурсов получают предпочтения в вопросах: а) включения в число получателей бюджетных средств по целевой программе; б) снижения процентных ставок по кредитам или кредиты выдаются по схемам, связанным с отсутствием залога и реального поручительства; в) снижения отпускной цены товара, который получается на реализацию; г) увеличения сроков реализации товара и возврата части выручки производителю или оптовому продавцу; д) дополнительных поставок до полного погашения предыдущей задолженности.

3. При покупке сырья и оборудования за счет взяток и подкупа: а) происходит льготное прохождение таможенной границы импортным оборудованием; б) новое или бывшее в употреблении комплектное оборудование, машины, механизмы и запасные части приобретаются по цене металлолома.

4. При оплате труда рабочих и процентов на заемный капитал: а) за счет взяток обеспечивается «слепота» налоговых инспекторов при выездных и камеральных налоговых проверках в вопросах уменьшения и сокрытия налогооблагаемой базы; б) за счет коммерческого подкупа («отката») решается вопрос о возможности выдачи нового кредита без погашения предыдущей суммы основного долга и процентов по нему.

5. При реализации товаров на рынке и регистрации наличности за счет дачи взяток и подкупа сотрудников торговых инспекций, центров стандартизации и метрологии, антимонопольного комитета, санитарно-эпидемиологической службы, налоговой инспекции и т. д. обеспечивается попустительство и «слепота» должностных лиц в вопросах выявления: а) нарушений правил торговли, продажи не сертифицированных товаров, отсутствия кассовых аппаратов или использования не сертифицированного оборудования, продажи пищевых продуктов с пропущенным сроком реализации и т. п.; б) явного несоответствия между фактической реализацией товара в «розницу» и документальным оформлением реализации за безналичный расчет и т. п.; в) «разрыва» между приходом товара и заявленным доходом от его реализации; г) несоответствия принципов деловой конкуренции и реально существующих линейных (отраслевых) или видовых (товарных) монополистов.

6. При итоговом исчислении прибыли путем авансированного подкупа или прямой дачи взяток сотрудникам налоговой инспекции,

например, во время выездной налоговой проверки, обеспечивается работа организации без привлечения внимания сотрудников правоохранительных органов.

Указанное многообразие возможных действий заинтересованных лиц, оснований и мотивов для дачи коммерческого подкупа, пестрота внешней окраски поведения субъектов, их поступков не должно сбивать с главного: содержание механизма взяточничества или коммерческого подкупа поддается пониманию и типизации; даже самый сложный и скрытый механизм ПД может быть обнаружен, зафиксирован и исследован; подвергнутый ретроспективной оценке и прогностическому просчету механизм взяточничества и коммерческого подкупа может быть закреплён в виде системы доказательств.

Эффективность и полнота расследования фактов коммерческого подкупа в значительной степени определяются количеством и качеством информации, которой располагает следователь к моменту принятия решения о возбуждении уголовного дела и на первоначальном этапе расследования. Возможны два типа ситуаций.

Ситуации первого типа называются информационно-определёнными. В таких ситуациях следователь до возбуждения уголовного дела информирован: о конкретном факте взятки, систематического подкупа должностного лица; о характере предмета взятки или виде услуг, оказываемых подкупленному чиновнику; о процедуре передачи «подарка» должностному лицу и содержании предоставленных им гарантий; о связях субъектов взяточничества и коммерческого подкупа.

В процессе предварительного расследования информационно-определённые ситуации характеризуются точностью и полнотой получаемых сведений, их непротиворечивостью.

Ситуации второго типа называют информационно-неопределёнными. До возбуждения уголовного дела такие ситуации характеризуются наличием в распоряжении следователя лишь указаний на факты, свидетельствующие о возможном взяточничестве или коммерческом подкупе [5]. В процессе расследования данные ситуации характеризуются отрывочностью и неточностью получаемых сведений, их неполнотой и противоречивостью.

Выбор схемы расследования существенно зависит от имеющейся информации о степени осведомлённости взяточника о ходе

расследования, от количества и качества имеющихся у следователя доказательств. Наличие подобного рода информации позволяет преступникам своевременно уничтожить оставшиеся следы преступной деятельности, спланировать и провести иные мероприятия, направленные на противодействие расследованию, а следователю данная информация позволяет своевременно изъять или защитить следы, принять иные меры по нейтрализации противодействия.

Особенно тщательно следует анализировать те ходатайства, которые защитники заявляют в процессе предварительного расследования. Главным правилом оптимального реагирования следователя является недопустимость отклонения ходатайств, которые впоследствии могут быть заявлены в суде. По нашему мнению, и это подтверждается практикой расследования, через ходатайства защитника проявляется его возможная линия поведения в суде, те ресурсы, которыми защитник располагает в плане доказательств невиновности обвиняемого (подсудимого). Целесообразнее не отклонять ходатайства, а учитывать их содержание для совершенствования доказательственной базы в процессе расследования уголовного дела.

Таким образом, проведённый анализ позволяет заключить, что коммерческий подкуп, являясь высоколатентным преступлением с использованием завуалированных коммуникаций и уничтожением материальных следов, не может быть эффективно раскрыт только традиционными следственными действиями. Именно криминалистические экспертизы – дактилоскопическая, почерковедческая, генотипоскопическая, фоноскопическая и лингвистическая – образуют базовый комплекс доказывания, который во взаимосвязи позволяет зафиксировать и интерпретировать все ключевые слеодообразующие сферы (контакт с предметом подкупа, авторство записей, биологические следы, устные переговоры и их смысловое содержание), преодолевая латентный характер деяния и противодействие защиты.

Кроме того, эффективность применения перечисленных криминалистических методов напрямую зависит от их своевременности, процессуальной безупречности и комплексного характера. Разрозненное использование лишь одной из экспертиз, равно как и нарушение порядка изъятия, упаковки или назначения исследования, сводит на нет доказательственный

потенциал даже самых современных методик. Поэтому важнейшим условием успешного раскрытия коммерческого подкупа выступает не только владение следователем и оперативным сотрудником знанием возможностей дактилоскопии, почерковедения, генотипоскопии, фоноскопии и лингвистики, но и их тесное взаимодействие на всех этапах – от выявления признаков преступления до построения неопровержимой системы доказательств, способной выдержать любую линию защиты.

Литература

1. Приказ МВД России от 29.06.2005 № 511 (ред. от 06.03.2026) «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» (вместе с «Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации», «Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации») (зарегистрировано в Минюсте России 23.08.2005 № 6931).
2. Майлис Н.П. Настольная книга эксперта: монография. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2023.
3. Галяшина Е.И. Судебная лингвистическая экспертиза: учебник. – М.: Проспект, 2021.
4. Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Преступления в сфере экономической деятельности. – М.: Учебно-консультативный центр «ЮрИнфоР», 1998.
5. Гуров М.П., Чеботарев С.С. Теневая экономика и экономическая преступность в системе рыночного хозяйства: учеб. пособие. – СПб., 1997.
6. Мурзаков С.И. Стоимостные критерии преступности и наказуемости деяний, совершаемых в сфере экономики. – Н. Новгород: Нижегородский юридический институт МВД РФ, 1999.
7. Муратшина С.Н. Использование специальных знаний в целях выявления и преодоления противодействия расследованию по делам о коммерческом подкупе // Правовое государство: теория и практика. – 2017. – № 3 (49). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-spetsialnyh-znaniy-v-tselyah-vyyavleniya-i-preodoleniya-protivodeystviya-rassledovaniyu-po-delam-o-kommercheskom>.

SELIVERSTOV Danila Mikhailovich

Student, North Caucasus Federal University, Russia, Stavropol

*Scientific Advisor – Assistant at the Department of Criminal Law and Procedure
of the North Caucasus Federal University Piskovatsky Danil Alexandrovich*

FORENSIC TOOLS IN PROVING COMMERCIAL BRIBERY: HOW TO "READ" EVIDENCE

Abstract. The article is devoted to the problem of investigating commercial bribery, one of the most latent types of economic crimes. The paper analyzes the difficulties of proving criminal cases in this category due to the high degree of secrecy, the use of veiled formulations and the destruction of material traces.

Keywords: commercial bribery, latent crimes, investigation of crimes, evidence in criminal proceedings.

СМИРНОВА Валерия Павловна

студентка,

Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова,
Россия, г. Санкт-Петербург

*Научный руководитель – доцент кафедры международного и морского права
Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова,
кандидат юридических наук Гревцов Олег Вальтерович*

ПРИМЕНЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ФИКСАЦИИ И РАЗРЕШЕНИЯ МОРСКИХ ПРЕТЕНЗИЙ О ТЕЛЕСНЫХ ПОВРЕЖДЕНИЯХ

Аннотация. В статье рассматривается роль цифровых технологий в процессе документирования и правового урегулирования морских претензий, связанных с причинением вреда здоровью. Анализируются современные инструменты фиксации рейсовых данных на основе криптографической защиты, децентрализованные системы документирования инцидентов, методы автоматической обработки медицинской документации, а также алгоритмы анализа судебной практики. Показано, что комплексное применение цифровых решений способно существенно повысить доказательственную ценность собранных материалов и ускорить досудебное урегулирование споров.

Ключевые слова: морские претензии, телесные повреждения, цифровые технологии, регистратор рейсовых данных, децентрализованная документация, страховые выплаты, анализ судебной практики.

Морское право – пожалуй, одна из тех отраслей, где разрыв между тем, что происходит на практике, и тем, что поддается юридическому доказыванию, ощущается особенно остро. Инцидент в открытом море, вдали от берегов и свидетелей, – это почти всегда история о том, чего не удалось зафиксировать вовремя. Именно поэтому вопрос о технологиях документирования в морской среде давно перестал быть сугубо техническим: он напрямую определяет, получит ли пострадавший член экипажа компенсацию или останется ни с чем.

Базовым инструментом здесь по-прежнему остаётся регистратор рейсовых данных. Его обязательная установка на пассажирских и грузовых судах валовой вместимостью от 3000 тонн введена ИМО с 1997 года, однако долгое время оставалась нерешённой куда более прозаическая проблема: как убедиться, что данные на борту не были изменены после инцидента? Корейские исследователи предложили конкретный ответ – хеш-функции [5, с. 5412]. Суть метода проста: каждое сообщение, поступающее по сети NMEA 2000 от навигационных приборов, хешируется алгоритмом SHA-256, а полученный код сохраняется отдельно от основного блока данных. Если впоследствии кто-то

попытается подправить запись о курсе или скорости, коды попросту не совпадут [5, с. 5414]. Это не панацея, но это хотя бы что-то, что можно предъявить страховщику или суду.

Ситуация усложняется там, где участников инцидента несколько и ни один из них не горит желанием делиться своими записями добровольно. Немецкая команда из Германского аэрокосмического центра DLR столкнулась именно с такой проблемой, работая над системой документирования швартовых манёвров в портах [3, с. 2]. Их решение – децентрализованная архитектура на основе доверенных центров временных меток (TSA). Каждый участник – судно, портовый оператор, служба управления движением – хранит данные у себя и лишь направляет их хеш в согласованный TSA, который ставит криптографически проверяемую временную отметку. Данные никуда не уходят, пока не случится реальный конфликт. Причём выбор TSA – тоже предмет переговоров: система через пиринговую сеть ищет тот орган, которому доверяют все стороны одновременно [3, с. 8]. В ходе натурных испытаний в Куксхафене весь процесс – от первого контакта до подписанной записи – укладывался примерно

в одну секунду [3, с. 18]. Для судна, входящего в порт, это вполне реальный временной масштаб.

Впрочем, зафиксировать обстоятельства инцидента – это ещё только полдела. Другой, не менее болезненный вопрос – как оценить размер вреда. В морских претензиях о телесных повреждениях это, как правило, означает работу с медицинской документацией: заключениями судовых врачей, выписками из береговых больниц, справками о временной нетрудоспособности. Документы эти написаны людьми, для людей, а вовсе не для машин – и потому их автоматическая обработка долгое время казалась задачей из разряда трудноосуществимых.

Британские учёные, работавшие со страховыми делами о дорожно-транспортных происшествиях, показали, что это не так. Проанализировав 88 реальных дел, они обнаружили устойчивую зависимость между длительностью восстановительного периода по наиболее тяжёлой травме и итоговой суммой судебного решения – причём зависимость нелинейную, с постепенным выходом на плато [2, с. 13]. Инструментом извлечения данных из медицинских текстов послужили регулярные выражения: набор гибких шаблонов, позволяющих находить в произвольном тексте конструкции типа «симптомы шеи разрешатся приблизительно через 11 месяцев» и преобразовывать их в числовые значения [2, с. 14]. Результат – модель, способная заблаговременно сузить поле торга между истцом и ответчиком и тем самым сократить срок урегулирования претензии.

Отдельную сложность представляют случаи, когда пострадавших много. Массовый инцидент на море – пожар на пассажирском пароме, столкновение – это ситуация, в которой корабельный экипаж без медицинской подготовки оказывается перед необходимостью за считанные минуты оценить состояние десятков человек. Немецкие медики провели перекрёстный эксперимент: 48 добровольцев тиражировали 50 условных пострадавших сначала с бумажной системой LüDoG, потом с цифровым планшетом TOPaS – и наоборот [4, с. 1]. Картина получилась любопытная. С бумагой люди успевали обработать больше карточек за отведённое время – 79,75% против 67,96% [4, с. 5]. Зато цифровой инструмент давал меньше опасных ошибок: случаев, когда тяжелораненого

относили в категорию «зелёных», с планшетом было статистически значимо меньше [4, с. 6-7]. Иными словами, что важнее – скорость или точность – вопрос не риторический. Применительно к претензиям о телесных повреждениях это означает вот что: если первичная медицинская документация составлена небрежно или с занижением тяжести состояния, исправить это потом крайне сложно, а страховые последствия для пострадавшего могут оказаться весьма серьёзными.

С доказательственной точки зрения возникает закономерный вопрос о том, какова юридическая сила всех этих цифровых записей, если официального расследования нет. Международные стандарты, включая Кодекс ИМО по расследованию морских аварий, в основном рассчитаны на тяжкие случаи с гибелью людей или значительным экологическим ущербом. Большинство же претензий о телесных повреждениях – это ушибы, переломы, химические ожоги при работе с грузом – не дотягивают до порога, при котором включается государственный механизм расследования. Именно здесь приобретают особое значение частные системы документирования с криптографической верификацией: временная метка TSA, поставленная органом, которому доверяют обе стороны, фактически становится аналогом нотариального удостоверения факта [3, с. 19-20]. Насколько суды разных юрисдикций готовы воспринимать такие доказательства – вопрос пока открытый, но уже активно обсуждаемый в доктрине.

Помимо медицинских и навигационных данных, в распоряжении исследователей и практиков сегодня есть ещё один ресурс – открытые источники. Данные AIS, спутниковые снимки, публикации в социальных сетях, метеорологические архивы – всё это при умелом использовании позволяет восстановить картину произошедшего с неожиданно высокой точностью [1, с. 1289]. История с Ever Given, севшим на мель в Суэцком канале в 2021 году, наглядно продемонстрировала: совокупность общедоступных данных позволила независимым аналитикам сформулировать вероятную причинно-следственную цепочку задолго до выхода официального отчёта [1, с. 1292]. В контексте морских претензий о телесных повреждениях это означает, что условия, при которых произошёл инцидент, – погода,

видимость, манёвры судна в предшествующие часы – поддаются независимой верификации даже тогда, когда бортовые данные оспариваются или вовсе недоступны.

Наконец, стоит сказать о технологиях анализа самой судебной практики. Канадские учёные обучили модель на двух тысячах дел Федерального суда – значительную долю среди них составляют морские споры – и показали, что архитектура LSTM+CNN способна с достаточной точностью предсказывать тональность судебного решения: будет ли оно в пользу истца или ответчика [6, с. 3401]. Практический смысл такого инструмента не в том, чтобы заменить юриста, а в том, чтобы дать сторонам более реалистичный ориентир на переговорах [6, с. 3402]. Именно на этапе досудебного урегулирования большинство морских претензий и разрешается – и именно здесь информационная асимметрия между опытным страховщиком и неискушённым моряком бывает особенно болезненной.

Всё сказанное выше не означает, что технологии уже решили проблему морских претензий о телесных повреждениях. Скорее наоборот: каждый из описанных инструментов работает в своей нише и имеет собственные ограничения. Хеш-функции защищают данные от постфактум-изменений, но не от ошибок при первоначальной записи. Децентрализованные TSA-системы требуют, чтобы все стороны заранее установили нужное программное обеспечение – что в условиях международного судостроения само по себе нетривиально. Модели автоматической обработки медицинских текстов пока обучены на относительно небольших выборках и требуют экспертного сопровождения. Прогностические алгоритмы на судебных данных чувствительны к изменениям

законодательства и правоприменительной практики. Всё это, однако, аргументы в пользу развития и интеграции технологий, а не отказа от них. Право и цифровые инструменты учатся работать вместе – пусть и не без трений.

Литература

1. Дочилова М.С., Морозова В.Н. OSINT в расследовании аварий, инцидентов и незаконной деятельности в морском пространстве: сбор и анализ открытых данных для установления причин и обстоятельств происшествий и преступлений // Сборник научных трудов НИЯУ МИФИ. – 2025. – С. 1280-1294.
2. Abimbola B., Tan Q., De La Cal Marín E.A. Sentiment analysis of Canadian maritime case law: a sentiment case law and deep learning approach // International Journal of Information Technology. – 2024. – Vol. 16, № 6. – P. 3401-3409.
3. Henning E., Bakir M.S., Haralambiev L. et al. Digital versus analogue record systems for mass casualty incidents at sea – Results from an exploratory study // PLoS ONE. – 2020. – Vol. 15, № 6. – e0234156.
4. Jankowski D., Möller J., Wiards H., Hahn A. Decentralized Documentation of Maritime Traffic Incidents to Support Conflict Resolution // Journal of Marine Science and Engineering. – 2022. – Vol. 10, № 12. – P. 2011.
5. Seong K.-T., Kim G.-H. Implementation of voyage data recording device using a digital forensics-based hash algorithm // International Journal of Electrical and Computer Engineering. – 2019. – Vol. 9, № 6. – P. 5412-5419.
6. Zhang W., Shi J., Wang X., Wynn H. AI-powered decision-making in facilitating insurance claim dispute resolution // Annals of Operations Research. – 2023. – DOI: 10.1007/s10479-023-05631-9.

SMIRNOVA Valeriia Pavlovna

Student, Admiral S. O. Makarov State University of the Marine and River Fleet,
Russia, Saint Petersburg

*Scientific Advisor – Associate Professor of the Department of International and Maritime Law
at the Admiral S. O. Makarov State University of the Marine and River Fleet,
PhD in Law Grevtsov Oleg Valterovich*

APPLICATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES FOR RECORDING AND RESOLVING MARITIME PERSONAL INJURY CLAIMS

Abstract. *The article examines the role of digital technologies in documenting and legally resolving maritime claims related to personal injury. The analysis covers modern voyage data recording tools based on cryptographic protection, decentralized incident documentation systems, automated medical record processing methods, and judicial practice analysis algorithms. The comprehensive application of digital solutions is shown to significantly enhance the evidentiary value of collected materials and accelerate pre-trial dispute settlement.*

Keywords: *maritime claims, personal injury, digital technologies, voyage data recorder, decentralised documentation, insurance payments, judicial practice analysis.*

СТЕПАНОВ Сергей Николаевич

студент, Саратовская государственная юридическая академия, Россия, г. Саратов

Научный руководитель – доцент кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук Каратаев Иван Александрович

ЛИЦА, НЕПОСРЕДСТВЕННО ИСПОЛНЯЮЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ, СОДЕРЖАЩИЕСЯ В ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТАХ, КАК СУБЪЕКТ РОССИЙСКОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

Аннотация. В статье рассмотрен правовой статус лиц, непосредственно исполняющих требования, содержащиеся в исполнительных документах, как самостоятельной группы субъектов российского исполнительного права. Автор анализирует действующее законодательство об исполнительном производстве, доктринальные подходы к классификации субъектов исполнительного права. Сделан вывод о необходимости совершенствовании законодательства о принудительном исполнении.

Ключевые слова: исполнительное право, исполнительное производство, субъекты исполнительного права, принудительное исполнение.

Вопрос о субъектах российского исполнительного права непосредственно связан с определением природы самой отрасли. В настоящей научной статье, основным является тезис В. В. Яркова и уральской правовой школы о том, что исполнительное право представляет собой комплексную отрасль права, регулирующую отношения в сфере принудительного исполнения [2, с. 14]. Комплексный характер отрасли определяет широкий круг её субъектов: в исполнительные правоотношения вовлечены участники, правовое положение которых регулируется нормами процессуального и материального права.

В доктрине исполнительного права существуют различные подходы к классификации субъектов. По мнению Д. Х. Валеева, критерием разграничения субъектов служит их процессуальная роль в исполнительном производстве [3, с. 67]. О. В. Исаенкова считает, что систему субъектов следует строить, исходя из степени их участия в реализации цели исполнительного производства [4, с. 12]. Наиболее разработанной является классификация В. В. Яркова. Ученый в состав субъектов исполнительного права включает органы принудительного исполнения, лиц, участвующих в исполнительном производстве и лиц, содействующих исполнению требований исполнительного документа [2, с. 102].

Ученый указывает, что основаниями такой классификации являются функции субъекта,

его процессуальное положение, а также наличие или отсутствие юридической заинтересованности в исходе определенного исполнительного производства [2, с. 102-103]. Данный критерий приобретает главное значение для настоящего исследования, поскольку именно он позволяет провести разграничение между субъектами, упомянутыми законодателем в статье 48 Федерального закона от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – ФЗИП) [1], и подразделить их на лиц, участвующих в исполнительном производстве, лиц, непосредственно исполняющих требования, содержащиеся в исполнительных документах, и лиц, содействующих исполнению требований, содержащихся в исполнительном документе.

ФЗИП не содержит определения понятия «лица, непосредственно исполняющие требования, содержащиеся в исполнительных документах». Статья 7 ФЗИП указывает, что требования судебных актов могут быть исполнены органами, организациями, должностными лицами и гражданами, однако исчерпывающий перечень на данный момент, отсутствует. Некоторые субъекты, непосредственно исполняющие требования, содержащиеся в исполнительных документах, приведены в следующих статьях ФЗИП: 8 (банки и кредитные организации), 8.1 (эмитенты и профессиональные участники рынка ценных бумаг), 98–102

(работодатель и иные лица, выплачивающие должнику периодические платежи).

Анализ указанных норм, а также позиций, выработанных в доктрине [2, с. 102-103; 3, с. 84; 9, с. 34], позволяет выделить следующие признаки, характеризующие данную группу субъектов и отличающие ее от других участников исполнительного производства.

Первым признаком является наличие публично-правовой обязанности по исполнению. В отличие от взыскателя и должника, чье правовое положение имеет частноправовую основу, лица, непосредственно исполняющие требования, действуют во исполнение властного предписания, содержащегося в исполнительном документе или постановлении судебного пристава-исполнителя. Соответственно, их обязанность носит публично-правовой характер и возникает в силу закона, а не соглашения сторон.

В качестве второго признака следует указать на следующий: отсутствие материально-правовой заинтересованности в исходе конкретного исполнительного производства. Банк, исполняющий требования об аресте счетов должника, работодатель, исполняющий требования об удержании из заработной платы, регистрирующий орган, исполняющий требования о внесении записи об ограничении прав, не имеют собственного материально-правового интереса в том, будет ли погашен долг. В этом их главное отличие от сторон исполнительного производства, прямо заинтересованных в исходе принудительного исполнения [2, с. 103].

Третий признак – непосредственность совершаемых действий. Рассматриваемые в настоящем исследовании субъекты не организуют и не осуществляют контроль за исполнением (в отличие от Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации), а сами непосредственно совершают юридически значимые действия, обеспечивающие реализацию требований исполнительного документа. Например, перечисляют денежные средства, производят удержания, вносят регистрационные записи.

Четвертый признак, это наличие юридической ответственности. Применительно к этой группе субъектов закон прямо устанавливает на административную ответственность (статьи 17.14 и 17.15 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации), уголовную ответственность (статьи 315 Уголовного кодекса Российской Федерации) и

гражданско-правовую ответственность (статья 15 Гражданского кодекса Российской Федерации). Считаем, что изложенное так же свидетельствует о самостоятельном месте лиц, непосредственно исполняющих требования, содержащиеся в исполнительном документе, в системе субъектов исполнительного права [5, 6, 7].

На основании изложенного, считаем, что под лицами, непосредственно исполняющими требования, содержащиеся в исполнительных документах, следует понимать субъектов исполнительного права, не имеющих материально-правовой заинтересованности в исходе исполнительного производства, на которых в силу закона или властного предписания возложена публично-правовая обязанность совершить юридически значимые действия (воздержаться от их совершения) для реализации требований исполнительного документа, и несущих юридическую ответственность за неисполнение данной обязанности [9, с. 34].

Принимая во внимание сказанное, нельзя не указать на недостатки правового регулирования принудительного исполнения. Так, согласно статье 48 ФЗИП законодатель под лицами, участвующими в исполнительном производстве, понимает взыскателя и должник, лиц, непосредственно исполняющих требования, содержащиеся в исполнительном документе, а также иных лиц, содействующих исполнению требований, содержащихся в исполнительном документе. Иными словами, буквальное толкование положений статьи 48 ФЗИП указывает на отсутствие каких-либо отличий между лицами, участвующими в исполнительном производстве, и лицами, непосредственно исполняющими требования, содержащиеся в исполнительном документе. Однако это не соответствует доктринальным представлениям о субъектах исполнительного права.

Так, к числу лиц, участвующих в исполнительном производстве, относятся субъекты, имеющие юридическую заинтересованность в его исходе [2, с. 102-103; 3, с. 84]. Как отмечает В. В. Ярков, материально-правовая заинтересованность – это наличие у субъекта собственного правового интереса в том, каким образом будут исполнены требования исполнительного документа: будет ли погашен долг, будут ли защищены его права. Именно эта заинтересованность служит процессуальным основанием для наделения взыскателя и должника широким

спектром прав в исполнительном производстве [2, с. 103].

Лица, непосредственно исполняющие требования, не имеют подобной заинтересованности. Банк, производящий списание по исполнительному листу, абсолютно безразличен к тому, исполнит ли должник обязательство добровольно или принудительно; работодатель, удерживающий, например, алименты, не имеет правового интереса в разрешении спора между взыскателем и должником; регистрирующий орган, вносящий запись, например, об аресте имущества, выполняет техническую публично-правовую функцию. Отсутствие материально-правовой заинтересованности, исключает возможность отнесения данных субъектов к «лицам, участвующим в исполнительном производстве», в том смысле, в котором это понятие употребляется в доктрине российского исполнительного права.

Для устранения указанного противоречия считаем необходимым предложить внести следующие изменения в законодательство об исполнительном производстве и изложить статью 48 ФЗИП в следующей редакции:

«Статья 48. Субъекты, участвующие в принудительном исполнении.

Субъектами, участвующими в принудительном исполнении, являются:

1. Лица, участвующие в исполнительном производстве (стороны исполнительного производства);

2. Лица, непосредственно исполняющие требования, содержащиеся в исполнительном документе;

3. Иные лица, содействующие исполнению требований, содержащихся в исполнительном документе (переводчик, понятые, специалист, лицо, которому судебным приставом-исполнителем передано под охрану или на хранение арестованное имущество, и другие)».

Подводя итог настоящего исследования, отметим следующее. Лица, непосредственно исполняющие требования, содержащиеся в исполнительных документах, являются самостоятельной группой субъектов российского исполнительного права. Их характеризуют следующие признаки: наличие обязанностей с публично-правовым характером, отсутствие материально-правовой заинтересованности в ходе исполнительного производства, непосредственность совершаемых юридически

значимых действий и наличие специальной юридической ответственности за их неисполнение.

Действующее законодательство, включая данных субъектов в состав «лиц, участвующих в исполнительном производстве», не отражает их действительного правового положения и смешивает принципиально различные по своей природе группы субъектов. Предложенные изменения в ФЗИП направлены на устранение этого противоречия.

Литература

1. Федеральный закон от 02 октября 2007 № 229-ФЗ (ред. от 25.04.2026 г.) «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.
2. Ярков В.В. Исполнительное производство: учебник для вузов / В.В. Ярков. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2020. – 576 с.
3. Валеев Д.Х. Исполнительное производство: учебник для вузов / Д.Х. Валеев. – СПб.: Питер, 2008. – 400 с.
4. Исаенкова О.В. Исполнительное право в Российской Федерации: особенности становления и перспективы развития / О.В. Исаенкова; под ред. д.ю.н., проф. А.А. Демичева. – Москва: Юрлитинформ, 2007. – 292 с.
5. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 30 декабря 2001 № 195-ФЗ (ред. от 02 мая 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1).
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 № 63-ФЗ (ред. от 09 апреля 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
8. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002. № 138-ФЗ (ред. от 09 апреля 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
9. Морозова И.Б. Исполнительное производство: учебно-практическое пособие / И.Б. Морозова, А.М. Треушников; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Московский ун-т МВД РФ. – Изд. 4-е, доп. – Москва: Городец, 2007. – 559 с.

STEPANOV Sergey Nikolaevich

Student, Saratov State Law Academy, Russia, Saratov

*Scientific Advisor – Associate Professor of the Department of Civil Procedure
of the Saratov State Law Academy, Candidate of Law Sciences Karataev Ivan Alexandrovich*

PERSONS DIRECTLY PERFORMING REQUIREMENTS CONTAINED IN EXECUTIVE DOCUMENTS AS A SUBJECT OF RUSSIAN EXECUTIVE LAW

Abstract. *The article considers the legal status of persons directly performing requirements contained in executive documents as an independent group of subjects of Russian executive law. The author analyzes current legislation on enforcement proceedings, doctrinal approaches to classifying subjects of enforcement law. The conclusion is that legislation on enforcement should be improved.*

Keywords: *the right of execution, enforcement proceedings, subjects of executive law, enforcement.*

ФИЛИППОВА Наталья Викторовна

магистрантка, Байкальский государственный университет, Россия, г. Иркутск

*Научный руководитель – доцент кафедры гражданского права и процесса**Байкальского государственного университета,**кандидат юридических наук Белоусов Владимир Николаевич***ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРОВ**

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы правоприменения, возникающие на этапе заключения гражданско-правовых договоров. Анализируются сложности, связанные с согласованием существенных условий, составлением протоколов разногласий, соблюдением процедуры оферты и акцепта. Особое внимание уделяется пробелам в законодательстве и противоречивой судебной практике. На основе анализа нормативных актов и судебных решений предлагаются пути совершенствования правового регулирования договорных отношений. Делается вывод о необходимости уточнения ряда норм Гражданского кодекса РФ и выработки единообразной практики их применения судами.

Ключевые слова: гражданско-правовой договор, заключение договора, оферта, акцепт, существенные условия договора, протокол разногласий, правоприменение, судебная практика, пробелы в законодательстве, добросовестность сторон.

Заключение гражданско-правового договора – ключевой этап в установлении обязательственных отношений между сторонами. Несмотря на детальное регулирование в Гражданском кодексе РФ (далее – ГК РФ) [1, 2], на практике возникает множество проблем правоприменения. По данным судебной статистики, более 40% предпринимателей сталкиваются с неопределенностью в толковании договорных норм, что приводит к конфликтам и судебным спорам [3, с. 14].

Цель статьи – выявить основные проблемы правоприменения при заключении договоров и предложить пути их решения.

Договор – это основной механизм, посредством которого осуществляется гражданский оборот. Через него стороны реализуют свои права, как материальные, так и нематериальные, и выстраивают взаимоотношения. Однако, несмотря на кажущуюся простоту, заключение договоров в современной правовой среде сталкивается с рядом серьезных проблем. От неясности момента, когда договор считается заключенным, до технических трудностей, связанных с переходом на электронные формы, – все это создает новые вызовы.

Цифровизация сделок, рост дистанционных форм сотрудничества и стремление к большей прозрачности правового регулирования делают эту область знаний критически важной.

Несмотря на постоянное развитие гражданского законодательства, практика показывает, что на этапе заключения договоров все еще существуют правовые лакуны, противоречия и ошибки. Эти недостатки могут негативно сказаться на действительности сделок и осложнить возможность их защиты в суде.

По определению статьи 420 ГК РФ, договор – это соглашение между двумя или более лицами, которое устанавливает, изменяет или прекращает их гражданские права и обязанности. Принцип свободы договора, закрепленный в статье 421 ГК РФ, является основополагающим для гражданского права. Он подразумевает не только свободу выбора, заключать ли договор и с кем, но и свободу определять его содержание, что составляет суть договорного права.

Суть договора сводится к добровольному объединению воли участников, что является проявлением принципа диспозитивности в гражданском праве [12, с. 412].

Основные принципы, регулирующие заключение договоров, изложены в статьях 1, 421 и 307 ГК РФ. К ним относятся: свобода договора, равенство сторон, добросовестность и, в некоторых случаях (например, при заключении публичных договоров), необходимость учитывать публичный интерес.

Вместо этого, на практике, его применение

ограничено обязательными правилами, призванными защитить интересы общества, более слабой стороны соглашения или общественный порядок. Более того, опыт показывает, что определить точный момент заключения договора бывает непросто, особенно когда общение происходит через электронную почту или мессенджеры.

Серьезные трудности возникают при попытке признать юридически действительным договор, заключенный в электронном виде. Несмотря на то, что статья 434 ГК РФ позволяет оформлять договоры с помощью электронных или других технических средств, суды не всегда считают такие соглашения заключенными, если отсутствует электронная подпись.

Несоблюдение письменной формы договора (согласно статьям 161 и 162 ГК РФ) делает невозможным доказать факт совершения сделки. Нередко встречаются ситуации, когда стороны злоупотребляют своими правами при заключении договоров [10, с. 93].

В российской судебной практике нередко возникают споры, в которых суды по-разному оценивают действия участников как предложение заключить договор (оферту) или как приглашение сделать такое предложение. Это может повлиять на решение о том, был ли договор фактически заключен.

Часто возникает вопрос о том, насколько можно ограничивать свободу договора в целях защиты общественных интересов. Например, отказ заключить публичный договор, при наличии всех необходимых для этого условий, может быть расценен как злоупотребление правом.

Заключение договоров под принуждением или в результате существенного заблуждения (согласно статьям 178 и 179 ГК РФ) ведет к признанию сделок недействительными. При этом бремя доказывания обстоятельств, делающих сделку недействительной (например, факта угроз), ложится на сторону, оспаривающую сделку, что часто делает такую защиту практически невозможной [11, с. 47].

Не оформление договора в установленном порядке часто влечет за собой его недействительность как незаключенного (ст. 164, 651 ГК РФ), что особенно критично для сделок с недвижимым имуществом. Наиболее спорным является вопрос о моменте заключения договора розничной купли-продажи, заключенного дистанционно. В юридической науке и практике нет единого мнения: одни исследователи

считают, что договор считается заключенным с момента получения продавцом сообщения покупателя о намерении приобрести товар, другие – с момента выдачи документа, подтверждающего оплату (например, чека), а третьи – с момента фактической передачи товара. Л. А. Муравьева, анализируя дистанционные сделки, склоняется к тому, что момент заключения договора должен соответствовать общей модели, установленной статьей 433 ГК РФ, то есть быть привязан к получению акцепта продавцом [9, с. 195].

Отсутствие единообразия в подходах создает правовую неопределенность для участников сделок. Для решения этой проблемы предлагается внести в статью 493 ГК РФ специальную норму, которая бы определяла момент заключения такого договора как направление покупателем акцепта (заказа), что способствовало бы повышению уровня защиты прав потребителей. Существующие правила дистанционной торговли требуют от покупателя предоставления исчерпывающего набора сведений, что противоречит традиционному пониманию акцепта как безоговорочного согласия. Для устранения этого несоответствия предлагается дополнить Гражданский кодекс РФ статьей 494.1, которая бы детализировала требования к акцепту при дистанционной купле-продаже, фактически интегрируя в законодательство положения соответствующих подзаконных актов. Принцип свободы договора (ст. 1, 421 ГК РФ) не является абсолютным. Его ограничения, такие как публичные (ст. 426 ГК РФ) и обязательные договоры, вводятся для защиты более уязвимой стороны и защиты публичных интересов. Однако, несмотря на это, в сфере правового регулирования таких отношений существуют пробелы.

Закон не дает полного списка причин, по которым можно законно отказать в услуге. Например, до сих пор ведутся споры о том, правомерно ли заведениям общественного питания отказывать во входе по внешнему виду («фейс-контроль») или обслуживать нетрезвых посетителей. Хотя суды часто встают на сторону исполнителей услуг, если их действия направлены на обеспечение безопасности и порядка, нет единого подхода к таким делам. Чтобы внести ясность, предлагается добавить в правила предоставления услуг общественного питания пункт, который прямо разрешит исполнителям отказывать в обслуживании в определенных случаях [8, с. 44].

Неясно, какой срок исковой давности применяется к требованиям о принуждении к заключению договора (согласно статье 445 ГК РФ). Если применять общий трехлетний срок, то результаты будут отличаться от тех, что получаются при использовании специального тридцатидневного срока (по аналогии с процедурой разрешения разногласий). Для большей правовой определенности предлагается установить в части 4 статьи 445 ГК РФ специальный тридцатидневный срок для подачи такого иска.

Приравнение электронных договоров к обычным письменным (статья 160 ГК РФ) открыло новые возможности, но и породило новые проблемы.

Главная трудность при заключении электронных сделок – это установление личности человека, который выражает свое согласие. Простая электронная подпись (например, коды из СМС) не всегда позволяет надежно определить, кто именно является стороной договора. Это приводит к мошенничеству и судебным разбирательствам о действительности сделок. Судебная практика в этом вопросе неоднозначна: иногда суды не защищают добросовестных лиц, чьи данные были использованы мошенниками, а иногда встают на их сторону, указывая, что простой электронной подписи недостаточно для идентификации. Е. Б. Девятова отмечает, что проблема идентификации в цифровом мире требует развития концепции «электронной личности» и четкого распределения рисков между стороной, которая позволила использовать свою цифровую идентичность, и добросовестным контрагентом [5, с. 333].

Решением может стать более широкое использование усиленной квалифицированной электронной подписи, а также выработка Верховным Судом РФ единых подходов к оценке доказательств в подобных спорах.

С учетом анализа проблем и противоречий в судебной практике, так же представляется целесообразным:

1. Уточнить в ГК РФ процедуру разрешения разногласий при заключении договора.
2. Разработать разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по вопросам: применения п. 3 ст. 432 ГК РФ; квалификации акцепта на иных условиях; статуса договора с протоколом разногласий.
3. Усовершенствовать регулирование электронных договоров и цифровых подписей.
4. Конкретизировать критерии

существенного изменения обстоятельств (ст. 451 ГК РФ), чтобы облегчить применение этой нормы.

5. Повысить правовую грамотность предпринимателей и граждан в вопросах договорного права.

6. Внедрить типовые формы договоров для распространенных видов сделок с четким выделением существенных условий.

Таким образом, проблемы правоприменения при заключении договоров обусловлены как пробелами в законодательстве, так и сложностью оценки добросовестности сторон и внешних обстоятельств. Введение п. 3 ст. 432 ГК РФ частично решило проблему признания договоров незаключенными после их исполнения, но ряд вопросов остается нерешенным. Совершенствование норм ГК РФ и выработка единообразной судебной практики позволят повысить стабильность гражданского оборота и защитить права участников договорных отношений.

Литература

1. Гражданский кодекс РФ. Часть первая: ФЗ от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изменениями от 31 июля 2025 г.) // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3302.
2. Гражданский кодекс РФ. Часть вторая: ФЗ от 26.01.1996 № 14-ФЗ (с изменениями от 24 июня 2025 г.) // СЗ РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
3. Ахмедов А.Я. Общие положения об обязательствах и договорах: учебное пособие / А.Я. Ахмедов. – Москва: НОРМА, 2025. – 544 с.
4. Байзиев Р.М. Аспекты недобросовестности сторон при заключении и расторжении публичных договоров в гражданском праве / Р.М. Байзиев, И.С. Брылев // Вестник науки и образования. – 2025. – № 6-2(160). – С. 84-86.
5. Девятова Е.Б. Актуальные проблемы заключения договора в российском гражданском праве / Е.Б. Девятова // Молодой ученый. – 2025. – № 46(597). – С. 332-334.
6. Елисеева А.А. Проблемы заключения предпринимательских договоров в условиях цифровизации гражданского оборота / А.А. Елисеева // Сфера науки. – 2025. – № 2. – С. 103-107.
7. Малыгин О.Д. Гражданско-правовые договоры: понятие, виды и содержание / О.Д. Малыгин // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – № 105-7. – С. 113-116.
8. Монастырский Ю.Э. Право требования заключить договор как вид имущества в гражданском обороте / Ю.Э. Монастырский //

Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2025. – Т. 22, № 3. – С. 43-51.

9. Муравьева Л.А. Правовые основы принципа свободы договора и его пределов / Л.А. Муравьева // Вестник науки. – 2025. – Т. 5, № 3(84). – С. 194-202.

10. Мурдалов Д.Р. Правовая природа опциона на заключение договора и опционного договора / Д.Р. Мурдалов // Право и политика. –

2025. – № 10. – С. 92-98.

11. Мясовский В.О. Принцип свободы договора как основополагающий принцип гражданского права / В.О. Мясовский, Д.С. Михеев // Право и управление. – 2025. – № 12. – С. 46-49.

12. Хугаев А.Г. Понятие и сущность гражданско-правового договора / А.Г. Хугаев, Д.М. Качмазова // Новая наука: от идеи к результату. – 2024. – № 11. – С. 411-415.

FILIPPOVA Natalia Viktorovna

Undergraduate Student, Baikal State University, Russia, Irkutsk

Scientific supervisor – Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of Baikal State University, Candidate of Law Belousov Vladimir Nikolaevich

PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT WHEN CONCLUDING CONTRACTS

Abstract. *The article discusses the current problems of law enforcement that arise at the stage of concluding civil law contracts. The difficulties associated with agreeing on essential terms, drawing up protocols of disagreement, and following the offer and acceptance procedures are analyzed. Particular attention is paid to gaps in legislation and contradictory judicial practices. Based on the analysis of normative acts and court decisions, ways of improving the legal regulation of contractual relations are proposed. It is concluded that it is necessary to clarify a number of norms of the Civil Code of the Russian Federation and to develop a uniform practice of their application by the courts.*

Keywords: *civil law contract, conclusion of a contract, offer, acceptance, essential terms of the contract, protocol of disagreement, law enforcement, judicial practice, gaps in legislation, good faith of the parties.*

ХУДЯКОВА Алина Халитовна

студентка, Челябинский государственный университет, Россия, г. Челябинск

Научный руководитель – доцент кафедры уголовного права и криминологии

Челябинского государственного университета,

кандидат юридических наук Штефан Алена Владимировна

К ВОПРОСУ О НЕДОСТАТКАХ НОРМАТИВНО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПРЕСТУПНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ действующего уголовного законодательства Российской Федерации, регламентирующего ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений (ст. 150 УК РФ). Выявляются существенные пробелы и коллизии нормативно-правового регулирования, затрудняющие правоприменительную практику.

Ключевые слова: вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, уголовная ответственность, недостатки уголовного законодательства.

В настоящее время несовершеннолетние – это одна из наиболее криминально поражённых категорий населения. Опасна тенденция всё большего участия подростков в преступной деятельности совместно со взрослыми. Чаще всего взрослые, нередко судимые, вовлекают в преступную деятельность молодёжь в возрасте от 16 до 18 лет.

Анализ норм уголовного законодательства выявляет ряд противоречий и пробелов, что характерно не только для данной отрасли права. Их возникновение во многом обусловлено динамичным развитием преступности: она адаптируется к современным социально историческим условиям значительно быстрее, чем обновляется нормативно правовая база.

Ч. 1 ст. 150 УК РФ содержит, на первый взгляд, чёткую диспозицию: «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления путём обещаний, обмана, угроз или иным способом, совершённое лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста» [1].

Однако, как подчёркивает Л. О. Закутина, использование законодателем термина «несовершеннолетний» при буквальном толковании нормы создаёт для правоприменителя ряд проблемных вопросов [2]:

Во-первых, буквальное толкование нормы, использующей термины «несовершеннолетний» и «несовершеннолетнего», создаёт формальное впечатление, что закон защищает только лиц мужского пола. Однако системный

анализ законодательства показывает: законодатель подразумевает несовершеннолетних любого пола. Во-вторых, определение категории «несовершеннолетний» закреплено в уголовно правовой норме (ч. 1 ст. 87 УК РФ) это лица в возрасте от 14 до 18 лет. Аналогичное толкование содержится в гражданском законодательстве (ч. 1 ст. 26 ГК РФ). Дети младше 14 лет относятся к категории малолетних.

Таким образом, действующее регулирование защищает лишь подростков 14–18 лет, оставляя без правовой охраны младших детей. Это представляется неоправданным, поскольку: дети в возрасте 10–12 лет особенно уязвимы к негативному влиянию; раннее вовлечение в преступную или девиантную среду наносит более серьёзный вред неокрепшей психике; последствия такого воздействия могут быть долгосрочными и необратимыми.

В целях устранения пробела Закутиной Л.О. предлагается внести изменения в диспозиции ст. 150 и 111 УК РФ, заменив термин «несовершеннолетний» на «ребёнок». Согласно ст. 54 СК РФ, ребёнком признаётся лицо, не достигшее 18-летнего возраста [2].

Также при анализе правоприменительных проблем, связанных с расследованием преступлений по ст. 150 УК РФ, особое внимание следует уделить неопределённости способа совершения данного преступления. Законодатель в диспозиции статьи указывает лишь общие формы вовлечения несовершеннолетнего:

«путём обещаний, обмана, угроз или иным способом».

Разъяснения по данному вопросу содержатся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 01.02.2011 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (п. 42) [3]. В нём под вовлечением понимается «действие взрослого лица, направленное на возбуждение желания совершить преступление или антиобщественные действия», которое может выражаться: в обещаниях, обмане, угрозах; в предложении совершить преступление; в разжигании чувства зависти, мести и иных действиях.

Ключевой проблемой является определение момента окончания преступления. Несмотря на то, что формулировка «возбуждение желания» может создать впечатление, что преступление окончено с момента формирования у несовершеннолетнего намерения совершить противоправное деяние, на практике момент окончания признаётся фактическое совершение преступления несовершеннолетним – начиная с этапа приготовления.

В целях устранения правовой неопределённости целесообразно внести дополнение в п. 42 указанного постановления Пленума ВС РФ. Предлагаемая формулировка: «Под вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественных действий следует понимать действия взрослого лица, направленные на возбуждение желания совершить преступление или антиобщественные действия и реализацию несовершеннолетним данного желания».

А. Ю. Попов в своей публикации анализирует особенности терминологии, используемой законодателем в статьях УК РФ, касающихся вовлечения несовершеннолетних в противоправные действия [4].

Автор отмечает следующее разграничение: В ст. 150 и 151 УК РФ применяется термин «вовлечение». Это означает, что преступление считается оконченным только после того, как несовершеннолетний: совершил преступление; приступил к приготовлению к преступлению; осуществил покушение на преступление; выполнил хотя бы одно антиобщественное действие. В ст. 151.2 УК РФ используется термин «склонение». Его применение указывает на формальный состав преступления: деяние признаётся оконченным уже в момент

совершения действий, направленных на формирование у несовершеннолетнего желания совершить противоправное деяние – независимо от того, реализовал ли подросток это намерение.

Рассмотрим вопрос определения непосредственного объекта вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ). Согласно теории уголовного права, непосредственный объект преступления – это общественные отношения, которым непосредственно причиняется вред либо создаётся угроза его причинения в результате совершения преступления [1].

Различные авторы предлагают следующие трактовки: Г. М. Миньковский и Г. З. Брускин определяют непосредственный объект как «правильное воспитание и нормальное духовное и физическое развитие конкретного несовершеннолетнего» [5]. Они подчёркивают, что вовлечение в преступление снижает эффективность воспитательных усилий семьи, школы и общества и ведёт к деформации личности подростка.

А. В. Осипьян выделяет общественные отношения, обеспечивающие право несовершеннолетнего на защиту от информации, наносящей вред его нравственному и духовному развитию [6].

К. А. Ганина определяет объект как общественные отношения, способствующие и защищающие правильное воспитание несовершеннолетнего, его благополучное нравственное и духовное развитие [7].

По мнению Л.О. Закутиной, все приведённые позиции описывают видовой, а не непосредственный объект преступлений против несовершеннолетних. Это подтверждается тем, что концепция нормального развития несовершеннолетнего лежит в основе и других норм УК РФ: ст. 151 (вовлечение в антиобщественные действия), ст. 151.1 (розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции), ст. 156 (неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего). По ее авторскому мнению, непосредственным объектом данного преступления будет являться право ребенка на свободное психическое развитие его личности и формирование правомерного поведения, поскольку ребенок, вовлекаемый в совершение преступления, может даже не осознавать, что им совершается именно преступление. Он может воспринимать совершаемое им деяние в качестве игры (если взрослый обещает награду,

либо берет несовершеннолетнего на «слабо» и т. п.) [2].

Анализ ст. 150 УК РФ позволяет сделать вывод о наличии в ней существенных пробелов и недостатков, требующих законодательного урегулирования для обеспечения единообразного и точного применения нормы на практике. Поскольку уголовный закон должен отличаться максимальной чёткостью и определённой, передача на усмотрение правоприменителей трактовки ключевых положений ст. 150 УК РФ представляется недопустимой и свидетельствует о недостаточной проработанности данной нормы со стороны законодателя.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // «Собрание законодательства РФ». – 1996.
2. Проблемы толкования и применения СТ. 150 УК – Закутина Л.О.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 01.02.2011 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних».
4. Попов А.Ю. Разграничение вовлечения несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, со смежными составами преступлений // Судебная власть. Право. Образование: мат-лы науч.-практ. конф. (к 25-летию со дня образования Российского государственного университета правосудия), г. Хабаровск, 26 мая 2023 г. Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2023.
5. Миньковский Г.М., Брускин Г.З. Общая характеристика вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность и иное антиобщественное поведение // Проблемы борьбы с вовлечением несовершеннолетних в антиобщественное поведение.
6. Осипьян А.В. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений или иных антиобщественных действий (уголовно-правовые и криминологические аспекты): автореф. дис. канд. юрид. наук. - Ростов-на-Дону.
7. Ганина К.А. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления // VII Международная студенческая электронная научная конференция «Студенческий научный форум».

KHUDYAKOVA Alina Khalitovna

Student, Chelyabinsk State University, Russia, Chelyabinsk

Scientific Advisor – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology at Chelyabinsk State University, PhD in Law Stefan Alena Vladimirovna

ON THE SHORTCOMINGS OF LEGAL REGULATION OF LIABILITY FOR INVOLVING MINORS IN CRIMINAL ACTIVITIES

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of the current criminal legislation of the Russian Federation regulating liability for involving minors in crimes (Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation). Significant gaps and conflicts in legal regulation that hinder law enforcement are identified.

Keywords: involving minors in crimes, criminal liability, deficiencies in criminal legislation.

ХУДЯКОВА Алина Халитовна

студентка, Челябинский государственный университет, Россия, г. Челябинск

*Научный руководитель – доцент кафедры уголовного права и криминологии
Челябинского государственного университета, кандидат юридических наук*

Штефан Алена Владимировна

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, ДОВОДЯЩЕГО ДО САМОУБИЙСТВА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

Аннотация. Статья посвящена криминологическому анализу личности, доводящей несовершеннолетних до самоубийства. В работе рассматриваются социально-демографические характеристики, психологические особенности, мотивы и способы совершения таких преступлений. Особое внимание уделяется роли информационных технологий в современном контексте, а также факторам, способствующим формированию преступного умысла.

Ключевые слова: доведение до самоубийства, несовершеннолетние, личность преступника, суицид, психологическое воздействие.

Российская Федерация, к сожалению, находится среди мировых лидеров по уровню самоубийств, причём особую озабоченность вызывает рост числа суицидов среди несовершеннолетних. Согласно данным шведского Центра суицидных исследований, в 2017 году Россия занимала первое место по абсолютному числу подростков в возрасте 15–18 лет, демонстрирующих суицидальные наклонности.

Общественная опасность доведения до самоубийства, склонения к совершению самоубийства или содействия совершению самоубийства, организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства, заключаются в том, что эти преступления способствуют росту проявлений суицида в Российской Федерации, вызывают суицидальное настроение и даже формирование субкультуры суицидального поведения среди некоторых групп населения, особенно несовершеннолетних и молодежи [1].

Субъект преступления обязательный элемент состава преступления, предусмотренного ст. 110¹ УК РФ. Согласно ст. 19 УК РФ, уголовной ответственности подлежит вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного законом. Следовательно, субъект преступления по ст. 110¹ УК РФ должен одновременно обладать тремя признаками:

- быть физическим лицом;
- быть вменяемым;

- достичь возраста, с которого наступает уголовная ответственность [2].

Подобные преступления в отношении несовершеннолетних влекут за собой серьёзные социальные последствия, включая: физические увечья и инвалидность, суицидальные попытки, развитие хронических заболеваний, нарушения психического здоровья, злоупотребление психоактивными веществами, вовлечение в антиобщественную деятельность, проституцию и бродяжничество.

В ряде случаев подобные преступные проявления в том числе семейно-бытовое насилие, травля и вовлечение детей в деструктивные сетевые сообщества приводят к трагическим последствиям, включая попытки самоубийства и завершённые суициды среди несовершеннолетних [3].

Среди факторов, повышающих риск суицидального поведения, эксперты выделяют: травлю в школе (буллинг); конфликты и развод родителей; алкогольную зависимость в семье; отсутствие поддержки и внимания со стороны взрослых; жестокое обращение дома; жизнь в детских домах.

Изучение личности преступника имеет ключевое значение для криминологических исследований и разработки профилактических мер, направленных на предотвращение подобных преступлений.

На основе изучения следственной и судебной практики выделены две категории лиц,

наиболее часто совершающих преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 110 УК РФ:

1. Законные представители несовершеннолетних;
2. Лица, осуществляющие преподавательскую деятельность.

Эти группы различаются по возрасту, полу, роду деятельности и другим характеристикам, но их объединяет общий признак наличие тесного и длительного контакта с жертвой, что позволяет оказывать на неё как физическое, так и психологическое давление.

Первая категория законные представители несовершеннолетних (родители, опекуны и т. п.). В научной литературе, например в работах Е. Г. Ермолаевой, отмечается, что чаще всего к доведению до самоубийства склонны мужчины от 26 до 55 лет: состоящие в браке, ранее судимые за насильственные или корыстно насильственные преступления, со средним общим или средним специальным образованием, нередко безработные или занятые низкоквалифицированным трудом, действующие в состоянии алкогольного опьянения, с повышенной агрессивностью и пренебрежением к нормам морали и закона [4].

Приведу пример из судебной практики по данной категории лиц. В октябре 2019 года в Москве 14-летний подросток покончил с собой. По версии обвинения, родители издевались над ребёнком: отказывали в пище, отнимали гаджеты, закрывали в комнате и били за провинности.

Троицкий районный суд Москвы признал супругов Андрея и Ирину Воропаевых виновными по пунктам «а», «г» части 2 статьи 110 УК РФ (доведение до самоубийства несовершеннолетнего группой лиц по предварительному сговору). Ирине Воропаевой (мачехе подростка) было назначено наказание в виде 4,5 лет колонии общего режима, её супругу – 3,5 года колонии строгого режима [5].

Первоначально Воропаева получила 9 лет колонии, а её супруг – 8,5 лет, но апелляционная инстанция отменила приговор из-за нарушений уголовно-процессуального закона и направила дело на пересмотр. После повторного рассмотрения Мосгорсуд признал приговор законным.

В материалах дела указывалось, что мачеха разрабатывала программу для похудения несовершеннолетнего, в результате чего ребёнок сбросил 21 кг. Подросток жаловался одноклассникам, что родители замучили его

физическими упражнениями и грозились отправить в интернат.

Исследования показывают, что значительная часть преступлений совершается лицами, злоупотребляющими алкогольными напитками или наркотическими веществами. Под воздействием данных веществ у правонарушителей наблюдается усиление негативных личностных черт: агрессивности, жестокости, подозрительности, мнительности и ревности [6].

Таким образом, можно выделить общие признаки данной категории преступников: тесные взаимоотношения с жертвой, низкий уровень образования, занятие низкоквалифицированным трудом, злоупотребление алкогольными напитками или наркотическими веществами, провокация семейно-бытовых конфликтов, провоцирующих унижение человеческого достоинства несовершеннолетнего.

Следующей категорией лиц, совершающих преступления в отношении несовершеннолетних, являются педагогические работники. Зафиксированы случаи применения учителями психического и физического насилия к ученикам. Мотивами подобных противоправных действий выступали: материальное положение потерпевшего; личная неприязнь; неуспеваемость учащегося в учёбе.

Так, например в сентябре 2020 года 15-летний Андрей (имя изменено) покончил с собой. Перед смертью он оставил записку, в которой упомянул преподавателя. Было возбуждено дело о доведении до самоубийства [7].

По словам матери, учитель, принявшая класс в начале 2019 года, якобы «позволяла себе унижать детей» и «занижала оценки». Ученики, продолжает автор поста, даже подали коллективную жалобу на Гибадуллину в адрес директора и попросили заменить преподавателя. Однако никаких действий по урегулированию сложившейся ситуации от директора не последовало, добавляет Гарипова. Из-за этого некоторые родители якобы даже вынуждены были переводить своих детей в другие школы.

По факту смерти школьника было возбуждено уголовное дело по статье о доведении до самоубийства (ст. 110 УК РФ). Однако, по словам матери, следствие не могло установить достаточную степень вины учителя из-за отсутствия видеодоказательств. Прокуратура Татарстана взяла расследование под контроль. На момент декабря 2020 года дело ещё находилось на стадии расследования, а учительница продолжала

работать в школе, хотя и не вела уроки в классе погибшего ученика

В рассматриваемой категории преступников, аналогично предыдущей группе, прослеживается наличие существенного влияния на несовершеннолетнего со стороны лица, совершившего преступление. Дополнительно следует отметить, что зачастую в основе оскорбительного отношения к подростку лежат личные проблемы преступника, выступающие в качестве провоцирующих факторов противоправного поведения.

Третью группу лиц, причастных к преступлениям, связанным с доведением несовершеннолетних до самоубийства, составляют сами несовершеннолетние – обучающиеся образовательных учреждений.

Личность такого преступника характеризуется следующими чертами:

- выраженными лидерскими качествами и стремлением привлечь к себе внимание;
- сниженным уровнем эмпатии и сочувствия к окружающим;
- низким уровнем воспитания.

Согласно исследованиям, примерно половина подростков, проявляющих агрессию в школе, сами ранее подвергались жестокому обращению или истязаниям в семье [8]. В результате они вымещают накопившуюся злость на более слабых, мстя за собственные переживания.

Один из примеров судебной практики, где подростки обвинялись в доведении одноклассника до суицида, связан с делом в Калмыкии. В марте 2025 года в селе Садовое Сарпинского района 14-летний Артём покончил с собой после продолжительной травли со стороны сверстников

Обстоятельства дела: Буллинг носил систематический характер: подростка избивали, унижали, однажды сломали ему руку. В день трагедии группа подростков в нетрезвом состоянии ворвалась в дом Артёма, вывела его во двор, избила и унизила. Издевательства снимали на телефон. Среди эпизодов травли упоминаются случаи, когда Артёма заставляли целовать обувь и опускали головой в унитаз. Видео с издевательствами распространяли в соцсетях. Учителя знали о происходящем, но не вмешивались.

В марте 2025 года было возбуждено уголовное дело. По данным на февраль 2026 года, пятеро подростков предстали перед судом. Им инкриминировали доведение до самоубийства

(ст. 110 УК РФ), незаконное проникновение в жилище и хулиганство. Подростки вину не признают.

Таким образом, ключевыми характеристиками данной категории преступников являются: наличие механизмов психологического давления на жертву, низкий уровень эмпатии, неблагоприятные семейные отношения и выраженная акцентуация характера.

В зависимости от психологического состояния суицидента выделяют аффективный, показательно-демонстративный и истинный суицид [9]. Несовершеннолетним, как правило, не свойственно истинное желание смерти. Суицидальное поведение среди них обуславливается намерением избежать физической, психологической или эмоциональной боли.

В результате проведённого анализа были выделены три категории лиц, совершающих преступления, связанные с доведением несовершеннолетних до самоубийства. Данные группы различаются по ряду социально-демографических характеристик – возрасту, полу, а также виду профессиональной деятельности.

Личность преступника, как правило, находится в тесном взаимодействии с жертвой, что создаёт условия для применения методов психологического или физического воздействия и позволяет преступнику выступать в роли манипулятора. Неблагополучная семейная обстановка дополнительно усиливает этот эффект, провоцируя проявления агрессии: оскорбления, унижения и иные формы жестокого обращения с потерпевшим.

Литература

1. Галстян Г.С. Суицид подростков как одна из форм девиантного поведения // Социокультурные основы процесса легитимации правового порядка в современном социуме, 2020 г.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.11.2025).
3. Буряковская Е.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика доведения до самоубийства: дис. канд. юрид. наук. СПб., 2020.
4. Ермолаева Е.Г. Криминологический анализ доведения до самоубийства // Российское общество: цивилизационные горизонты трансформации. Международная научно-практическая конференция «Трансформационное общество: проблемы, их решение и перспективы развития», 2021 г.

5. Приговор Троицкого районного суда Москвы от 20.01.2025 г.

6. Она позволяла себе унижать детей! Мать обвинила учителя 102-й гимназии в суициде сына // Business Gazette. URL: <https://www.businessgazeta.ru/article/491856?yclid=morkwoicil341460737> (дата обращения: 05.05.2026).

7. Лейн Д.А. Школьная травля (буллинг) // Детская и подростковая психотерапия, 2022 г.

8. Личко А.Е., Александров А.А. Суицидальное поведение подростков // Клинико-психологические, социальные и правовые проблемы суицидального поведения, 2023 г.

KHUDYAKOVA Alina Khalitovna

Student, Chelyabinsk State University, Russia, Chelyabinsk

*Scientific Advisor – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology
at Chelyabinsk State University, PhD in Law Stefan Alena Vladimirovna*

PERSONALITY TRAITS OF A CRIMINAL DRIVING A MINOR TO SUICIDE

Abstract. *This article presents a criminological analysis of individuals who drive minors to suicide. The study examines the sociodemographic characteristics, psychological traits, motives, and methods of committing such crimes. Particular attention is paid to the role of information technology in the modern context, as well as factors contributing to the formation of criminal intent.*

Keywords: *incitement to suicide, minors, perpetrator personality, suicide, psychological impact.*

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

КАРПЕНКО Ксения Сергеевна

студентка, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,
Республика Крым, г. Симферополь

СТЕФАНЕНКО Маргарита Николаевна

доктор экономических наук, профессор,
Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,
Республика Крым, г. Симферополь

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ СБЫТОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ НА ОСНОВЕ СИСТЕМЫ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения эффективности сбытовой деятельности организаций в условиях усиления конкурентной борьбы, цифровизации экономики и постоянных изменений рыночной среды. Эффективная организация системы сбыта является одним из ключевых факторов обеспечения устойчивого развития предприятия, увеличения объема продаж и повышения уровня его конкурентоспособности. В современных условиях особое значение приобретает использование системы показателей оценки эффективности сбытовой деятельности, позволяющей осуществлять комплексный анализ результатов продаж, контролировать достижение стратегических и оперативных целей, а также своевременно выявлять факторы, негативно влияющие на коммерческую деятельность организации. Применение ключевых показателей эффективности способствует совершенствованию управления сбытовыми процессами, повышению результативности деятельности предприятия и принятию обоснованных управленческих решений.

Ключевые слова: сбытовая деятельность, эффективность сбыта, система показателей, KPI, управление продажами, коммерческая деятельность, оценка эффективности, показатели эффективности, предприятие, продажи.

В условиях современной рыночной экономики повышение эффективности сбытовой деятельности организации приобретает особую значимость, поскольку именно система сбыта обеспечивает реализацию продукции, формирование прибыли предприятия и укрепление его конкурентных позиций на рынке. Усиление конкурентной борьбы, нестабильность внешней среды, развитие цифровых технологий и изменение потребительских предпочтений обуславливают необходимость совершенствования методов управления сбытовой деятельностью и внедрения современных инструментов оценки ее результативности.

Сбытовая деятельность представляет собой совокупность организационно-экономических процессов, направленных на доведение продукции от производителя до конечного

потребителя. Эффективность функционирования системы сбыта оказывает непосредственное влияние на финансово-экономические показатели предприятия, уровень удовлетворенности потребителей и устойчивость развития организации. В связи с этим важнейшей задачей управления предприятием становится формирование системы показателей, позволяющей объективно оценивать результаты сбытовой деятельности и определять направления ее совершенствования.

В современных условиях особое распространение получила система ключевых показателей эффективности (KPI), представляющая собой совокупность количественных и качественных индикаторов, характеризующих степень достижения стратегических и оперативных целей организации. Применение KPI в

управлении сбытовой деятельностью позволяет обеспечить комплексную оценку результатов продаж, повысить прозрачность системы управления и усилить контроль за коммерческими процессами предприятия.

К основным показателям оценки эффективности сбытовой деятельности относятся объем реализации продукции, темпы роста продаж, уровень рентабельности продаж, коэффициент выполнения плана реализации, средний объем продаж на одного клиента, доля рынка, уровень удержания потребителей и величина дебиторской задолженности. Анализ указанных показателей позволяет выявлять факторы, оказывающие влияние на результативность системы сбыта, а также своевременно принимать управленческие решения, направленные на повышение эффективности коммерческой деятельности организации.

Одним из ключевых направлений повышения эффективности сбытовой деятельности является внедрение современных информационных технологий и автоматизированных систем управления продажами. Использование CRM-систем способствует оптимизации процессов взаимодействия с клиентами, повышению качества обслуживания потребителей, автоматизации анализа результатов продаж и снижению издержек, связанных с реализацией продукции. Кроме того, цифровизация сбытовых процессов обеспечивает повышение оперативности принятия управленческих решений и способствует формированию эффективной системы контроля коммерческой деятельности предприятия.

Существенное значение в повышении эффективности сбытовой деятельности имеет совершенствование системы мотивации персонала. Использование ключевых показателей эффективности в системе стимулирования сотрудников позволяет повысить заинтересованность работников в достижении установленных целей, увеличить производительность труда и обеспечить рост объемов реализации продукции. Эффективная система мотивации способствует повышению качества работы отдела продаж и формированию устойчивых конкурентных преимуществ организации.

Не менее важным фактором повышения эффективности системы сбыта является проведение регулярного анализа рыночной среды и

потребительского спроса. Исследование поведения потребителей, оценка конкурентной ситуации и использование современных маркетинговых инструментов позволяют предприятиям своевременно адаптироваться к изменениям внешней среды, совершенствовать ассортимент продукции и повышать уровень удовлетворенности клиентов.

Повышение эффективности сбытовой деятельности организации на основе системы показателей является необходимым условием обеспечения устойчивого развития предприятия в современных экономических условиях. Использование системы KPI позволяет осуществлять комплексную оценку результатов коммерческой деятельности, своевременно выявлять проблемные аспекты функционирования системы сбыта и принимать обоснованные управленческие решения. Внедрение современных методов управления продажами и совершенствование системы оценки эффективности способствуют повышению конкурентоспособности организации, росту объемов реализации продукции и улучшению финансово-экономических результатов деятельности предприятия.

Литература

1. Абрамов С.Н. Управление сбытовой деятельностью предприятия в современных условиях / С.Н. Абрамов // Экономика и предпринимательство. – 2023. – № 5 (154). – С. 222.
2. Алексеев П.Н. Совершенствование системы оценки эффективности сбыта предприятия / П.Н. Алексеев // Менеджмент в России и за рубежом. – 2022. – № 4. – С. 56.
3. Андреева Н.В. Методы оценки экономической эффективности коммерческой деятельности предприятия / Н.В. Андреева // Управленческие науки. – 2022. – Т. 13, № 3. – С. 97.
4. Багиев Г.Л. Маркетинг: учебник для вузов / Г.Л. Багиев, В.М. Тарасевич. – Москва: Юрайт, 2023. – 654 с.
5. Балабанов И.Т. Основы финансового менеджмента: учебное пособие / И.Т. Балабанов. – Москва: Финансы и статистика, 2022. – 528 с.
6. Басовский Л.Е. Экономический анализ: учебное пособие / Л.Е. Басовский. – Москва: ИНФРА-М, 2023. – 375 с.

KARPENKO Kseniya Sergeevna

Student, Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov,
Republic of Crimea, Simferopol

STEFANENKO Margarita Nikolaevna

Doctor of Economics, Professor,
Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov,
Republic of Crimea, Simferopol

IMPROVING THE EFFICIENCY OF AN ORGANIZATION'S SALES ACTIVITIES BASED ON A SYSTEM OF INDICATORS

Abstract. *The relevance of the research is determined by the need to increase the efficiency of sales activities of organizations in the context of increased competition, digitalization of the economy and constant changes in the market environment. The effective organization of the sales system is one of the key factors for ensuring the sustainable development of the enterprise, increasing the volume of sales and increasing its competitiveness. In modern conditions, the use of a system of indicators for evaluating the effectiveness of sales activities is of particular importance, which allows for a comprehensive analysis of sales results, monitoring the achievement of strategic and operational goals, and timely identifying factors that negatively affect the commercial activities of the organization. The use of key performance indicators contributes to improving the management of sales processes, increasing the effectiveness of the company's activities and making informed management decisions.*

Keywords: *sales activity, sales efficiency, system of indicators, KPI, sales management, commercial activity, efficiency assessment, performance indicators, enterprise, sales.*

КОЖЕВНИКОВА Елена Витальевна

магистрантка, Московский финансово-юридический университет МФЮА, Россия, г. Москва

ПРАВОВЫЕ РИСКИ В ПРОЦЕССАХ КРОСС-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена правовым рискам, возникающим на стыках функциональных зон в процессах кросс-функционального взаимодействия организации. Предложена типология правовых рисков, систематизированы механизмы и предложены рекомендации по их минимизации.

Ключевые слова: правовые риски, кросс-функциональное взаимодействие, распределённая ответственность, процессный подход, комплаенс, межфункциональная координация, юридические контрольные точки, размытие ответственности.

1. Введение

В современных организациях кросс-функциональное взаимодействие давно перестало быть редкостью и превратилось в обычную практику, особенно когда речь заходит о сложных проектах, цифровизации или совместной работе подразделений разной функции и компетенций. Однако именно на стыке разных функций чаще всего возникают ситуации, в которых правовые последствия оказываются непредсказуемыми: от утечки конфиденциальной информации при обмене данными между IT, маркетинговым и юридическим отделом до нечеткого распределения ответственности в рамках проектных офисов. Регуляторная среда при этом остается фрагментированной, и компании вынуждены самостоятельно выстраивать внутренние механизмы, способные закрыть пробелы между формальными нормами и реальными процессами.

Цель работы в системном рассмотрении основных категорий правовых рисков, формирующихся в условиях межфункционального сотрудничества, анализе действующей нормативной базы и выявлении наиболее типичных сценариев их реализации. Отдельное внимание уделяется разработке практических инструментов минимизации, включая внутренний контроль, корпоративные политики и процедуры разрешения конфликтов интересов между службами. В качестве иллюстрации эффективности предложенных подходов рассматривается кейс, позволяющий оценить, насколько предложенные меры снижают вероятность правовых нарушений в реальных условиях.

Постановка задачи обусловлена тем, что традиционные методы управления рисками,

ориентированные на отдельные функции, часто не учитывают специфику горизонтальных связей внутри организации, в результате чего возрастает роль процессного подхода, при котором риски идентифицируются не по факту нарушения, а на этапе проектирования взаимодействия между подразделениями. Анализ показывает, что именно на этом уровне удается предотвратить большинство конфликтов, связанных с размытием полномочий, несогласованностью стандартов и недостаточной защитой информации.

2. Теоретический аспект

2.1. Понятие и классификация правовых рисков

Правовые риски в кросс-функциональном взаимодействии возникают как вероятность негативных последствий, связанных с нарушением норм права, договорных условий или внутренних регламентов при совместной работе подразделений разных профилей. В отличие от традиционных отраслевых рисков, здесь акцент смещается на конфликты, порождаемые несовпадением целей, процедур и ответственности между, например, юридическим отделом, IT-службой, финансами, маркетингом и иными подразделениями. Такие риски проявляются при обмене данными, распределении полномочий или реализации совместных проектов, где отсутствие единого правового поля и распределенного контроля повышает шанс на нарушение регламентов и возникновение уязвимостей.

Классификация правовых рисков в этом контексте строится по нескольким основаниям. По источнику выделяют риски внешние (регуляторные), связанные с изменением законодательства или требованиями надзорных

органов, и внутренние, вытекающие из неопределенных соглашений между подразделениями организации. Также в отдельную группу можно вынести организационные риски, возникающие при разрешении споров между подразделениями, когда отсутствует четкий механизм эскалации или распределения ответственности за итоговые решения.

Практика показывает, что наиболее частыми становятся риски, связанные с утечкой конфиденциальной информации при межфункциональном взаимодействии или в связи с несогласованностью действий при внедрении цифровых инструментов. Например, при совместной работе маркетинга и юридической службы по продвижению товаров и услуг на рынке может возникнуть нарушение норм законодательства о рекламе или обработке персональных данных пользователей при сборе пользовательских метрик.

Аналогично, взаимодействие комплаенс-функции, юристов и службы безопасности нередко порождает пересечение полномочий, ведущее к избыточному контролю или, напротив, пробелам в мониторинге. Подобные ситуации усугубляются в условиях цифровизации, когда автоматизированные системы учета не всегда учитывают правовые нюансы передачи информации между отделами. Так, согласно данным исследования [3], 49% сотрудников хранят рабочую информацию на личных устройствах, а 42% делятся ею с близкими.

Поэтому дополнительно стоит учитывать человеческий фактор: ошибки в интерпретации норм или пренебрежение регламентами сотрудниками разных направлений часто приводят к накоплению скрытых рисков, особенно при отсутствии единой политики и системы контроля, согласованного специалистами ответственного подразделения.

Классификация по степени влияния позволяет разделить риски на критические, требующие немедленного правового вмешательства, и умеренные, поддающиеся внутреннему урегулированию через стандарты и процедуры.

2.2. Механизмы и принципы кросс-функционального взаимодействия

В основе кросс-функционального взаимодействия лежат принципы распределенной ответственности и синхронизации целей между подразделениями, которые формально не подчиняются друг другу по вертикали. Такие принципы реализуются через внутренние регламенты, где фиксируются зоны компетенций и

порядок передачи информации, что снижает вероятность правовых коллизий при совместной работе над проектами. Механизмы координации часто опираются на процессный подход, при котором каждая стадия совместной деятельности описывается с точки зрения юридических последствий. Это включает использование цифровых платформ с разграниченным доступом, где автоматически фиксируются все согласования и изменения в документах, а также внедрение процедур эскалации при выявлении потенциальных нарушений. Подобные инструменты особенно актуальны при управлении интеллектуальным взаимодействием, когда разные отделы делятся данными, содержащими конфиденциальную информацию или объекты интеллектуальной собственности.

Принцип полицентричности [7, с. 71-80] в данном контексте означает, что решения принимаются не единственным центром, а через согласование нескольких функциональных точек зрения. В российских компаниях, внедряющих комплаенс-контроль в условиях цифровизации, такие механизмы помогают отслеживать отклонения от установленных норм уже на ранних этапах, предотвращая накопление рисков, связанных с некорректной интерпретацией законодательства разными службами.

На практике это проявляется в регулярных кросс-проверках документации, где юридический отдел, службы безопасности, специалисты по управлению рисками и методисты по бухгалтерскому и налоговому учету участвуют не только на финальной стадии согласования регламентов, а интегрируются в рабочие группы с самого начала. Такой подход позволяет учитывать специфику отраслевых требований и внутренних политик одновременно, снижая вероятность споров по итогам совместной деятельности.

Правовое регулирование задаёт рамки для координации между подразделениями, снижая неопределённость в распределении ответственности и предотвращая споры о результате, особенно когда ряд подразделений работает над одним проектом. На практике это выражается в требованиях к разграничению доступа, документированию операций и комплаенс-контролю, обязывая каждое звено фиксировать действия в единой системе, что облегчает аудит и снижает конфликт интересов. Кроме того, правовые механизмы учитывают человеческий фактор, закрепляя зоны

ответственности за ошибки персонала, предотвращая дублирование функций и неконтролируемое перераспределение рисков в полицентричных структурах, что в итоге создаёт условия для предсказуемого взаимодействия и снижает вероятность внешних правовых претензий.

3. Идентификация и оценка правовых рисков в кросс-функциональном взаимодействии

3.1. Методы выявления

Выявление правовых рисков в кросс-функциональном взаимодействии достигается через аудит бизнес-операций для отслеживания точек передачи информации между подразделениями, а также через структурированные интервью с представителями разных функций, фиксирующие риски, неочевидные при формальном анализе документов (включая человеческий фактор). Дополнительно применяется анализ внутренней документации (политики обработки данных, соглашений о конфиденциальности, регламенты взаимодействия служб по разным направлениям деятельности компании) и цифровые инструменты мониторинга, такие как системы комплаенс-контроля, а также привлечение служб безопасности и внутреннего аудита для разграничения зон ответственности с целью исключить дублирование проверок, что обеспечивает точное выявление рисков без избыточной формализации.

3.2. Критерии оценки и классификации рисков

Критерии оценки правовых рисков в кросс-функциональной среде включают три основных параметра:

1. Вероятность реализации риска, оцениваемая через анализ частоты инцидентов в отрасли и уровня зрелости процедур согласования.
2. Масштаб последствий от прямых финансовых потерь до срыва совместных проектов и репутационных издержек.
3. Степень влияния риска на сами кросс-функциональные процессы: угрозы, способные парализовать обмен информацией получают более высокий приоритет, чем локальные риски, затрагивающие только одну функцию.

Дополнительным критерием выступает соответствие законодательству и внутренним регламентам, включая анализ пробелов в правовом регулировании.

Классификация рисков проводится одновременно по нескольким основаниям: по

источнику возникновения (нечеткость регламентов, расхождение в толковании норм, человеческий фактор), по характеру последствий (финансово-правовые, регуляторные, репутационные) и по уровню контролируемости (управляемые внутри компании или зависящие от внешних факторов).

Такой многомерный подход позволяет ранжировать риски с учётом специфики кросс-функционального взаимодействия, где одна и та же угроза может по-разному проявляться в зависимости от того, какие подразделения вовлечены в процесс.

4. Механизмы управления и минимизации правовых рисков в кросс-функциональных процессах

Для успешной минимизации правовых рисков при кросс-функциональном взаимодействии организациям следует учесть в своей организации следующий ряд ключевых механизмов управления и контроля:

1. Правовое сопровождение и внутренний контроль. Механизм включает в себя мониторинг информационных обменов и процедур принятия решений между подразделениями, а также участие юристов в проектных группах на ранних стадиях. Рекомендуется осуществлять внутренний контроль неформальных каналов коммуникации.
2. Разграничение полномочий контрольных функций. Механизм подразумевает построение системы без дублирования функций: комплаенс сфокусирован на соблюдении внешних норм, служба безопасности отвечает за защиту активов, внутренний аудит за оценку эффективности контрольных процедур.
3. Цифровизация и защита данных. Встраивание механизмов распределенного доступа и ограниченных прав, отслеживание логов доступа сотрудников.
4. Корпоративные стандарты и политика управления рисками. Включает в себя фиксацию порядка согласования, передачи данных и распределения ответственности, интеграцию требований законодательства в повседневную деятельность, создание матриц ответственности и чек-листов для рабочих групп, регулярный аудит взаимодействия подразделений.
5. Регламентация процессов. Подразумевает актуализацию основных положений о конфиденциальности, защите интеллектуальной собственности, а также регламентация механизмов эскалации принятия решений.

6. Цифровая фиксация договоренностей. Реализация включает в себя применение таких инструментов, как использование систем внутреннего документооборота, фиксирующих процесс согласования и итоговое решение, восстановление последовательности согласования при возникновении спорных ситуаций.

5. Заключение

Проведенное исследование показало, что правовые риски в кросс-функциональном взаимодействии чаще всего возникают из-за нечеткого распределения ответственности между подразделениями, расхождений в трактовке нормативных требований и недостаточной координации при обмене данными.

Системный подход к управлению правовыми рисками в многофункциональных процессах становится необходимым условием для стабильной работы в условиях цифровизации, где социальные сети и информационные системы учета выступают как источники не только доказательств, но и потенциальных уязвимостей в виде утечки чувствительных данных или разглашении конфиденциальной информации. Разработанные рекомендации подчеркивают важность адаптации политик под специфику конкретных отраслей, что позволяет организациям не только реагировать на уже возникшие проблемы, но и предупреждать их на ранних этапах.

Литература

1. Хачиров Т.В., Боташева Л.Х. Управление коррупционными рисками в организации // Вестник евразийской науки. 2023. № 6S. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-korrupsionnymi-riskami-v-organizatsii> (дата обращения: 14.04.2026).
2. Сунаева Г.Г., Петрова К.А. Внедрение комплаенс-контроля в условиях цифровизации экономики // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2022. № 2 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnedrenie-komplaens-kontrolya-v-usloviyah-tsifrovizatsii-ekonomiki> (дата обращения: 14.04.2026).
3. Как избежать утечек данных: правила для сотрудников // HR-director.ru: сайт. – Москва, 2026. – 19 мая. – Режим доступа: <https://www.hr-director.ru/article/68775-kak-izbejat-utechek-dannyh-pravila-dlya-sotrudnikov> (дата обращения: 19.05.2026).
4. Плучевская Э.В., Санду Г.С. Процессный подход и мероприятия по устранению проблем его внедрения на российских предприятиях // Векторы благополучия: экономика и социум. 2012. № 3 (4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsessnyy-podhod-i-meropriyatiya-po-ustraneniyu-problem-ego-vnedreniya-na-rossiyskikh-predpriyatiyah-1> (дата обращения: 14.04.2026).
5. Федоров Д.С., Тарасова Т.М. Человеческий фактор в информационных системах учета: классификация зон риска. Вестник Самарского государственного экономического университета. 2025;1(10):102-111.
6. Фомин Г.П. Управление процессами интеллектуального взаимодействия в секторе рисков / Г.П. Фомин, Г.И. Горемыкина, Д.А. Максимов // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2024. – Т. 16, № 12(153). – С. 342-347. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2024.12.16.040. – EDN YYBDSZ.
7. Диннер И.В. Полицентричность как организационный принцип: концептуализация, эмпирические основания и управленческие вызовы / И.В. Диннер // Инновационная экономика и общество. – 2026. – № 1(51). – С. 71-80. – EDN RULIVE.
8. Тан. Правовые риски в современном бизнесе: анализ и стратегии минимизации / Тан. // DOI: сайт. Обновляется ежедневно. URL: <https://doi.org/10.25726/k6647-1086-3944-b> (дата обращения: 16.04.2026).
9. Гордеева Е.И. Кросс-функциональные бизнес-процессы как новый объект исследования // Учет. Анализ. Аудит. 2022. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kross-funktsionalnye-biznes-protsessy-kak-novyy-obekt-issledovaniya> (дата обращения: 16.04.2026).

KOZHEVNIKOVA Elena Vitalevna

Master's Student, Moscow University of Finance and Law MFUA, Russia, Moscow

LEGAL RISKS IN CROSS-FUNCTIONAL INTERACTION PROCESSES OF AN ORGANIZATION

Abstract. *The article examines legal risks arising at the interfaces of functional areas in the processes of cross-functional interaction within an organization. A typology of legal risks is proposed, mechanisms are systematized, and recommendations for their minimization are suggested.*

Keywords: *legal risks, cross-functional interaction, distributed responsibility, process approach, compliance, cross-functional coordination, legal checkpoints, blurred responsibility.*

КОЛЕСНИКОВ Владимир Анатольевич

старший преподаватель,

Луганский государственный университет имени Владимира Даля, Россия, г. Луганск

БУТКОВ Артур Игоревич

студент,

Луганский государственный университет имени Владимира Даля, Россия, г. Луганск

ДОЛГОПОЛОВ Алексей Александрович

студент,

Луганский государственный университет имени Владимира Даля, Россия, г. Луганск

**НЕМАТЕРИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ В ИНВЕСТИЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ:
КАК ИМИДЖ ПРЕДПРИЯТИЯ ВЛИЯЕТ НА РЕШЕНИЯ ИНВЕСТОРОВ**

Аннотация. В статье речь идёт о том, почему имидж предприятия – это не просто «картинка», а реальный актив, влияющий на безопасность инвестиций. Авторы разбирают разные факторы, которые формируют этот образ, и показывают, что без учёта имиджевых характеристик любая оценка инвестиционной привлекательности будет неполной. Приведены примеры из практики.

Ключевые слова: имидж предприятия, инвестиционная безопасность, нематериальные активы, факторное пространство, инвестиционный риск.

Основная часть

Многие думают, что инвесторы смотрят только на цифры: выручка, долговая нагрузка, рентабельность. Но практика показывает обратное. Часто решение о вложении денег принимается на основе того, как компания выглядит в глазах рынка – насколько ей доверяют, какой у неё стиль общения с клиентами, как быстро она отвечает на кризисы. Даже блестящие финансовые показатели могут не спасти ситуацию, если репутация подорвана. Всё это и есть имиджевые характеристики, только в инвестиционной плоскости они работают как фильтр рисков [2, с. 61-68; 4, с. 244-254]. По сути, имидж становится нематериальным активом, который либо снижает стоимость

заимствований, либо, наоборот, заставляет инвесторов требовать дополнительную премию.

Попробуем разобраться, из каких частей складывается этот «имиджевый капитал». Если взять за основу методологию, похожую на ту, что используют в региональных рейтингах (например, RAEX), то для отдельного предприятия можно выделить несколько ключевых групп факторов. Важно понимать, что эти группы неравнозначны: какие-то напрямую связаны с обязательной отчётностью, другие – с неформальными практиками. Сведём их в таблицу (табл.) – она получилась не идеально строгой, но отражает главное. Для наглядности мы добавили ещё один важный фактор, который в последнее время всё чаще запрашивают институциональные инвесторы.

Таблица

Примерные группы имиджевых факторов, важных для инвесторов

Что влияет на имидж	Конкретные вещи	Как это сказывается на инвестициях
Финансовая открытость	Годовая отчётность по МСФО, аудиторское заключение без оговорок	Снижает подозрения в «серых» схемах
Технологический уровень	Наличие патентов, обновление оборудования, отзывы на профильных форумах	Показывает, что бизнес не отстанет через год
Управление и кадры	Текущность топ-менеджеров, обучение персонала, медийность директора	Инвесторы смотрят на команду всерьёз

Что влияет на имидж	Конкретные вещи	Как это сказывается на инвестициях
Работа с обществом	Социальные программы, отношения с местными властями, публикации в СМИ	Влияет на репутационный риск, особенно в регионах
Экология	Сбросы, утилизация отходов, «зелёные» отчёты	Становится обязательным для крупных фондов
Корпоративная культура и этика	Кодекс поведения, система обратной связи от сотрудников, отсутствие внутренних конфликтов	Позволяет избежать внезапных кадровых коллапсов и саботажа

Самое интересное, что многие факторы вообще не отражаются в балансе, но именно они часто становятся причиной отказа в финансировании. Был случай, когда предприятие с отличной рентабельностью не получило кредит только потому, что в открытых источниках было полно негатива о конфликте акционеров. Аудиторы назвали это «высоким репутационным риском», хотя формально всё было чисто. Другой пример: производитель с хорошей отчётностью не смог привлечь портфельного инвестора из-за того, что в новостях мелькали судебные иски от бывших сотрудников – причём незначительные, но создающие фон постоянной нервозности.

Если попробовать построить профиль имиджевого риска для типичного среднего промышленного предприятия (скажем, условный завод в ЛНР), то картина получится неоднородная. Чаще всего хуже всего обстоят дела с «коммуникационным» и «социальным» факторами – предприятие работает себе и работает, а рассказывать о себе не умеет, и с местным сообществом отношения формальные. При этом никто не отслеживает тональность упоминаний в соцсетях и не отвечает на критику. Инвестор, глядя на это, начинает сомневаться: а что произойдёт при первом же конфликте с жителями или при проверке? А кто там вообще решения принимает, если публичных заявлений нет? В итоге – либо отказ, либо требование повышенной премии за риск, что делает проект неконкурентоспособным по сравнению с более открытыми аналогами.

Надо сказать, что в последнее время отдельные компании начали этим осознанно заниматься. Например, некоторые внедряют практику публичных годовых отчётов не только по МСФО, но и в стиле «что мы сделали для города». Другие – заводят телеграм-каналы, где отвечают на острые вопросы, и нанимают модераторов, чтобы диалог не уходил в токсичность. Третьи – заказывают независимые

аудиты деловой репутации, чтобы выявить слабые места до того, как их найдёт инвестор. И это работает: по данным опросов, даже небольшое увеличение информационной прозрачности даёт прирост интереса со стороны «умных» денег. В среднем, компании, системно работающие с имиджевыми рисками, получают ставку по займам на 1,5–2 процентных пункта ниже, чем закрытые аналоги.

Выводы

Во-первых, имиджевые характеристики – это не дополнение к экономике, а её часть, особенно когда речь идёт об экономической безопасности. Без них цифры на балансе становятся ненадёжным ориентиром. Во-вторых, факторное пространство имиджа не сводится к рекламе; это комплекс из финансовых, управленческих, социальных и даже экологических сигналов. В-третьих, если предприятие хочет привлекать инвестиции не на граблях, а всерьёз, ему нужно регулярно оценивать свой имиджевый профиль – примерно так же, как считают свои долги или запасы на складе. И лучше это делать до того, как инвестор запросит информацию, а не в тот момент, когда уже поздно что-то менять. В-четвёртых, для небольших и средних компаний (особенно из регионов) самым доступным и эффективным инструментом часто становится не дорогой PR, а просто систематическое и честное информирование о своих действиях – именно это постепенно превращается в реальный имиджевый капитал.

Литература

1. Вержук А.В. Имиджевая политика предприятия: особенности в разных сферах деятельности / А.В. Вержук // Устойчивое развитие социально-экономической системы Российской Федерации: Сборник трудов XXVI международной научно-практической конференции, Симферополь, 13 ноября 2025 года. – Симферополь: Общество с ограниченной

ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2025. – С. 224-227.

2. Колесников В.А. Имидж персонала промышленных предприятий в современных динамических условиях / В.А. Колесников, К.Э. Винокуров // Оригинальные исследования. – 2021. – Т. 11, № 12. – С. 61-68.

3. Пяткова Н.П. Стратегия пространственного развития и ее влияние на экономику регионов Российской Федерации / Н.П. Пяткова // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. – 2025. – № 1(57). – С. 44-51.

4. Родионов А.В. Роль имиджа в обеспечении экономической безопасности

промышленных предприятий в современных динамических условиях / А.В. Родионов, О.Ю. Родионова, В.А. Колесников // Заметки ученого. – 2022. – № 2. – С. 244-254.

5. Шпарчук И.С. Формирование стратегии устойчивого развития АПК региона / И.С. Шпарчук // Роль аграрной науки в устойчивом развитии сельских территорий: Сборник X Всероссийской (национальной) научной конференции с международным участием, посвященный 90-летию Новосибирского ГАУ, Новосибирск, 04-05 декабря 2025 года. – Новосибирск: ИЦ НГАУ «Золотой колос», 2025. – С. 1738-1741.

KOLESNIKOV Vladimir Anatolyevich

Senior Lecturer, Lugansk State University named after Vladimir Dahl, Russia, Lugansk

BUTKOV Artur Igorevich

Student, Lugansk State University named after Vladimir Dahl, Russia, Lugansk

DOLGOPOLOV Alexey Alexandrovich

Student, Lugansk State University named after Vladimir Dahl, Russia, Lugansk

INTANGIBLE FACTORS IN INVESTMENT SECURITY: HOW THE COMPANY'S IMAGE INFLUENCES INVESTORS' DECISIONS

Abstract. *The article discusses why the company's image is not just a "picture", but a real asset that affects the safety of investments. The authors analyze the various factors that shape this image and show that without taking into account image characteristics, any assessment of investment attractiveness will be incomplete. Examples from practice are given.*

Keywords: *company image, investment security, intangible assets, factor space, investment risk.*

МУШКЕЕВ Илья Игоревич

студент, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,
Россия, г. Симферополь

*Научный руководитель – доцент кафедры менеджмента и государственного управления
Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова,
кандидат экономических наук Клименко Оксана Петровна*

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОЦЕССОВ ТОВАРОДВИЖЕНИЯ НА ПРЕДПРИЯТИИ

Аннотация. В статье разбираются нюансы построения товародвижения на предприятии. Показано, как выбор каналов распределения, правовые ограничения и внутренние логистические блоки влияют на конечную эффективность. Особое внимание уделено возвратным потокам и балансу между экономией и страховыми запасами.

Ключевые слова: товародвижение, логистика, каналы распределения, управление запасами, возвратная логистика, транспортные издержки.

Введение

Товародвижение – это не просто перемещение коробок из цеха на склад, а со стороны напоминает сложный процесс с множеством участников. Готовая продукция должна прийти до покупателя в нужный срок, в целости и без лишних трат. На уровне отдельной компании главная задача звучит просто: сделать так, чтобы всё двигалось без остановок, ритмично и не разоряло бизнес. Но простота эта обманчива, и за ней скрывается необходимость детально прорабатывать каждую логистическую связь.

Цель исследования

Выявить ключевые особенности организации товародвижения, включая выбор каналов сбыта, влияние внешних и внутренних факторов, а также показать, как эти особенности влияют на итоговую эффективность предприятия.

Результаты исследования

Первый и самый важный вопрос, который приходится решать: продавать напрямую или через посредников. Прямые каналы дают контроль и более высокую маржу, зато многоуровневые схемы с дистрибьюторами и ретейлерами позволяют охватить большую аудиторию без собственного разветвлённого штата. Выбор конкретной модели всегда упирается в

свойства товара – скоропортящийся он или нет, каковы минимальные партии, есть ли законодательные ограничения. Например, Федеральный закон от 28.12.2009 № 381-ФЗ жёстко регулирует отношения продавцов и поставщиков продовольствия [1]. А недавние поправки (законы № 301-ФЗ и № 343-ФЗ) ещё и сократили предельные сроки оплаты, запретив навязывать лишние услуги. Нормативка, прямо скажем, серьёзно меняет правила игры.

Внутри предприятия процесс товародвижения распадается на несколько крупных блоков: закупки, склад, транспорт, управление запасами и непосредственно сбыт.

Каждый блок живёт своей жизнью, но все они подчиняются общей стратегии. В закупках главное – найти надёжных поставщиков и не переплачивать на транзакциях [5]. Склад – это уже другая история. Требуется внятная адресная система, чёткое правило ротации (FIFO или FEFO) и постоянный контроль. Именно здесь, на стыке приёмки и укладки, чаще всего возникают пробки, которые потом аукаются всей цепочке.

Для простоты восприятия можно изобразить базовую последовательность операций (рис.).

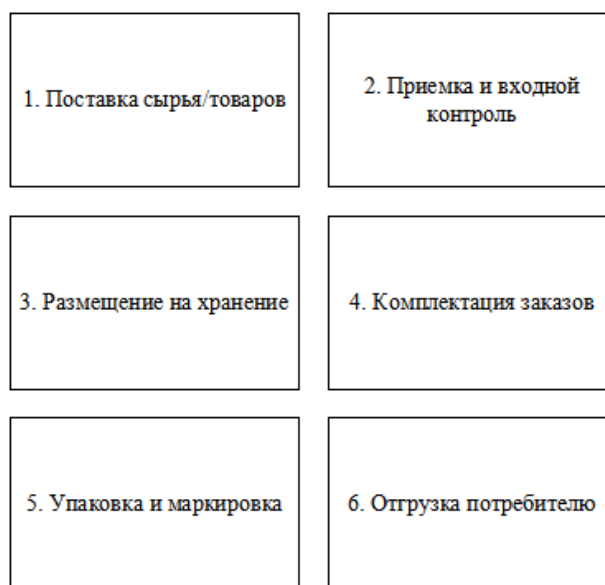

Рис. Базовая последовательность операций в процессе товародвижения на предприятии (разработано автором на основе [2])

Схема, конечно, учебная, сильно упрощённая. Реальность всегда сложнее. Каждый из показанных этапов распадается на десятки субопераций, многие из которых идут параллельно. Приёмка, например, включает сверку бумаг, проверку количества, контроль качества и забивку расхождений в систему. Размещение на хранение требует выбора конкретной ячейки с учётом оборачиваемости товара. И здесь важно подчеркнуть: нарисованная прямая линия совершенно не отражает циклического характера логистики. В жизни постоянно возникают обратные потоки – возврат брака, тары, залежавшихся товаров. Возвратная логистика превращается в отдельную головную боль, особенно в торговых сетях, где доля возвратов достигает 8–12%. Нет регламента – будут двойные операции, лишние складские затраты и скандалы с поставщиками.

Особняком стоит транспортная составляющая. Грамотно построенные маршруты и правильно выбранный вид перевозки способны урезать издержки на 15–20% [5].

Перевозки – самая жирная статья в логистических расходах. Многие компании сегодня молятся на концепцию «точно в срок» (Just-in-Time), которая позволяет держать минимум запасов. Чем меньше запасов, тем ниже затраты на хранение, но выше риск встать из-за сбоя поставки. Идеального баланса не существует, каждое предприятие ищет свой.

Нельзя забывать и о правовом фоне. Постановление Правительства № 2464, которое регулирует дистанционную торговлю, предъявляет особые требования к упаковке,

информированию покупателя и процедуре возврата. Нарушишь – получишь штраф и репутационные потери.

В итоге набор технологических, экономических и юридических ограничений формирует уникальную конфигурацию товародвижения для каждой компании. Гибкость становится не просто красивым словом, а критическим преимуществом. Внешние факторы обладают макропринудительной силой. Курс рубля резко упал – импортные комплектующие стали недоступны, приходится срочно переключаться на локальных поставщиков и перекраивать маршруты. Ввели продовольственное эмбарго – устоявшиеся каналы разрываются, надо выстраивать новые цепочки через третьи страны. Внутренние факторы, напротив, поддаются контролю. Можно расширить склад, нанять крутых логистов, купить ERP-систему. Но любое улучшение требует времени: склад строят полгода, а персонал переучивается от трёх месяцев до года. Поэтому в текущем моменте компании часто приходится подстраиваться под то, что уже есть, а не под идеальный образ [4].

Глядя на связь «факторы – модель», полезно различать две типовые ситуации. На стабильном рынке и при умеренной конкуренции компании чаще выбирают многоуровневое распределение.

Дилеры сами хранят товар и кредитуют розницу, снимая эту ношу с производителя. А вот в условиях высокой волатильности спроса или агрессивного давления выигрывают короткие

прямые каналы – они позволяют реагировать мгновенно.

Гибридные схемы (скажем, продажа через маркетплейс плюс собственный интернет-магазин плюс офлайн-точка) требуют отдельного управления запасами под каждый канал. Это рождает проблему избыточного страхового резерва, потому что каналы плохо синхронизированы. Однако опыт локдаунов показал: гибридные модели оказались самыми живучими – офлайн-магазины работали как пункты выдачи онлайн-заказов. Значит, выбор модели – это не разовое действие, а непрерывная балансировка.

Внешние и внутренние факторы не существуют по отдельности. Они переплетаются и усиливают друг друга. Низкая квалификация персонала (внутренняя проблема) делает компанию более уязвимой к изменениям налогового законодательства (внешний фактор) – люди медленно перестраивают учёт и делают ошибки в расчётах [3].

Сильная IT-инфраструктура, наоборот, позволяет автоматически подстраивать параметры заказов при скачках пошлин. Поэтому, когда ищешь корень проблем в товародвижении, нельзя рассматривать факторы поодиночке.

Выводы

Организация товародвижения не застывшая картинка. Это живой, меняющийся процесс,

который требует постоянного аудита и реинжиниринга. Учитывая масштаб компании, её ассортимент, расположение и правовые рамки, можно выстроить ту единственную траекторию, при которой издержки минимальны, а качество обслуживания высоко. Эффективно настроенное товародвижение перестаёт быть просто статьёй расходов – оно превращается в стратегический ресурс, помогающий бизнесу расти и обходить конкурентов.

Литература

1. Федеральный закон от 28.12.2009 № 381-ФЗ (ред. от 13.06.2023) «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 1. – Ст. 2.
2. Волгин В.В. Склад: логистика, управление, анализ / В.В. Волгин. – Москва: Дашков и К, 2023. – 736 с. – ISBN 978-5-394-05204-6.
3. Дыбская В.В. Логистика складирования: учебник / В.В. Дыбская. – Москва: ИНФРА-М, 2024. – 559 с. – ISBN 978-5-16-017243-1.
4. Неруш Ю.М. Транспортная логистика: учебник для вузов / Ю.М. Неруш, С.А. Панов. – Москва: Юрайт, 2025. – 351 с. – ISBN 978-5-534-04726-4.
5. Сергеев В.И. Управление цепями поставок: учебник для бакалавров и магистров / В.И. Сергеев. – Москва: Юрайт, 2024. – 479 с. – ISBN 978-5-9916-3525-7.

MUSHKEEV Ilya Igorevich

Student, Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov,
Russia, Simferopol

*Scientific Advisor – Associate Professor of the Department of Management and Public Administration
of the Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov,
Candidate of Economic Sciences Klimenko Oksana Petrovna*

FEATURES OF THE ORGANIZATION OF COMMODITY MOVEMENT PROCESSES AT THE ENTERPRISE

Abstract. The article examines the nuances of building a commodity movement in an enterprise. It shows how the choice of distribution channels, legal constraints and internal logistical blocks affect the final efficiency. Special attention is paid to return flows and the balance between economy and insurance stocks.

Keywords: commodity movement, logistics, distribution channels, inventory management, return logistics, transportation costs.

НАЗЫРБАЕВ Ильнар Ильдарович

магистрант,

Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова,
Россия, г. Магнитогорск

*Научный руководитель – доцент кафедры бухгалтерского учета и экономического анализа
Магнитогорского государственного технического университета имени Г. И. Носова
Кононов Владимир Николаевич*

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ВНЕДРЕНИЯ RPA В УЧЁТНЫХ ПРОЦЕССАХ ГОРНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ХОЛДИНГА

Аннотация. Статья посвящена оценке экономической эффективности программной роботизации (RPA) учётных процессов горно-металлургического холдинга. Сопоставлена трудоёмкость типовых операций до и после внедрения роботов; рассчитан прямой эффект и косвенные выгоды; оценён срок окупаемости проекта. Сделан вывод о том, что при разумном отборе процессов роботизация окупается в пределах года и повышает точность консолидированной отчётности.

Ключевые слова: программная роботизация, RPA, бухгалтерский учёт, экономическая эффективность, цифровизация учётного процесса, горно-металлургический холдинг, автоматизация.

Цифровая экономика заметно изменила требования к бухгалтерскому учёту крупного бизнеса. Объём обрабатываемой первичной документации растёт, а сроки закрытия отчётных периодов сокращаются. Холдинги вынуждены искать инструменты, которые позволяют ускорить рутинные учётные операции без наращивания штата. Программная роботизация (RPA) стала одним из таких инструментов: она тиражируется быстро и не требует переделки учётных систем [3, 6].

Учётная работа холдинга остаётся трудоёмкой [4]. Бухгалтер ежедневно сверяет реестры, переносит реквизиты между системами и формирует типовые проводки по строгим правилам. Подобные операции повторяемы и слабо зависят от суждения специалиста, поэтому их логично передать программному роботу. В. В. Башкатов с соавторами связывает оптимизацию учётного процесса именно с роботизацией рутины и подключением алгоритмов искусственного интеллекта [3]. М.Ф. Меняев рассматривает такую автоматизацию как закономерный этап цифровой зрелости предприятия [11].

Для горно-металлургического холдинга задача стоит острее, чем для среднего бизнеса. Производственные площадки разнесены территориально, а единый учётный центр обрабатывает потоки документов десятков

юридических лиц. Опыт компаний добывающего сектора, в том числе АЛРОСА, показывает, что программные роботы высвобождают сотни человеко-часов и снижают число технических ошибок [6]. Вопрос о том, окупаются ли подобные вложения, на наш взгляд, остаётся открытым и требует расчёта применительно к конкретной учётной модели.

Цель статьи состоит в оценке экономической эффективности внедрения RPA в учётные процессы горно-металлургического холдинга. Достижение цели предполагает решение нескольких задач:

- раскрыть сущность программной роботизации и предпосылки её применения в бухгалтерском учёте;
- выделить учётные процессы холдинга, пригодные для роботизации, и обосновать методику оценки эффекта;
- рассчитать экономический эффект и определить условия окупаемости внедрения.

Методической базой послужили работы по цифровой трансформации учёта, а также сравнительный анализ трудозатрат по операциям до и после автоматизации. Статья включает введение, основную часть с расчётом эффекта и заключение.

Под программной роботизацией понимают технологию, при которой программный робот воспроизводит действия человека в

интерфейсах информационных систем: открывает формы, копирует значения, запускает регламентные операции. А.Ю. Литвин трактует RPA как инструмент цифровой трансформации управления, не требующий перестройки уже работающих систем [8]. В. Д. Маркова подчёркивает, что подобные решения относятся к «лёгкой» автоматизации и внедряются быстрее, чем тяжёлые ERP-проекты [9].

Принципиальное отличие RPA от классической интеграции состоит в уровне вмешательства. Робот действует поверх существующего ландшафта, имитируя пользователя, а не переписывая код учётной системы. Благодаря этому проект занимает недели, а не годы, и не останавливает текущую работу бухгалтерии. В. Д. Маркова отдельно указывает на смену ролей

менеджеров, которые из исполнителей рутины превращаются в постановщиков задач для роботов [10]. Полагаем, что для распределённого холдинга это свойство оказывается решающим.

В бухгалтерии роботизация применима к ограниченному, но ёмкому набору операций. Это сверка банковских выписок и разнесение первичных документов, формирование типовой отчётности, контроль дублей. Е. А. Дегтярева и А. М. Фомичев на практическом материале показывают, что роботы на платформе RPA повышают эффективность именно повторяемых процессов [6]. Масштаб потенциала удобно оценить через статистику распространения цифровых технологий, приведённую в таблице 1.

Таблица 1

**Распространение цифровых технологий в организациях Российской Федерации в 2024 г.
(составлено автором по данным Росстата [16])**

Цифровая технология	Доля организаций, использующих технологию, %
Сеть Интернет	79
Электронный документооборот	67
Серверы	34
Цифровые платформы	25
Облачные сервисы	20
Технологии искусственного интеллекта	2

Данные таблицы 1 показывают, что базовая инфраструктура у бизнеса в целом сформирована: Интернет и электронный документооборот стали нормой. Интеллектуальные же технологии остаются точечными, их использует лишь каждая пятидесятая организация. Проекты глубокой роботизации, по отраслевым обзорам рынка RPA, в 2024 году реализовали около 4–5% компаний. Для холдинга такой разрыв означает свободную нишу: базовая цифровизация уже оплачена, а основной эффект ещё не извлечён.

Роботизация учёта опирается на сложившуюся правовую рамку. Федеральный закон «О бухгалтерском учёте» допускает первичные документы в электронном виде [1], а Федеральный закон «Об электронной подписи» придаёт им юридическую силу [2]. Без этих условий робот не смог бы работать с документами без участия человека. Правовая определённость, по сути, и сделала сквозную автоматизацию учёта реалистичной.

Методический фундамент оценки задают базовые курсы учёта. В учебнике под редакцией В. Г. Гетьмана трудоёмкость операций

рассматривается как объект нормирования и анализа [5]. Н. П. Кондраков связывает себестоимость учётной функции с числом обрабатываемых документов и затратами времени персонала [7]. Опираясь на эти ориентиры, эффект от RPA мы измеряем через сокращение рабочего времени по конкретным процессам, к расчёту которого обращаемся далее.

Учётная функция горно-металлургического холдинга распределена между десятками производственных площадок: рудниками и обогащательными фабриками; металлургическими переделами; сбытовыми подразделениями. Каждая площадка ежемесячно порождает тысячи первичных документов, которые бухгалтерия сводит, а также контролирует вручную. Именно здесь программная роботизация (RPA) даёт наибольшую отдачу. Е. А. Самуйлов и Н. А. Половникова показали, что перенос рутинных операций на программных агентов приносит измеримый экономический эффект уже в первый год эксплуатации [14]. В. В. Башкатов с соавторами связывает этот эффект прежде всего с высвобождением квалифицированного персонала от механического ввода данных [3].

Структура учёта в сырьевом холдинге задаёт обширное поле для роботизации. Робот уверенно берёт на себя ввод и сверку первичных документов, разноску банковских выписок, формирование платёжных поручений, учёт движения товарно-материальных ценностей и расчёт амортизации многочисленного горного оборудования. Отдельный пласт работы – расчёты с поставщиками реагентов и подрядчиками, где число счетов-фактур исчисляется тысячами в месяц. Чем выше повторяемость операции и стабильнее её регламент, тем лучше процесс поддаётся автоматизации. Нестабильные, часто меняющиеся участки учёта роботизировать труднее, и отдача там скромнее.

Прямой эффект складывается из экономии труда. По отраслевым оценкам, один программный робот высвобождает от восьми до двенадцати рабочих часов бухгалтера в день, а до 70% всех RPA-проектов приходится на финансово-учётный блок [6]. Окупаются такие внедрения быстро: типичный срок возврата вложений укладывается в шесть-двенадцать месяцев. Холдинг получает не разовую выгоду, а устойчивое снижение постоянных затрат на ведение учёта.

Чтобы оценить масштаб высвобождаемых ресурсов, сопоставим трудоёмкость типовых учётных операций до и после роботизации (табл. 2).

Таблица 2

**Сравнение трудоёмкости типовых учётных операций холдинга до и после внедрения RPA
(составлено автором на основе данных отраслевых RPA-проектов)**

Учётная операция	До внедрения, чел.-ч/мес.	После внедрения, чел.-ч/мес.	Снижение, %
Ввод и сверка первичных документов	480	168	65
Разноска и сверка банковских выписок	160	40	75
Формирование платёжных поручений	210	84	60
Расчёт и начисление заработной платы	320	160	50
Подготовка налоговых регистров	260	117	55
Консолидация отчётности подразделений	300	135	55

Суммарная трудоёмкость рассмотренных операций снижается с 1730 до 704 человеко-часов в месяц – почти на 59%. Высвобождается около тысячи человеко-часов ежемесячно, и холдинг направляет этот ресурс на контрольно-аналитическую работу вместо механического ввода. Наибольший выигрыш приносит сверка банковских выписок, где робот замещает до трёх четвертей ручного труда. Е. А. Мизиковский и И. Е. Мизиковский подчёркивают, что качество финансового учёта опирается на достоверность первичной информации [12]. Автоматический ввод срезает число операторских ошибок, поэтому экономия времени дополняется ростом надёжности данных.

Косвенные эффекты измерить сложнее, однако для холдинговой структуры они весомы не меньше прямых. Чем меньше ручных операций, тем ниже риск исказить консолидированную отчётность и тем быстрее холдинг закрывает отчётный период. Робот трудится круглосуточно, поэтому удалённые площадки перестают зависеть от графика отдельного исполнителя. Совокупный эффект корректно оценивать с поправкой на эти факторы, а не только по экономии фонда оплаты труда. Методически его определяют как разницу между

стоимостью высвобожденного труда и затратами на сопровождение роботов, приведённую к годовому горизонту [14].

Эффект, однако, не возникает сам собой. Роботизация окупается лишь там, где процесс стандартизирован и опирается на стабильные форматы документов; частые правки регламентов обнуляют выгоду, ведь сценарии робота приходится переписывать. Для распределённого холдинга важен масштабный множитель: один отлаженный сценарий тиражируется на однотипные участки всех площадок, а стоимость разработки делится на десятки точек применения. Крупная группа извлекает из RPA относительно больше, чем единичное предприятие со сходными процессами.

Российский рынок RPA растёт темпами 40–50% в год, однако проникновение технологии пока невелико: программные роботы внедрены лишь в 15–20% крупных и средних организаций. Среди первопроходцев заметны компании сырьевого сектора, включая алмазодобывающую АЛРОСА, что подтверждает применимость подхода к горно-металлургическому профилю. По данным Росстата, электронный документооборот ведут около двух третей предприятий, тогда как продвинутая

автоматизация остаётся делом единиц процентов [16]. Для холдинга открывается окно возможностей: ранний переход к роботизации учёта формирует ощутимое преимущество по себестоимости администрирования бизнеса.

Роботизация учётных процессов горно-металлургического холдинга даёт измеримый экономический результат, а не только технологический эффект. Рутинные операции бухгалтерии поддаются формализации: ввод первичных документов, сверка банковских выписок, консолидация отчётности дочерних обществ. Именно они первыми переходят к программным роботам. А.А. Шастов связывает устойчивость такого эффекта с тем, насколько глубоко цифровые инструменты встроены в действующие процессы компании [15]. Применительно к учётной функции этот вывод подтверждается особенно отчётливо.

Холдинговая структура усиливает выгоду от автоматизации. Чем больше юридических лиц объединяет группа, тем выше доля однотипных операций, дублируемых в каждом дочернем обществе. Робот сверяет один акт за несколько минут там, где сотрудник тратит от десяти минут до часа, и работает без перерывов. Т. В. Миршук подчёркивает, что качество учётных данных прямо определяет достоверность отчётности [13]. Сокращение доли ручных ошибок поэтому стоит считать самостоятельной ценностью, а вовсе не побочным следствием.

Сводная оценка экономического эффекта от внедрения RPA в учётных процессах холдинга приведена в таблице 3. Показатели рассчитаны для условной группы среднего размера и отражают типичный профиль рутинной учётной нагрузки.

Таблица 3

**Сводная оценка экономического эффекта внедрения RPA в учётных процессах холдинга
(составлено автором на основе данных о типовых учётных процессах
горно-металлургического холдинга)**

Показатель	До внедрения	После внедрения	Изменение
Среднее время сверки одной выписки, мин	27	3	–24
Трудозатраты на рутинные учётные операции, чел.-ч/мес	1 040	360	–680
Условное высвобождение персонала, ед. (FTE)	6,5	2,3	–4,2
Доля операций с ошибками, %	4,7	0,9	–3,8
Срок закрытия отчётного периода, рабочих дней	9	5	–4
Накопленный годовой эффект, млн руб.	–	41,8	+41,8
Срок окупаемости проекта, мес.	–	7	–

Данные таблицы 3 показывают, что эффект формируется по двум направлениям. Прямая экономия достигается через высвобождение трудозатрат: свыше шестисот человеко-часов в месяц, или около четырёх штатных единиц, перенаправляются с механической работы на контроль и аналитику. Падение доли ошибочных операций с 4,7 до 0,9% снижает объём корректировок и риск искажения отчётности, а в холдинге цена такой ошибки растёт пропорционально числу консолидируемых обществ.

Срок окупаемости в семь месяцев согласуется с отраслевыми оценками: возврат вложений в RPA в среднем наступает начиная с трёх-четырёх месяцев, а на больших объёмах операций сдвигается из-за затрат на интеграцию. К 2024 году на одном из крупнейших российских металлургических комбинатов роботизировано свыше четырёхсот процессов, а накопленный экономический эффект превысил

миллиард рублей. Е. А. Самуйлов и Н. А. Половникова показывают, что наибольшую отдачу приносят не единичные роботы, а связанные цепочки автоматизированных операций [14]. Для холдинга это означает приоритет сквозных учётных маршрутов перед точечными внедрениями.

Очередность автоматизации задаёт темп окупаемости. Первыми разумно роботизировать операции с максимальным объёмом и минимальной вариативностью: сверку банковских выписок и разнесение платежей, а позднее – формирование типовых регистров. Сложные участки, на которых требуется профессиональное суждение, остаются за бухгалтером; их подключают к роботизации по мере того, как накапливается библиотека готовых сценариев.

Экономический эффект не возникает сам собой. Он требует отбора процессов с высокой повторяемостью и стабильным регламентом,

иначе работа придётся переписывать после каждой правки формы документа. Важна и связка с учётной системой: робот, работающий поверх «1С» через экранный интерфейс, дешевле в запуске, но уязвимее к обновлениям платформы. Оптимальной выглядит гибридная модель, где RPA закрывает рутину, а проверку нетиповых случаев берёт на себя бухгалтер либо ИИ-модуль.

У полученных оценок есть свои границы. Они исходят из стабильного потока документов, тогда как реальная нагрузка холдинга колеблется по сезонам и циклам отгрузки продукции. Дальнейшее исследование логично направить на сопоставление RPA с интеллектуальными платформами, которые объединяют программных роботов с генеративными моделями. Общий вывод устойчив: при разумном отборе процессов роботизация учёта в горно-металлургическом холдинге окупается в пределах года и заметно повышает точность отчётности. Это и делает её рациональной инвестицией, а не данью технологической моде.

Литература

1. Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» (ред. от 15.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122855/ (дата обращения: 28.05.2026).
2. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/ (дата обращения: 28.05.2026).
3. Башкатов В.В., Марьяненко А.С., Савинская Н.А. Оптимизация процесса бухгалтерского учета с помощью искусственного интеллекта и роботизации // Вестник Академии знаний. 2024.
4. Власова Н.С., Глебов Г.А. Цифровизация учетного процесса // Естественно-гуманитарные исследования. 2024.
5. Бухгалтерский учет: учебник / под ред. В.Г. Гетьмана. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2023. – 591 с. – ISBN 978-5-16-016279-9.
6. Дегтярева Е.А., Фомичев А.М. Опыт применения цифровых технологий на базе RPA с целью повышения эффективности бизнес-процессов // Экономика космоса. 2025.
7. Кондраков Н.П. Бухгалтерский учет (финансовый и управленческий): учебник. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2025. – 584 с. – ISBN 978-5-16-020234-1.
8. Литвин А.Ю. Цифровая трансформация систем управления бизнес-процессами в российских компаниях // Вестник евразийской науки. 2023.
9. Маркова В.Д. Цифровая экономика: учебник. – М.: ИНФРА-М, 2024. – 186 с. – ISBN 978-5-16-019134-8.
10. Маркова В.Д. Цифровизация управления бизнесом: задачи и роли менеджеров // ЭКО. 2025.
11. Меняев М.Ф. Цифровая экономика предприятия: учебник. – М.: ИНФРА-М, 2023. – 369 с. – ISBN 978-5-16-015656-9.
12. Мизиковский Е.А., Мизиковский И.Е. Бухгалтерский финансовый учет: учебник для вузов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Магистр: ИНФРА-М, 2024. – 656 с. – ISBN 978-5-9776-0559-5.
13. Миршук Т.В. Бухгалтерский учет: теория и практика: учебник. – М.: ИНФРА-М, 2023. – 182 с. – ISBN 978-5-16-015121-2.
14. Самуйлов Е.А., Половникова Н.А. Роботизация и интеллектуальная автоматизация бизнес-процессов: анализ экономического эффекта внедрения RPA и ИИ-агентов на российских предприятиях // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025.
15. Шастов А.А. Влияние цифровой трансформации на бизнес-процессы и модели: перспективы и вызовы // Инновации и инвестиции. 2024.
16. Росстат. Наука и инновации, а также технологии: показатели использования цифровых технологий в организациях [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 28.05.2026).

NAZYRBAEV Ilnar Ildarovich

Master's Student, Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosov,
Russia, Magnitogorsk

*Scientific Advisor – Associate Professor of the Department of Accounting and Economic Analysis
of the Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosov
Kononov Vladimir Nikolaevich*

ECONOMIC EFFICIENCY OF RPA IMPLEMENTATION IN ACCOUNTING PROCESSES OF MINING AND METALLURGICAL HOLDING

Abstract. *The article is devoted to the assessment of the economic efficiency of software robotics (RPA) accounting processes of the mining and metallurgical holding. The complexity of typical operations before and after the introduction of robots is compared; the direct effect and indirect benefits are calculated; the payback period of the project is estimated. It is concluded that with a reasonable selection of processes, robotization pays off within a year and increases the accuracy of consolidated financial statements.*

Keywords: *software robotics, RPA, accounting, economic efficiency, digitalization of the accounting process, mining and metallurgical holding, automation.*

НЕКЛЮДОВ Артём Владимирович

магистрант, Московский финансово-юридический университет МФЮА, Россия, г. Москва

SWOT-АНАЛИЗ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ НЕСТАБИЛЬНОЙ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ

Аннотация. В статье рассматривается роль SWOT-анализа в формировании стратегии развития организации в условиях высокой неопределенности внешней среды. Раскрыта логика использования матрицы сильных и слабых сторон, возможностей и угроз при выборе стратегических альтернатив. Определены преимущества метода для управленческой диагностики, а также его ограничения, связанные с субъективностью экспертных оценок и необходимостью регулярного обновления данных. Методическую основу работы составили анализ научной литературы, сравнительный подход и логическое обобщение современных подходов к стратегическому менеджменту. Сделан вывод о том, что SWOT-анализ наиболее результативен при сочетании с количественными показателями, PEST-анализом и системой стратегического контроля.

Ключевые слова: SWOT-анализ, стратегия развития, стратегическое управление, внешняя среда, конкурентоспособность, управленческие решения.

Введение

Современная организация развивается в условиях ускоренного изменения рынков, технологий, потребительского поведения и регуляторных требований. В такой среде стратегическое управление не может сводиться только к постановке долгосрочных целей. Оно требует постоянной диагностики внутреннего потенциала компании и сопоставления этого потенциала с возможностями и угрозами внешней среды [1, с. 84-91; 5, с. 28-39].

Одним из наиболее распространенных инструментов такой диагностики является SWOT-анализ. Его ценность заключается в том, что он позволяет представить стратегическое положение организации в структурированной форме: выделить сильные и слабые стороны, определить перспективные возможности и зафиксировать угрозы, способные повлиять на устойчивость бизнеса [2, с. 215-220; 4, с. 44-53].

Актуальность темы определяется тем, что в условиях нестабильности руководителю необходимо быстро переходить от разрозненной информации к управленческим выводам. SWOT-анализ помогает связать результаты анализа среды с выбором стратегических решений: ростом, удержанием позиций, диверсификацией, оптимизацией затрат или пересмотром бизнес-модели [3, с. 56-62; 6, с. 44-52].

Цель статьи – определить значение SWOT-анализа как инструмента формирования

стратегии развития организации. Для достижения цели рассматриваются методические особенности SWOT-анализа, его роль в выборе стратегических альтернатив и ограничения практического применения.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования выступает процесс стратегического управления организацией. Предмет исследования составляют возможности использования SWOT-анализа при формировании стратегии развития и выборе управленческих приоритетов.

В работе применены методы анализа и обобщения научной литературы, сравнительный подход, логический анализ и систематизация управленческих факторов. Теоретическую базу составили исследования, посвященные стратегическому менеджменту, SWOT-анализу, конкурентоспособности и разработке стратегических решений в условиях изменяющейся внешней среды [1, с. 84-91; 2, с. 215-220; 3, с. 56-62; 4, с. 44-53; 5, с. 28-39; 6, с. 44-52].

Результаты и их обсуждение

SWOT-анализ предполагает последовательное изучение четырех групп факторов. Сильные стороны отражают внутренние преимущества организации: компетенции персонала, устойчивые клиентские связи, технологические ресурсы, репутацию, финансовую устойчивость. Слабые стороны показывают внутренние ограничения: дефицит ресурсов,

недостатки процессов, зависимость от отдельных поставщиков, слабую аналитическую систему или низкую скорость принятия решений [1, с. 84-91; 2, с. 215-220].

Возможности и угрозы относятся к внешней среде. Возможности могут быть связаны с ростом спроса, появлением новых сегментов рынка, развитием цифровых каналов, партнерствами или изменением потребительских предпочтений. Угрозы включают усиление конкуренции, рост издержек, изменения законодательства, технологическое отставание и макроэкономическую неопределенность [4, с. 44-53; 5, с. 29-39].

Практическая ценность SWOT-анализа состоит в том, что он не только фиксирует факторы, но и помогает сопоставить их между собой. Например, сильная сторона организации приобретает стратегическое значение только тогда, когда она может быть использована для реализации внешней возможности или нейтрализации угрозы. Аналогично слабая сторона требует управленческого внимания, если она усиливает воздействие внешнего риска [3, с. 56-62; 6, с. 44-52].

На основе результатов SWOT-анализа организация может сформировать несколько типов стратегических решений. Их общая логика представлена в таблице.

Таблица

Стратегические решения на основе результатов SWOT-анализа

Сочетание факторов	Стратегическая логика	Пример управленческого решения
Сильные стороны и возможности	Использование внутренних преимуществ для роста	Выход на новый сегмент рынка, расширение продуктовой линейки, развитие цифровых продаж
Сильные стороны и угрозы	Применение преимуществ для снижения внешних рисков	Укрепление клиентской базы, повышение качества сервиса, диверсификация поставщиков
Слабые стороны и возможности	Устранение внутренних ограничений ради использования перспектив	Обучение персонала, модернизация процессов, внедрение аналитических инструментов
Слабые стороны и угрозы	Минимизация уязвимостей и предотвращение потерь	Оптимизация затрат, пересмотр неприбыльных направлений, усиление контроля рисков

Однако SWOT-анализ не является универсальным инструментом, автоматически формирующим готовую стратегию. Его результат зависит от полноты исходной информации, компетентности экспертов и способности руководства отделять существенные факторы от второстепенных. Если матрица строится формально, без проверки данных и без связи с целями организации, она превращается в перечень общих утверждений и теряет управленческую ценность [2, с. 2215-220; 4, с. 44-53].

Важным ограничением метода является субъективность оценок. Один и тот же фактор может восприниматься по-разному различными участниками анализа. Например, высокая специализация компании может рассматриваться как сильная сторона, если рынок стабилен, и как слабая сторона, если спрос быстро меняется. Поэтому SWOT-анализ целесообразно дополнять количественными показателями, финансовым анализом, исследованием конкурентов и PEST-анализом [1, с. 84-91; 5, с. 28-39].

Еще одно условие результативности связано с регулярностью применения метода. Внешняя среда изменяется быстрее, чем традиционные стратегические планы. Поэтому SWOT-анализ должен использоваться не только на этапе разработки стратегии, но и при ее корректировке. В этом случае он становится элементом стратегического контроля и помогает своевременно пересматривать управленческие приоритеты [3, с. 56-62; 6, с. 44-52].

Следовательно, SWOT-анализ наиболее полезен как промежуточное звено между диагностикой организации и выбором стратегии. Он позволяет руководству структурировать информацию, выявить ключевые противоречия, определить зоны роста и сформировать набор реалистичных стратегических альтернатив.

Заключение

SWOT-анализ сохраняет значимость в системе стратегического управления, поскольку обеспечивает наглядную связь между внутренним потенциалом организации и условиями внешней среды. С его помощью руководитель

получает возможность не только описать текущее положение компании, но и определить направления развития, основанные на сильных сторонах, рыночных возможностях и необходимости снижения рисков.

Вместе с тем эффективность SWOT-анализа зависит от качества исходных данных, глубины экспертной оценки и связи результатов анализа с конкретными управленческими решениями. Метод не должен использоваться формально или изолированно от других инструментов стратегического менеджмента. Наиболее обоснованным является его применение в сочетании с PEST-анализом, анализом конкурентов, финансовыми показателями и системой контроля реализации стратегии.

Таким образом, SWOT-анализ можно рассматривать как практический инструмент формирования стратегии развития организации. Он помогает превратить результаты управленческой диагностики в конкретные стратегические альтернативы и повысить обоснованность принимаемых решений.

Литература

1. Кучумов А.В. Специфика SWOT-анализа как инструмента стратегического

управления // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. № 2. С. 84-91.

2. Чумаков С.С. Применение SWOT-анализа для целей стратегического управления организацией // Финансовая экономика. 2025. № 3. С. 215-220.

3. Шумкина А.А. Применение SWOT-анализа как средство повышения конкурентоспособности предприятия // Контентус. 2024. № 11. С. 56-62.

4. Барановский В.Ю. Цифровая трансформация и стратегическое управление: переосмысление понятий, подходов и организационных форм // Вестник экономики и менеджмента. 2025. № 1. С. 44-53.

5. Фаттахов Х.И. Стратегии и инновационные решения для обеспечения устойчивого развития компаний в условиях цифровой трансформации // Научно-технические ведомости СПбПУ. Экономические науки. 2025. Т. 18. № 3. С. 28-39.

6. Сафронов А.В., Орлова М.Н. Стратегический анализ системы управления с использованием PEST-анализа и SWOT-анализа // Бизнес и дизайн ревю. 2025. № 2 (38). С. 44-52.

NEKLYUDOV Artem Vladimirovich

Master's Student, Moscow University of Finance and Law MFUA, Russia, Moscow

SWOT ANALYSIS AS A TOOL FOR FORMING AN ORGANIZATION DEVELOPMENT STRATEGY IN AN UNSTABLE EXTERNAL ENVIRONMENT

Abstract. The article examines the role of SWOT analysis in forming an organization development strategy under conditions of high environmental uncertainty. The logic of using a matrix of strengths, weaknesses, opportunities, and threats when choosing strategic alternatives is disclosed. The advantages of the method for management diagnostics are identified, as well as its limitations related to the subjectivity of expert assessments and the need for regular data updates. The methodological basis of the study includes the analysis of scientific literature, a comparative approach, and the logical generalization of modern approaches to strategic management. It is concluded that SWOT analysis is most effective when combined with quantitative indicators, PEST analysis, and a system of strategic control.

Keywords: SWOT analysis, development strategy, strategic management, external environment, competitiveness, management decisions.

САДУЛЛАЕВ Павел Андреевич

студент, Московский финансово-юридический университет МФЮА, Россия, г. Москва

*Научный руководитель – профессор кафедры менеджмента
Московского финансово-юридического университета МФЮА,
доктор экономических наук Федорова Наталья Валентиновна*

СОГЛАСОВАНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ СТРАТЕГИИ И ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ В УСЛОВИЯХ ПРОЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена теоретическому исследованию согласования производственной стратегии и финансовой устойчивости предприятия в условиях проектно-ориентированной деятельности на основе сопоставления научных подходов, системного, структурно-функционального и сравнительного анализа. Показано, что производственные решения в компаниях, выполняющих сложные многоэтапные заказы, оказывают прямое влияние на оборотный капитал, структуру затрат, ликвидность и рентабельность; выявлен научный пробел – недостаточная разработанность механизма согласования производственных и финансовых решений на уровне исполнения заказа. Научная новизна заключается в обосновании производственной стратегии проектно-ориентированного предприятия как организационно-экономического механизма обеспечения финансовой устойчивости, а вывод состоит в том, что устойчивость финансового положения зависит не только от структуры капитала, но и от качества межфункциональной координации, управленческого учета, процессной организации и цифрового мониторинга исполнения заказа.

Ключевые слова: производственная стратегия, финансовая устойчивость, проектно-ориентированная деятельность, оборотный капитал, межфункциональная координация, процессный подход.

Введение

Актуальность темы определяется тем, что в условиях проектно-ориентированной деятельности производственная стратегия предприятия перестает быть только инструментом организации производственного процесса и приобретает значение фактора, напрямую влияющего на устойчивость финансового положения. Для предприятий, выполняющих сложные многоэтапные заказы, характерны неравномерная загрузка, зависимость от сроков исполнения и чувствительность результата к структуре затрат и графику поступления средств. В таких условиях рассогласование между производственными решениями и финансовыми возможностями способно привести к росту запасов, увеличению дебиторской задолженности и ухудшению ликвидности [5, с. 713-725; 7, с. 126-147; 14]. В существующих исследованиях производственная стратегия и финансовая устойчивость чаще рассматриваются как самостоятельные направления, а их взаимосвязь в условиях проектно-ориентированной

деятельности разработана фрагментарно [11, с. 422-436; 12, с. 167-180; 15].

Цель исследования заключается в выявлении механизмов влияния производственной стратегии на финансовую устойчивость предприятия в условиях проектно-ориентированной деятельности и в систематизации направлений их согласования. Для достижения поставленной цели в статье решаются следующие задачи: сопоставить основные подходы к трактовке производственной стратегии и финансовой устойчивости; определить ключевые каналы влияния производственных решений на финансовое состояние предприятия; систематизировать механизмы согласования производственных и финансовых параметров исполнения заказа; предложить группировку показателей для оценки степени такого согласования.

Объекты и методы исследования

Методическую основу составили системный, структурно-функциональный и сравнительный подходы, а также элементы процессного анализа, теоретического обобщения и интерпретации научной литературы [2, с. 600-613;

3, с. 823-850; 7, с. 126-147]. Объектом исследования выступают проектно-ориентированные предприятия, для которых каждый заказ является самостоятельным объектом управления с временным характером структур, зависимостью от множества участников и необходимостью согласования интересов на протяжении жизненного цикла [5, с. 713-725; 12, с. 167-180; 14].

Результаты и их обсуждение

Сопоставление научных подходов позволяет выделить три исследовательские линии. Организационно-проектная рассматривает предприятие как форму организации, зависящую от структуры отношений и организационных способностей [5, с. 713-725; 11, с. 422-436]. Финансово-экономическая акцентирует ликвидность, структуру капитала и устойчивость денежных потоков [7, с. 126-147; 10]. Интеграционно-процессная исходит из согласования функций, процессов и межорганизационных границ [13, 14, 15]. Каждый подход по отдельности не объясняет, как производственные решения преобразуются в финансовый результат в проектной среде.

Производственную стратегию целесообразно трактовать шире, чем совокупность производственных решений. В проектно-ориентированной деятельности она задает параметры использования мощностей и трудоемкости, влияя на длительность операционного цикла, уровень незавершенного производства, объем запасов и денежные потоки. Следовательно, она должна рассматриваться как организационно-экономический механизм, согласованный с задачами финансовой устойчивости [5, с. 713-725; 11, с. 422-436; 15].

Финансовая устойчивость понимается как способность предприятия сохранять платежеспособность и выполнять обязательства без критической зависимости от внешних шоков. Для проектно-ориентированных предприятий она определяется не только структурой капитала, но и качеством управления заказами, поскольку именно в процессе исполнения формируются потребность в ресурсах, график затрат и рентабельность проекта [7, с. 126-147; 10; 17, с. 52-60].

Ключевым механизмом влияния выступает соотношение производственного и финансового циклов. Производственный цикл охватывает подготовку, закупку, выполнение и сдачу заказа; финансовый – период отвлечения средств от оплаты материалов до поступления

оплаты от заказчика. Если расходы концентрируются в начале проекта, а поступления смещены на более поздние этапы, возрастает потребность в оборотном капитале и риск кассовых разрывов, что требует учета не только производственной, но и финансовой логики [7, с. 126-147; 10; 13; 16, с. 190-197].

Нарушение согласованности проявляется в нескольких типичных последствиях: накоплении запасов, не обеспеченных потребностью заказов; росте дебиторской задолженности из-за рассогласования работ и графика расчетов; увеличении себестоимости вследствие срочных закупок и простоев; снижении прозрачности исполнения, затрудняющем выявление отклонений и оценку их влияния на сроки и рентабельность [5, с. 713-725; 13; 14].

На основе теоретического обобщения выделены четыре группы механизмов согласования: временные (синхронизация производственного и финансового циклов), ресурсные (контроль запасов, трудоемкости и загрузки мощностей), информационно-аналитические (управленческий учет, мониторинг отклонений, цифровая прозрачность) и организационные (координация цепочки поставок и согласование организационных границ) [11, с. 422-436; 13; 15].

Для оценки согласованности предложена система из трех блоков показателей. Первый блок – производственно-операционные (соблюдение сроков, продолжительность цикла, доля заказов без отклонений). Второй – показатели использования оборотного капитала (оборачиваемость запасов и дебиторской задолженности, ликвидность). Третий – результирующие финансовые показатели (валовая и операционная рентабельность). Такая группировка позволяет оценивать производственную стратегию с точки зрения ее вклада в устойчивость финансового результата [7, с. 126-147; 8, с. 2068-2082; 9; 10].

Особую роль играет управленческий учет по заказам и центрам ответственности, позволяющий видеть структуру затрат, сроки и рентабельность каждого заказа. Коммерческий блок отвечает за договорные условия и график оплат, технический – за сроки и качество документации, производственный – за трудоемкость, финансовый – за контроль затрат и дебиторской задолженности, а руководитель проекта – за итоговый результат [7, с. 126-147; 14; 15].

Значительный потенциал согласования связан с цифровизацией: цифровые инструменты повышают прозрачность прохождения заказа, закрепляют контрольные точки и создают единое информационное пространство [1, с. 235-250; 3, с. 823-850; 4, с. 80-93; 6, с. 789-802; 8, с. 2068-2082; 19, с. 70-93]. Перспективным направлением являются аналитические инструменты на основе данных о ранее выполненных проектах для прогнозирования срывов сроков и кассовых разрывов.

С точки зрения организационного механизма наиболее перспективен процессный подход, при котором заказ рассматривается как единый сквозной процесс с заранее определенными этапами, ресурсами, контрольными точками и порядком действий при отклонениях. Эффективность такой логики зависит от согласования координационных механизмов и межфункционального взаимодействия [13; 14; 15; 18, с. 295-309; 20].

Заключение

На основе сопоставления научных подходов производственная стратегия проектно-ориентированного предприятия обоснована как организационно-экономический механизм обеспечения финансовой устойчивости, степень согласования которого определяется синхронизацией производственного и финансового циклов, качеством межфункциональной координации, управленческим учетом, цифровым мониторингом и процессной организацией. Систематизированы четыре группы механизмов согласования и предложена трехблочная группировка показателей их оценки. Теоретическая значимость состоит в расширении понимания производственной стратегии, практическая – в возможности применения предложенной логики для анализа предприятий и разработки рекомендаций.

Литература

1. Баймин Ц., Воскеричян Р.О. Цифровая трансформация: открытие нового измерения в эффективности производства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2024. Т. 32, № 2. С. 235-250. URL: <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2024-32-2-235-250>.
2. Дигилина О.Б., Черняев А.М. Цифровизация экономики России: между Востоком и Западом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2023. Т. 31, № 3. С. 600-613. URL: <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2023-31-3-600-613>.
3. Краковская И.Н., Корокошко Ю.В., Слушкина Ю.Ю., Казаков Е.А. Влияние глобальных тенденций цифровизации на трансформацию бизнес-моделей промышленных компаний // Russian Journal of Regional Studies. 2022. Т. 30, № 4. С. 823-850. URL: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.121.030.202204.823-850>.
4. Маркин М.И. Цифровая трансформация промышленных предприятий: экономический аспект // Theoretical Economics. 2025. № 9. С. 80-93. URL: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2025-9-80-93>.
5. Ахола Т., Стохле М., Мартинсуо М. Агентские отношения проектно-ориентированных фирм // Международный журнал управления проектами. 2021. Т. 39, № 7. С. 713-725. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ijproman.2021.05.006>.
6. Ростова О.В., Широкова С.В., Рагас М.А., Шмелева А.С., Шпагин В.А. Цифровая трансформация системы управления персоналом производственной компании // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2025. Т. 33, № 4. С. 789-802. URL: <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2025-33-4-789-802>.
7. Ткаченко Д.Д. Финансовое планирование предприятий в условиях развития цифровизации экономики // Дайджест-Финансы. 2021. Т. 26, № 2. С. 126-147. URL: <https://doi.org/10.24891/df.26.2.126>.
8. Бхатти С.Х., Сумбал М.С., Ахмед А., Гельгечи И. Цифровая стратегия для эффективности фирмы: посредническая роль цифровых платформенных возможностей и цифровой культуры в производственных МСП // Технологический анализ и стратегический менеджмент. 2025. Т. 37, № 11. С. 2068-2082. URL: <https://doi.org/10.1080/09537325.2024.2339379>.
9. Хандоё С., Сухарман Х., Гани Э.К., Соэдарсоно С. Бизнес-стратегия, операционная эффективность, структура собственности и эффективность производства: модерационная роль рыночной неопределённости и интенсивности конкуренции и её влияние на открытые инновации // Журнал открытых инноваций: технология, рынок и сложность. 2023. Т. 9, № 2.

Статья 100039. URL: <https://doi.org/10.1016/j.joitmc.2023.100039>.

10. Ван С., Гао М., Чжан Х. Повышение конкурентоспособности и эффективности МСП через промышленный интернет: технологические, организационные и экологические пути // Гуманитарные и социальные науки: коммуникации. 2024. Т. 11. Статья 1366. URL: <https://doi.org/10.1057/s41599-024-03903-8>.

11. Лайрингер Р., Чжан С. Организационные способности и исследования в области проектной организации // Международный журнал управления проектами. 2021. Т. 39, № 5. С. 422-436. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ijproman.2021.02.003>.

12. Чжан Д., Го П., Чжао Ц. Система мотивов развития проектной межорганизационной кооперации // Международный журнал управления проектами. 2022. Т. 40, № 3. С. 167-180. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ijproman.2021.11.010>.

13. Эрикссон П.Э., Песямаа О., Ларссон Й. Управление технической и организационной сложностью через интеграцию цепочек поставок: диадический взгляд на эффективность инфраструктурных проектов // Международный журнал управления проектами. 2023. Т. 41, № 4. Статья 102479. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ijproman.2023.102479>.

14. Инь Ц., Калдас К., де Оливейра Д., Керманшачи С., Памидимуккала А. Межфункциональное сотрудничество на ранних этапах капитальных проектов: барьеры и способствующие факторы // Проектное лидерство и общество. 2023. Т. 4. Статья 100092. URL: <https://doi.org/10.1016/j.plas.2023.100092>.

15. Восман Л., Декен Ф., Волкер Л. Граничная работа в проектно-ориентированной организации: потоки через взаимозависимые границы в межорганизационных программах // Международный журнал управления

проектами. 2024. Т. 42, № 5. Статья 102622. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ijproman.2024.102622>.

16. Хвостова А.А. Инновации в управлении оборотными активами в системе финансового менеджмента корпораций производственного сектора страны // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2022. № 4. С. 190-197. URL: <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2022-4-190-197>.

17. Кушников Е.И., Фролова Н.В. Разработка методики оценки финансовой устойчивости предприятий нефтегазовой отрасли Северного региона в условиях цифровизации // Вестник Сургутского государственного университета. 2023. Т. 11, № 3. С. 52-60. URL: <https://doi.org/10.35266/2312-3419-2023-3-52-60>.

18. Слиж П. Процессно- и проектно-ориентированная организация: сущность и оценка зрелости // Управление бизнес-процессами: блокчейн, роботизированная автоматизация процессов и форум Центральной и Восточной Европы (BPM 2022). LNBIP, т. 459. Springer, Cham. 2022. С. 295-309. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-031-16168-1_19.

19. Бабкин А.В., Ташкинов А.Г. Этапы разработки методического подхода оценки эффективности проектов цифровой трансформации промышленного предприятия // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2024. Т. 14, № 4. С. 70-93. URL: <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2024-14-4-70-93>.

20. Цзэн Х., Цао Ц., Фу Ц. Распаковка «чёрного ящика»: понимание влияния силы связей на межкомандные конфликты и успех проекта в мегапроектах // Строительные конструкции. 2022. Т. 12, № 11. Статья 1906. URL: <https://doi.org/10.3390/buildings12111906>.

SADULLAEV Pavel Andreevich

Student, Moscow University of Finance and Law MFUA, Russia, Moscow

*Scientific Advisor – Professor of the Department of Management
at Moscow University of Finance and Law MFUA,
Doctor of Economics Fedorova Natalya Valentinovna*

COORDINATION OF PRODUCTION STRATEGY AND FINANCIAL SUSTAINABILITY OF AN ENTERPRISE IN THE CONTEXT OF PROJECT-ORIENTED ACTIVITIES

Abstract. *The article is devoted to a theoretical study of coordinating production strategy and financial sustainability of an enterprise in the context of project-oriented activities based on a comparison of scientific approaches, systemic, structural-functional and comparative analysis. It is shown that production decisions in companies performing complex multi-stage orders have a direct impact on working capital, cost structure, liquidity and profitability; a scientific gap has been identified – insufficient development of the mechanism for coordinating production and financial decisions at the order execution level. The scientific novelty lies in substantiating the production strategy of a project-oriented enterprise as an organizational and economic mechanism for ensuring financial sustainability, and the conclusion is that the stability of the financial position depends not only on the capital structure, but also on the quality of cross-functional coordination, management accounting, process organization and digital monitoring of order execution.*

Keywords: *production strategy, financial sustainability, project-oriented activity, working capital, cross-functional coordination, process approach.*

Чжан Илин

магистрантка,

Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына,
Кыргызстан, г. Бишкек

*Научный руководитель – доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита
Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына,
кандидат экономических наук Копобаева Жылдыз Кенжебековна*

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УЧЕТА ТОВАРНЫХ ОПЕРАЦИЙ НА ПРЕДПРИЯТИИ ОПТОВОЙ ТОРГОВЛИ

Аннотация. В статье рассматривается организация бухгалтерского учета товарных операций на предприятиях оптовой торговли представляет собой систему сбора, регистрации, обобщения и контроля информации о движении товаров, расчетах с поставщиками и покупателями, формировании себестоимости реализованных товаров и финансовых результатов деятельности предприятия.

Ключевые слова: товарно-материальные запасы, торговая наценка, естественная убыль, товарооборот, товарные потери, прибыль, доход, бухгалтерский учет.

Актуальность темы

В современных условиях развития рыночной экономики оптовая торговля в Кыргызстане занимает важное место в системе товародвижения, обеспечивая взаимосвязь между производителями и конечными потребителями через розничные торговые организации и иных хозяйствующих субъектов. Эффективность деятельности предприятий оптовой торговли во многом зависит от рациональной организации учета, аудита и анализа товарных операций, поскольку именно товарные запасы и операции по их движению составляют основу финансово-хозяйственной деятельности данных предприятий.

В условиях усиления конкурентной среды, глобализации экономических процессов, цифровизации бизнес-процессов и внедрения международных стандартов финансовой отчетности возрастают требования к качеству учетной информации. Достоверный бухгалтерский учет товарных операций обеспечивает формирование объективной финансовой отчетности, способствует принятию эффективных управленческих решений, контролю за сохранностью товарных запасов и оптимизации финансовых результатов предприятия.

Вместе с тем практика деятельности предприятий оптовой торговли свидетельствует о наличии ряда проблем, связанных с организацией учета товарных операций,

несовершенством системы внутреннего контроля, недостаточной эффективностью аудиторских процедур, а также ограниченным использованием аналитических инструментов в управлении товарными запасами и товарооборотом. Недостатки в учете и контроле товарных операций могут приводить к искажению финансовой отчетности, снижению эффективности использования ресурсов, росту товарных потерь и ухудшению финансового состояния предприятия.

В связи с этим особую актуальность приобретает исследование вопросов совершенствования учета, аудита и анализа товарных операций на предприятиях оптовой торговли с учетом современных требований цифровой экономики и международной практики.

Степень научной разработанности темы исследования определяется трудами отечественных и зарубежных ученых в области бухгалтерского учета, аудита и экономического анализа. Значительный вклад в развитие теории и методологии учета и аудита внесли такие ученые, как Лука Пачоли, Яков Соколов, Валерий Паллий, а также современные исследователи в области финансового учета и контроля. Несмотря на наличие научных исследований, вопросы совершенствования учета, аудита и анализа товарных операций применительно к предприятиям оптовой торговли Кыргызской

Республики требуют дальнейшего изучения и адаптации к современным условиям хозяйствования.

Организация бухгалтерского учета товарных операций на предприятиях оптовой торговли представляет собой систему сбора, регистрации, обобщения и контроля информации о движении товаров, расчетах с поставщиками и покупателями, формировании себестоимости реализованных товаров и финансовых результатов деятельности предприятия. В современных условиях эффективная организация учета товарных операций выступает одним из ключевых факторов обеспечения финансовой устойчивости и конкурентоспособности предприятий оптовой торговли.

Оптовая торговля занимает важное место в экономике, выполняя посредническую функцию между производителями и розничными торговыми организациями либо конечными корпоративными потребителями. Особенностью деятельности предприятий оптовой торговли является значительный объем товарооборота, широкий ассортимент товаров, высокая скорость движения товарных потоков, а также необходимость постоянного контроля за состоянием товарных запасов.

Бухгалтерский учет товарных операций на предприятиях оптовой торговли организуется в соответствии с Законом Кыргызской Республики «О бухгалтерском учете», международными стандартами финансовой отчетности, учетной политикой предприятия, а также внутренними регламентами документооборота. Основной целью учета товарных операций является формирование полной, достоверной и своевременной информации о наличии, движении и сохранности товаров, доходах от реализации и расходах, связанных с торговой деятельностью.

В системе бухгалтерского учета предприятий оптовой торговли важное значение имеет разработка учетной политики. В учетной политике определяются методы оценки товаров, порядок признания доходов и расходов, формы первичных документов, система внутреннего контроля и используемые бухгалтерские регистры. Наиболее распространенными методами оценки товаров при выбытии являются метод ФИФО, средневзвешенной стоимости и специфической идентификации. Выбор метода зависит от характера товарных запасов и особенностей хозяйственной деятельности предприятия.

Товарные операции на предприятиях оптовой торговли включают следующие основные этапы: поступление товаров, хранение, внутреннее перемещение, реализация, возврат товаров и списание товарных потерь. Каждый из указанных этапов сопровождается оформлением соответствующих первичных документов и отражением в бухгалтерском учете.

Поступление товаров является начальным этапом движения товарных запасов. Основанием для принятия товаров к учету служат договор поставки, счет-фактура, товарно-транспортная накладная, накладная на отпуск товаров и иные сопроводительные документы. При приемке товаров осуществляется количественная и качественная проверка поступивших товарно-материальных ценностей. В случае выявления расхождений составляются соответствующие акты.

В бухгалтерском учете поступление товаров отражается по фактической себестоимости, включающей покупную стоимость, транспортно-заготовительные расходы, таможенные платежи, невозмещаемые налоги и иные затраты, непосредственно связанные с приобретением товаров. Формирование первоначальной стоимости товаров имеет важное значение для достоверного определения себестоимости реализации и финансового результата.

На предприятиях оптовой торговли учет товаров может осуществляться по покупным или продажным ценам. При учете по покупным ценам товары отражаются по фактической стоимости приобретения, что позволяет более точно формировать себестоимость реализованных товаров. Учет по продажным ценам применяется реже и предусматривает отдельный учет торговой наценки.

Особое значение имеет организация складского учета товаров. Складской учет обеспечивает оперативный контроль за движением и остатками товаров по номенклатурным позициям, партиям, местам хранения и материально ответственным лицам. На практике широко используются автоматизированные системы учета, позволяющие интегрировать бухгалтерский и складской учет.

Материально ответственные лица несут ответственность за сохранность товарно-материальных ценностей. С ними заключаются договоры о полной материальной ответственности. На складах ведутся карточки складского учета либо используются электронные системы учета движения товаров.

Реализация товаров является основным источником доходов предприятия оптовой торговли. Основанием для отражения выручки служат договоры поставки, счета-фактуры, накладные и акты приема-передачи товаров. Доход от реализации признается в момент перехода контроля над товаром покупателю в соответствии с требованиями международных стандартов финансовой отчетности.

Бухгалтерский учет реализации товаров включает отражение выручки, списание себестоимости реализованных товаров, начисление налоговых обязательств и определение финансового результата. В процессе реализации возникает дебиторская задолженность покупателей, которая также подлежит систематическому контролю.

Для предприятий оптовой торговли характерны для операции по возврату товаров. Возврат может осуществляться по причинам ненадлежащего качества, несоответствия ассортимента, нарушения условий договора либо иных обстоятельств. Такие операции требуют корректировки выручки, себестоимости и налоговых обязательств.

Важным элементом организации учета является проведение инвентаризации товаров. Инвентаризация позволяет сопоставить фактическое наличие товарных запасов с данными бухгалтерского учета, выявить излишки, недостачи, порчу товаров и иные отклонения. По результатам инвентаризации принимаются решения о списании потерь, взыскании ущерба с виновных лиц либо корректировке учетных данных.

На предприятиях оптовой торговли особое внимание уделяется внутреннему контролю товарных операций. Система внутреннего контроля включает разграничение полномочий между сотрудниками, контроль за оформлением первичных документов, проведение регулярных сверок расчетов с контрагентами, мониторинг товарных остатков и анализ оборачиваемости запасов.

Современные предприятия активно внедряют автоматизированные системы бухгалтерского учета, такие как 1С и другие программные продукты. Автоматизация позволяет повысить точность учетных данных, ускорить обработку информации, минимизировать ошибки и обеспечить оперативное формирование отчетности.

Организация бухгалтерского учета товарных операций тесно связана с налоговым учетом. Предприятия обязаны обеспечивать правильное исчисление налога на прибыль, налога на добавленную стоимость и иных обязательных платежей. Ошибки в учете товарных операций могут привести к налоговым рискам, штрафным санкциям и искажению финансовой отчетности.

Одним из показателей эффективности организации учета товарных операций является оборачиваемость товарных запасов. Рациональное управление запасами способствует снижению затрат на хранение, уменьшению риска морального устаревания товаров и повышению ликвидности предприятия.

Таким образом, организация бухгалтерского учета товарных операций на предприятиях оптовой торговли представляет собой сложную систему, включающую документальное оформление операций, учет движения товаров, контроль расчетов с контрагентами, формирование финансовых результатов и обеспечение сохранности товарных запасов. Эффективная организация учета способствует повышению качества управленческих решений, укреплению финансовой дисциплины и росту экономической эффективности деятельности предприятия.

В условиях цифровизации экономики и усиления конкуренции совершенствование бухгалтерского учета товарных операций становится важнейшим направлением развития предприятий оптовой торговли. Внедрение современных информационных технологий, усиление внутреннего контроля и адаптация учетной системы к международным стандартам позволяют повысить прозрачность хозяйственной деятельности и обеспечить устойчивое развитие предприятия.

Литература

1. Бабашев В.Ф., Барышников Н.П. Бухгалтерский учет в торговле: учебник. – М.: КноРус, 2022. – 320 с.
2. Савицкая Г.В. Анализ хозяйственной деятельности предприятия: учебник. – М.: ИНФРА-М, 2023. – 400 с.
3. Палий В.Ф., Шеремет А.Д. Теория бухгалтерского учета. – М.: Юнити-Дана, 2021. – 288 с.

Zhang Yiling

Graduate Student, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University, Kyrgyzstan, Bishkek

*Scientific Advisor – Associate Professor of Accounting, Analysis and Audit Department
of the Kyrgyz National University named after Zhusup Balasagyn,
Candidate of Economic Sciences Kopobaeva Zhyldyz Kenzhebekovna*

IMPROVEMENT OF ACCOUNTING OF COMMODITY TRANSACTIONS AT THE WHOLESALE TRADE ENTERPRISE

Abstract. *The article considers the organization of accounting for commodity transactions at wholesale enterprises, which is a system for collecting, registering, summarizing and controlling information on the movement of goods, settlements with suppliers and buyers, the formation of the cost of goods sold and the financial results of the enterprise.*

Keywords: *inventories, trade margin, natural loss, turnover, commodity losses, profit, income, accounting.*

Актуальные исследования

Международный научный журнал

2026 • № 22 (308)

Часть III

ISSN 2713-1513

Подготовка оригинал-макета: Орлова М.Г.

Подготовка обложки: Ткачева Е.П.

Учредитель и издатель: ООО «Агентство перспективных научных исследований»

Адрес редакции: 308000, г. Белгород, пр-т Б. Хмельницкого, 135

Email: info@apni.ru

Сайт: <https://apni.ru/>

Отпечатано в ООО «ЭПИЦЕНТР».

Номер подписан в печать 03.06.2026г. Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

308010, г. Белгород, пр-т Б. Хмельницкого, 135, офис 40